

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

**ЭВОЛЮЦИЯ
СЕМЬИ
И
СЕМЕЙНАЯ
ПОЛИТИКА
В
СССР**

ББК 60.07
Э11

Ответственный редактор
доктор экономических наук А.Г.Вишневский

Рецензенты:
доктор экономических наук, профессор В.Д.Шапиро,
кандидат экономических наук Л.М.Прокофьева

Редактор издательства
Н.Б.Махеева

Э11 Эволюция семьи и семейная политика в СССР/
Отв.ред.А.Г.Вишневский.-М.:Наука,1992.140 с.
ISBN 5-02-13447-3

Книга содержит анализ основных изменений, происходивших с семьей в СССР в XX в., трансформации функций семьи — экономических, демографических, социально-психологических и социально-культурных. Рассматриваются современные проблемы функционирования семьи, а также меры семейной политики, направленные на решение или смягчение этих проблем. Анализируется существующая практика помощи семье в СССР и других странах.

Для демографов, социологов, экономистов, медиков, а также широкого круга читателей, интересующихся судьбами современной семьи.

0703000000-030
Э—————172-91,II полугодие
042(02)-92

ББК 60.7

ISBN 5-02-013447-3

© Издательство «Наука»,1992

ПРЕДИСЛОВИЕ

"Семейная политика" — относительно новое для советской научной литературы понятие, на эту тему у нас почти нет публикаций, хотя за рубежом она относится к числу активно изучаемых и обсуждаемых. Наша книга — лишь первая довольно общая попытка очертить круг подлежащих исследованию вопросов, структурировать проблему. За ней должны последовать, с одной стороны, углубление теоретических представлений о семейной политике, ее природе, возможностях и целях, с другой — конкретизация намеченных направлений воздействия на условия жизни семьи и ее функционирование, мер такого воздействия.

Проводимая на практике семейная политика обычно представляет собой набор мероприятий, направленных на улучшение условий функционирования семьи. Как правило, в них реализуются сложившиеся в общественном сознании рецепты помощи семье, основанные на более или менее поверхностном понимании ее проблем. Все видят трудности повседневной семейной жизни, и обыденный здравый смысл подсказывает кажушиеся очевидными простые решения. Они воплощаются в жизнь, чаще всего не приносят ожидаемых результатов, начинаются поиски других простых решений, и в конце концов образуется лоскутное одеяло, сшитое из разнородных и фрагментарных мер, которое и выдается за целостную систему.

Соблазнительно сразу же противопоставить такому принципу формирования семейной политики "научный" подход, основанный на более глубоком понимании того, что происходит с семьей, и ведущий к выработке более эффективных мер воздействия на нее. Однако не следует, вероятно, переоценивать способность любой политики быть "научной". Меры семейной политики часто имеют популистский оттенок. В ней всегда очень много субъективного, отражающего настроения сегодняшнего дня, противостояние различных интересов и политических сил. Но, как ни парадоксально это звучит, субъективное тоже объективно, различие интересов — реальность, от которой никуда не уйти. Поэтому представление о "единственно верном", "научном" понимании семейных проблем и путей их решения с помощью мер семейной политики в отличие от всех остальных "ненаучных" и, стало быть, не одних подходов само по себе достаточно утопично.

В чем же тогда смысл научных исследований, каким должно быть соотношение науки и практики? Если практики в поисках простых и эффективных решений склонны преувеличивать значение очевидного или кажущегося очевидным в семейных проблемах, то наука стремится в первую очередь увидеть неочевидное, скрытое от глаз. Делая то же

дело, что и практика, наука все же не должна сливаться с ней. Скорее, ей надлежит быть постоянным оппонентом практики, ее критиком с позиций более глубокого понимания сути вещей. Это не означает какого-то превосходства науки над практикой, они — равноправные участники диалога, у каждого из которых есть своя роль.

Анализ основных функций современной семьи, трудностей, с которыми связано их выполнение, изучение мирового опыта преодоления подобных трудностей, позволяют очертить контуры системы практических мер, наметить набор взаимоувязанных конкретных программ действий, в которых может реализоваться семейная политика в СССР на современном этапе.

Очевидно, что разработка комплекса таких программ не может быть выполнена представителями одной научной дисциплины, например, демографами. Задачи науки заключаются здесь в накоплении, объединении и актуализации знаний о семье как чрезвычайно сложном объекте междисциплинарного изучения, в организации такого изучения вокруг единого стержня, ориентирующего исследователей на достижение единства теоретического и практического аспектов научной деятельности.

Известно выражение: "без царя в голове". Мыслям — даже в собственной голове — нужен "царь", нужно некое организующее начало. Тем более оно нужно при любом междисциплинарном исследовании, если цель его — не просто создание склада всяких более или менее любопытных сведений из разных областей знания, а их интеграция, проблемное и концептуальное осмысление. "Семейная политика" как название комплексной междисциплинарной проблемы и обозначает такого "царя". Ее выделение в качестве самостоятельной исследовательской проблемы полезно, стало быть, не только для практики, но и для самой науки.

В качестве задачи изучения этой комплексной проблемы, как уже отмечалось, может быть названа интеграция накопленных демографами, социологами, экономистами, психологами, историками и другими специалистами знаний о разных сторонах жизнедеятельности семьи, нередко уже хорошо известных и даже ставших банальными, в единую систему представлений о том как строятся, могут или должны строиться отношения между институтом семьи, с одной стороны, и другими социальными институтами, в том числе и государством, — с другой.

Ведет ли такая работа к чему-то большему, чем простая компиляция существующих знаний, или есть основания ожидать появления нового знания?

Даже если говорить о максимальном обобщении уже сделанного, наверняка окажется, что изученность разных сторон жизнедеятельности семьи неодинакова. Это значит, что одним участникам исследования достаточно просто взять уже существующие, готовые результаты и перенести их с небольшой доработкой в данный проект, другим же

приходится в гораздо большей степени заняться заполнением выявленных пустот, а это неизбежно потребует добывания новых знаний.

Кроме того, новое знание возникает как следствие самой междисциплинарности. Свойства системы, как известно, не сводятся к сумме свойств составляющих ее элементов, и если итог общей работы действительно окажется системным, то возникающее вследствие этого новое знание будет научным результатом более высокого порядка, по сравнению с частными результатами, полученными на более ранних этапах исследования.

И, наконец, может быть, главным источником нового знания становится сама проблемная специфика изучаемых вопросов, особенно если ее понимать в свете отмеченной выше необходимости научного оппонирования практической идеологии семейной политики. *Научный* подход требует прежде всего осмысления внутренней сложности решаемых вопросов, внутренней противоречивости рассматриваемых задач, отделения объективно обусловленных, закономерно возникающих проблем от тех, которые порождены субъективными заблуждениями и ошибками. Движение в этом направлении — верный залог более глубокого понимания происходящих в семье и с семьей процессов, а это и есть новое знание.

Книга не случайно начинается с краткого очерка эволюции семьи в СССР. Осмысление задач семейной политики, ее перспектив неотделимо от отношения к переживаемым семьей переменам, их оценки. Только поняв основные направления этих изменений, порождаемые ими современные проблемы функционирования семьи, можно подойти и к вопросу о политике, сформулировать ее цели, задачи, принципы, основные направления.

Монография подготовлена сотрудниками бывшего отдела демографии Института социально-экономических проблем народонаселения АН СССР и Министерства труда и социальных вопросов СССР.

Авторы отдельных разделов: д.э.н. А.Г.Вишневский — Предисловие, разделы 1, 2, 3.2, 4, 6, Заключение; к.э.н. Е.М. Бубнова — раздел 3.1.1; к.э.н. Ю.М. Лукашук — 3.1; к.э.н. М.С. Тольц — 1.5, 4, 6; к.э.н. А.Б. Аничкин — 3.2.2, 3.2.3; к.ф.н. М.Ю. Арутюнян — 2.5, 5; 5.1; 5.2; 5.3; к.ф.н. О.М. Здравомыслова — 5; 5.1, 5.2, 5.3; к.м.н. А.А. Попов — 4; к.э.н. Л.С. Вишневская — 2; к.ф.н. Е.Ю. Мещеркина — 5; 5.1, 5.2, 5.3; Г.С. Витковская — раздел 3.2.2; Г.В. Рахманова — 3.2.2, 3.2.3; Т.А. Елизарова — 2.6; К.А. Бадыкова — подготовка материалов и оформление рукописи.

ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ В СССР

На протяжении всего XX в., особенно в советский период истории страны, семья в СССР переживала глубокие изменения, затрагивающие все стороны существования этого древнего института. Изменения обусловлены как закономерными сдвигами в жизни советского общества в ходе обновления его экономической и социальной структуры (индустриализации, урбанизации, секуляризации сознания, эмансипации женщин и детей и т.п.), так и катастрофическими, экстраординарными событиями — войнами и социальными катаклизмами, которые очень сильно деформировали и без того непростой, не всегда последовательный процесс модернизации семьи. Соответственно и его результаты оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, институт семьи, как и все общество, подвергся революционному обновлению, что способствовало преодолению кризиса патриархальной семьи и патриархальных семейных отношений, явственно ощущавшегося в начале века. С другой же стороны, в силу непоследовательности и незавершенности происходивших с семьей перемен она столкнулась с новыми проблемами, в значительной степени утратила способность выполнять многие жизненно важные для человека и общества функции, в ряде случаев вступила в состояние затяжного разлада с другими общественными институтами и, по существу, оказалась на пороге нового кризиса.

Охарактеризуем главные изменения, происходившие с семьей в СССР на протяжении XX в.

1.1. "Раскрестьянивание" семьи

В дореволюционные и первые послереволюционные годы подавляющее большинство семей в стране были крестьянскими. В 30-е годы их число быстро уменьшалось, но все же даже в 1940 г. 54% всего экономически активного населения приходилось на долю занятых в сельском и лесном хозяйстве, что косвенно указывает на все еще высокую долю крестьянских семей. Во второй половине 80-х годов доля занятых в этих отраслях опустилась ниже 20% [31, с.410], соответственно сократилась и доля крестьянских семей. Этими сдвигами предопределилось одно из главных изменений, происходивших с семьей: производственная деятельность ее членов — сначала мужчин, а затем во все возрастающей степени и женщин — переместилась за пределы семьи, что коренным образом изменило весь образ ее жизни.

1.2. Рост доли городских семей.

Вследствие раскрестьянивания семей и параллельно ему шел процесс превращения сельских семей, которые составляли большинство, в городские. Уже в довоенный период — между переписями 1926 и 1939 гг. — число городских семей увеличилось более чем вдвое, тогда как численность населения страны выросла не больше чем на 16%. В 1939 г. доля городских семей (в современных границах СССР) в общем числе семей составляла 34%, в 1959 г. — 48,4, в 1970 г. — 58, в 1979 г. — 64, в 1989 г. — 68%. [8, с.52; 11, с.78].

Таблица 1 1

Доля городских семей в общем числе семей по регионам, (%)

Регион	1959	1970	1979	1989	Прирост доли городских семей за 1959-1989 гг. (в процентных пунктах)
СССР	48,4	58,0	64,0	67,9	19,5
РСФСР	53,0	63,6	69,6	73,7	20,7
Украина	45,6	54,6	60,9	66,8	21,2
Белоруссия	29,9	42,5	53,9	64,0	34,1
Узбекистан	35,8	41,0	46,2	46,0	10,2
Казахстан	44,2	53,4	58,4	60,9	16,8
Грузия	43,3	48,9	52,5	56,1	12,8
Азербайджан	50,1	54,4	56,9	56,8	6,7
Литва	37,3	48,6	59,4	67,1	29,8
Молдова	22,6	32,4	39,0	45,5	22,9
Латвия	55,5	61,8	68,0	71,5	16,0
Кыргызстан	34,9	41,5	43,6	43,2	8,3
Таджикистан	36,0	42,1	41,8	40,0	4,0
Армения	51,4	61,6	68,1	68,8	17,4
Туркмения	49,7	52,7	54,2	51,9	2,2
Эстония	55,9	65,1	70,5	72,9	17,0

Процесс раскрестьянивания семей и превращения их из сельских в городские в разных частях страны и у разных ее народов шел и идет неодинаковыми темпами, неодинаковы и его количественные результаты. Как видно из таблицы 1.1, наряду с регионами, в которых доля городских семей уже высока и продолжает быстро нарастать, есть и такие, где эта доля все еще сравнительно низка и (или) увеличивается довольно медленно. Но в масштабах всей страны количественное преобладание городских семей быстро нарастает.

1.3. Уменьшение среднего размера семьи.

Качественные перемены в жизни семьи неотделимы от количественных. В целом семья не утрачивает своей роли одной из главных форм человеческого общежития, доля людей, живущих в семьях, остается весьма устойчивой, близкой к 90% (в 1939 г. она составляла 89,4%, в 1959 г. — 89,8, в 1970 г. — 90,1, в 1979 г. — 89,8, в 1989 г. — 89,5%)

[8, с.49; 11, с.78; 22, с.186-188]. Абсолютное число семей в стране все время увеличивается — даже несколько более высокими темпами, чем численность населения (табл. 1.2).

Таблица 1.2.
Рост числа семей в СССР

Год	Число семей, млн	Темпы роста	
		числа семей	численности населения
1939	42,7		
1959	50,3	1,18	1,09
1970	58,7	1,17	1,16
1979	66,3	1,13	1,09
1989	73,1	1,10	1,09

Составлено по: [8, с.52; 11, с. 78].

В то же время средний размер семьи после 1939 г. заметно уменьшился. В 1939 г. он составлял 4,1 человека на семью; в 1959 г. — 3,7; в 1970 г. — 3,7; в 1979 и в 1989 гг. — 3,5 человек [11, с.78,91; 22, с.206-207]. Сокращение среднего размера семьи объясняется значительным уменьшением доли крупных семей — с пятью и более членами. В 1939 г. таких семей было более 35%, в 1959 г. их доля сократилась до 26%, в 1989 г. она составила только 18% [11, с.78].

За усредненными общесоюзными показателями стоят большие региональные различия. В 1989 г. средний размер семьи в Латвии и Эстонии составлял всего 3,1 человека, в Российской Федерации, на Украине, в Белоруссии и Литве — 3,2 [11, с.78]. На другом полюсе находились республики Средней Азии — Узбекистан (5,5), Туркмения (5,6) и Таджикистан (6,1) [11, с.78-79]. У сельского населения этих республик средний размер семьи превышал 6 человек. Здесь доля крупных семей из 5 человек и более все еще велика (свыше 70% в 1989 г.).

1.4. Изменение состава семьи

Сейчас в СССР наиболее распространены три разновидности семьи: А — супружеская пара с детьми или без детей (нуклеарная семья); Б — один из родителей с детьми (неполная нуклеарная семья); В — супружеская пара с детьми или без детей с одним из родителей супругов и другими родственниками (сложная семья). На их долю в 1979 г. приходилось свыше 91% всех семей. Эти виды семей были наиболее распространенными и в прошлом, хотя их преобладание было не столь значительным. Например, еще в 1926 г. в Москве на долю таких семей приходилось около 83% всех семей — примерно столько же, сколько в 1979 г. в сельской местности Таджикистана. По-видимому, возраста-

ние доли трех основных видов семей — историческая тенденция, связанная с описанными выше изменениями.

Одновременно просматривается и другая тенденция: изменения соотношения между указанными тремя категориями семьи. Как видно из табл. 1.3, явно повышается доля нуклеарных и уменьшается доля сложных семей.

Таблица 1.3
Соотношение основных разновидностей семьи

	1926		1970	1979			
	Москва	Города РСФСР без Москвы и Ленинграда	СССР	СССР	РСФСР	Эстония	Таджикистан
Доля семей видов А, Б, и В в общем числе семей (%)	82,8	84,7	91,2	91,2	91,8	94,2	84,5
В том числе (в % к сумме по трем группам):							
вид А	67,8	68,5	69,8	72,5	72,3	73,6	70,7
вид Б	10,7	11,1	12,7	12,9	13,8	16,6	10,1
вид В	21,5	20,4	17,5	14,6	13,9	9,8	19,2

Составлено по: [3, с.44; 21, с.252].

1.5. Изменение процессов формирования семьи

Формирование и исчезновение семей происходит под воздействием заключения и распада браков, рождения детей, разделения существующих семей и смерти их членов. Что изменилось в ходе этих процессов?

Заключение первых браков. Сейчас, как и прежде, большинство мужчин и женщин каждого поколения рано или поздно вступает в брак. По данным переписи 1989 г., в возрасте 45-49 лет было всего 3,2% мужчин и 3,3% женщин, никогда не состоявших в браке [30, с.64]. Это даже меньше, чем в дореволюционные годы, когда брачность в стране была весьма высокой.

Не произошло принципиальных изменений и в возрасте вступления в первый брак (если не говорить о серьезных возмущениях, внешних войнами и другими социальными катаклизмами, которые в основном уже исчерпали себя). По данным переписи 1989 г. средний возраст вступления в первый брак для мужчин составлял 24,4 года, для женщин — 21,7 года, что мало отличалось от показателей конца XIX

в. Существенные сдвиги наблюдаются лишь в некоторых республиках Закавказья и Средней Азии. Когда-то эти республики отличались ранней брачностью женщин, позднее произошли очень большие изменения, и теперь для них характерна скорее, более поздняя брачность. В 1989 г. доля никогда не состоявших в браке среди женщин в возрасте 20-24 года составила в Азербайджане 47%, в Грузии — 41, в Туркмении — 46%, тогда как в РСФСР, например, 34%. На Украине — 29, в Латвии — 38% [30, с.65-66, 70-71, 74, 78].

В последнее время внимание исследователей в СССР (а еще больше в западных странах) привлекает новый феномен — распространение нерегистрируемых браков. Прямая статистическая оценка этого феномена затруднена, но имеются попытки оценить его косвенно, через динамику внебрачных рождений. Доля детей, родившихся вне юридического брака, увеличилась с 1980 по 1988 г. с 8,8% до 10,2% [2, с.217, 17, с.344]. При этом 43% родившихся вне юридического брака были зарегистрированы по совместному заявлению обоих родителей, что можно рассматривать как указание на существование фактического брака. Особенно много таких регистраций у сельского населения некоторых республик. Если в целом по стране число детей, родившихся вне юридического брака и зарегистрированных по совместному заявлению родителей, составило 4,4% общего числа родившихся, то в сельской местности РСФСР — 7,8%, Латвии — 10,4, Эстонии — 21%. Заметим, что у городского населения Эстонии этот показатель также весьма значителен (9,7%). Конечно, оценка распространенности нерегистрируемых браков по данным о внебрачной рождаемости далека от совершенства — хотя бы потому, что вне поля зрения остаются бездетные нерегистрируемые браки, а их, конечно, немало. Кроме того, трудно судить о том, какова доля нерегистрируемых среди первых, а какова — среди повторных браков.

Распадение браков. Гораздо большие изменения произошли в процессах распада браков вследствие овдовения и развода. С одной стороны, снижение смертности значительно снизило вероятность прекращения брака вследствие овдовения, хотя оно и остается главной причиной прекращения брака, особенно в старших возрастных группах. Но для более молодых супругов его роль намного меньше, чем прежде. Если в конце прошлого века на каждые 100 браков, заключенных сверстниками в возрасте 20 лет, имели шанс не распастись из-за смерти одного из супругов до достижения ими 50-летнего возраста 54 брачные пары, во второй половине 20-х годов нашего столетия — 63, то в середине 80-х годов этот показатель повысился до 79 [5, с.85].

С другой стороны, резко возросла вероятность распада брака из-за развода. До революции практика развода почти отсутствовала, число разводов на 1000 брачных пар составило в 1897 г. 0,06, в 1913 г. — 0,15. Но уже в 1926-1927 гг. этот показатель поднялся до 11,0 (для европейской части СССР). Впоследствии он на какое-то время понизился (1938-1939 гг. — 4,8; 1958-1959 гг. — 5,3), во всяком случае, если

говорить о зарегистрированных разводах, а затем снова резко вырос: 11,5 в 1969-1970 гг. и 15,2 в 1978-1979 гг. после чего стабилизировался: 14,1 развода на 1000 брачных пар в 1984-1985 гг. и в 1988-1989 гг. [30, с.64; 5, с.86]. Впрочем, высокое число разводов наблюдается не везде. Оно велико в Латвии, Эстонии, РСФСР, на Украине и в Белоруссии. В то же время оно остается относительно низким в Закавказье и Средней Азии. В настоящее время в регионах с высоким уровнем разводимости наблюдается тенденция к его стабилизации, в основном за счет городского населения, у которого появились признаки снижения разводимости, тогда как в сельской местности она продолжает расти (что, по крайней мере, отчасти обусловлено нарушением нормального соотношения полов у сельского населения).

Повторные браки. В 1988 г. 23,7% общего числа браков мужчин и 22,7% браков женщин составляли повторные браки [17, с.185]. Они играют существенную компенсирующую роль, в основном, по отношению к бракам, распавшимся вследствие развода (подобно тому, как в прошлом они компенсировали эффект овдовения). Сейчас наблюдается тенденция повышения компенсирующей роли повторных браков. Если при уровне брачности и разводимости 1978-1979 гг. имели шанс вступить в повторный брак 40% мужчин и 34% женщин, то в условиях 1988 г. эти шансы составляли 60% для мужчин и 52% для женщин. Фактически эти шансы, вероятно, даже выше, потому что здесь учтены только зарегистрированные повторные браки, а на деле немалое их число не получает юридического оформления.

Продолжительность жизни в браке. Совместное действие всех изменений в процессах формирования и распада браков отражается в суммарном виде в средней ожидаемой продолжительности жизни в браке. В табл. 1.4. приведены имеющиеся оценки этого показателя за длительный период.

Таблица 1 4

Ожидаемая продолжительность жизни в браке в Европейской России и СССР для лиц, достигших 16 лет (в годах)

Год	мужчины	женщины
1897	31,5	28,7
1926	34,6	29,9
1939	34,6	29,0
1959	41,2	28,3
1970	39,6	32,8
1985	37,4	33,8

Составлено по: [30, с.92].

Таким образом, если оценивать долговременное совокупное воздействие изменений в матримониальных процессах (включая сюда и овдовение) на формирование семей, то в целом можно говорить об относительно благоприятных сдвигах, способствующих удлинению

периода совместной жизни супругов, хотя эти сдвиги, вероятно, могли бы быть и более значительными, и более последовательными.

Появление детей. Появление детей — второй основной компонент формирования семьи. Здесь произошли очень большие изменения, связанные с сокращением числа рождений и более ранним завершением прокреативного цикла женщины.

По имеющимся оценкам, на каждую вышедшую замуж женщину, родившуюся в Европейской России в последнем десятилетии прошлого века, приходилось, в среднем, более 5 рождений. Для женских поколений, родившихся после 1905 г., этот показатель опустился уже ниже 4, а для послереволюционных поколений — ниже 3 [2, с.42].

У большей части населения СССР это снижение продолжалось и в дальнейшем, так что в РСФСР, на Украине, в Белоруссии, в республиках Прибалтики, начиная, по крайней мере, с поколений, родившихся в 30-е годы, на каждую когда-либо состоявшую в браке женщину приходилось, в среднем менее 2 рождений. Это не исключает того, что у части населения, в основном у коренных народов Средней Азии, казахов, азербайджанцев и некоторых других, даже у поколений, родившихся в 50-60-е годы, можно ожидать в среднем более 3, 4 и даже 5 рождений на одну вышедшую замуж женщину.

Резкое снижение рождаемости у большей части населения страны в значительной мере было оправдано снижением детской смертности конечное число выживающих детей в расчете на одну женщину или на одну семью менялось не так сильно. Но все же оно, несомненно сокращалось. В конце прошлого-начале нынешнего века в Европейской России выживало в расчете на одну женщину материнского поколения немногим более трех детей, сейчас в СССР в целом — немногим больше двух, а в регионах с низкой рождаемостью — менее двух.

Снижение рождаемости позволило родителям выбирать удобное для них время рождения детей, что привело, в конечном счете, к значительно более раннему завершению женщиной ее прокреативной деятельности. Характер изменений можно проиллюстрировать на примере Украины (табл. 1.5).

Таблица 1.5

Вклад матерей различных возрастных групп в итоговую рождаемость

Год	Число рождений на одну женщину	В том числе у матерей в возрасте (%)		
		до 25 лет	25-29 лет	30 лет и старше
Украина				
1926-1927	5,187	28,0	25,5	46,5
1938-1939	3,870	30,5	28,0	41,5
1958-1959	2,297	39,0	29,9	31,1
1978-1979	1,957	53,4	26,6	20,0
1989	1,934	57,7	24,8	17,5

Таблица 1.5. Окончание

Годы	Число рождений на одну женщину	В том числе у матерей в возрасте (%)		
		до 25 лет	25-29 лет	30 лет и старше
Узбекистан				
1978-1979	5,089	30,7	27,7	41,6
1989	4,021	40,6		29,3

Составлено по: [9, с.157; 16, с.309-310].

Как видим, за 50-60 лет на Украине очень сильно изменились не только среднее число детей, рождаемых одной женщиной, но и "календарь" рождений. Подавляющее большинство женщин заканчивает прокреацию к 30 годам, а больше половины детей рождается у матерей моложе 25 лет, что разительно отличается от ситуации 20-х — 30-х годов. Подобные изменения произошли и в других европейских республиках. В то же время, как видно из приведенных для сравнения данных по Узбекистану, у части населения страны уровень рождаемости и, соответственно, "календарь" рождений все еще сходны с теми, которые наблюдались на Украине 50-60 лет назад.

На формирование семьи влияют, конечно, не только рождения, но и смерти детей. Влияние этого фактора все время сокращается, так как детская смертность неуклонно снижается. В дореволюционные годы в России только на первом году жизни умирало более четверти родившихся детей, в 1989 г. в СССР сейчас 23 из каждой тысячи родившихся, а во многих регионах — значительно меньше (например, в Литве, Латвии — 11, в Белоруссии — 12) [16, с.382]. Такая смертность затрагивает очень небольшое число семей. В то же время и сейчас еще есть регионы с высокой детской смертностью. В Таджикистане, по официальным, вероятно заниженным, данным, не дожив до года, умирает 43 из каждой тысячи родившихся, в Туркмении — около 55. По оценке госкомстата СССР, в сельских местностях Средней Азии реальный уровень младенческой смертности в 1,5-2 раза выше, чем по данным учета [9, с.63]. Высока детская смертность и после достижения годовалого возраста. Так что здесь влияние смертности на формирование семьи все еще довольно значительно.

Разделение существующих семей. Одним из важных элементов изменений процесса формирования семей стал отход от широко распространенной в прошлом традиции сохранения больших неразделенных семей. Главные мотивы — прежде всего экономические — сохранения неразделенных семей отпали, и резко усилился процесс дробления семей, в частности, за счет отделения от родительской семьи молодых супружеских пар. Это общемировая тенденция, проявляется она и у

нас. А.Г. Волков, специально изучавший вопрос на представительном статистическом материале, пришел к определенному выводу о том, что подавляющее большинство молодых супругов стремится жить отдельно от родителей: живущие вместе с родителями, как правило, хотят отделиться, а живущие отдельно не хотят соединяться [8, с.219]. На практике процесс разделения семей до известной степени сдерживается трудностями с получением жилья для отделяющихся семей. Если бы таких трудностей не было, этот процесс, вероятно, шел бы еще более интенсивно.

По данным А.Г. Волкова, относящимся к первой половине 80-х годов, более 1/3 лиц, живших до брака вместе с родителями, отделяются от них сразу же после вступления в брак. Согласно его же расчетам, за первые 10 лет брака от родителей отделяется 59% молодых семей, а так как еще примерно 16% таких семей за это время распадается, то неотделенными от родителей по истечении 10 лет брака остается всего 25% семей. Но это — данные, относящиеся ко всей стране. Процесс отделения сильнее выражен в европейских республиках, особенно у городского населения, и значительно слабее — в республиках азиатской части страны, в первую очередь, у их сельских жителей [8, с.203, 216].

Сейчас за рубежом все явственней обозначается тенденция к отделению детей от родительской семьи еще до вступления в брак. Не исключено, что, по мере улучшения жилищных условий, эта тенденция будет нарастать и у нас.

Наряду с процессами разделения семей, ведущими к их нуклеаризации, идут и процессы воссоединения семей родителей и детей, в результате чего возникают трехпоколенные семьи. Чаще всего это соединение семьи взрослых детей с престарелыми, особенно одинокими, родителями мужа или жены, нуждающимися в уходе. Другая типичная ситуация — воссоединение с пожилыми родителями, помогающими воспитывать внуков. Однако подобные процессы не очень интенсивны и не могут противостоять нарастающим процессам нуклеаризации.

1.6. Перегруппировка функций семьи

Описанные перемены неразрывно связаны — либо как причина, либо как следствие — с кардинальными изменениями функций семьи.

Наиболее очевидны изменения экономических функций. Семейное хозяйство, бывшее на протяжении тысячелетий главной ячейкой общественного производства, в основном утратило эту роль. Конечно, и сейчас наряду с крупным может довольно успешно существовать и мелкое семейное производство, но все же не оно составляет основу современной экономики. У большинства семей сохраняются лишь ограниченные производственные функции, связанные с приготовлением пищи, эксплуатацией жилища, мелким ремонтом имущества и т.п.

Экономические функции семьи не сводятся к производственным. Отделившись от семейного производства, сохранила первостепенное

значение функция добывания средств существования для семьи. Но заметно изменились как круг членов семьи, выполняющих эту функцию (в частности, отпали дети), так и формы ее реализации — на первое место вышел труд по найму за зарплату (сalarизация труда).

В семье по-прежнему осуществляется основная часть непроектируемого потребления, складываются потребительские предпочтения, семья выступает в качестве главного носителя платежеспособного спроса. С потребительской функцией семьи тесно связана функция внутрисемейного (половозрастного, межпоколенного) перераспределения доходов.

Одновременно меняются и другие важнейшие функции семьи, которые можно объединить в три крупные группы: демографические, социально-культурные (социализирующие) и социально-психологические.

Демографические функции. Семья была и остается основным социальным институтом, в рамках которого осуществляется воспроизводство населения, создание и сохранение человеческих жизней. Однако объективные требования к демографическому функционированию семьи существенно меняются. Главное из этих изменений — отпадение необходимости в прежнем высоком числе рождений — очень сильно влияет на всю жизнедеятельность семьи, объясняет многие из описанных выше сдвигов.

Социально-культурные функции. Семья играет первостепенную роль в социализации личности, обеспечивает социальный контроль над поведением человека и т.п. По мере развития специализированных институтов, имеющих те же цели, круг задач семьи несколько сужается, но в основном за счет отпадения более простых, во многом технических задач (например, прививание профессиональных знаний и навыков). Наиболее же ответственные, не унифицируемые задачи передачи культурных и нравственных традиций остаются за семьей и в связи с усложнением социальной среды также значительно усложняются.

Социально-психологические функции. В семье реализуются наиболее индивидуальные, интимные потребности и стремления человека, снимается эмоциональное напряжение, вызываемое выполнением "внешних" ролей, обеспечивается формирование и сохранение целостной человеческой личности, способной выдержать огромное количество сложных и многообразных контактов с другими людьми, порождаемые ими эмоциональные перегрузки. В современных условиях, когда резко расширяется сфера внешних контактов человека и растет их эмоциональная насыщенность и в то же время стремительно развивается человеческая индивидуальность, обогащается и усложняется внутренний мир человека, значение социально-психологических функций семьи особенно возрастает.

Таким образом, изменение функций семьи, обусловленное резким повышением эффективности экономической и демографической дея-

тельности людей в XX в. и, в свою очередь, лежащее в основе глубоких перемен в их семейной жизни, сводится прежде всего к крупным сдвигам в соотношении этих функций. Ослабевает давление на семью экономической и демографической необходимости, открывается возможность расцвета социально-культурной и социально-психологической функций. Такая подвижка функций оказалась очень ценной. Она сделала возможной адаптацию человека к новой, более сложной, чем прежде, системе социальных связей и внесла огромный вклад в формирование нового типа семьи и нового типа личности, в создание наиболее благоприятной и устойчивой среды для организации частной жизни человека, гораздо больше, чем прежде, ориентированного на внесемейную деятельность, на взаимодействие с внешним миром.

1.7. Изменение исторического типа семьи

Подводя итоги сказанному, следует отметить, что, на протяжении сравнительно короткого исторического периода, институт семьи в СССР пережил огромные перемены, связанные с коренными изменениями экономических, социальных, демографических и прочих условий его существования и глубоко влияющие на повседневную жизнь большинства людей. Их масштаб и глубина дают основания говорить не просто о каких-то более или менее частных сдвигах, затрагивающих отдельные стороны семейного существования людей, а о кардинальном изменении самого типа семьи. Бывшая некогда преобладающей сельская, крестьянская, сложная, многопоколенная семья все более уступает место семье городской, малой, нуклеарной. Видоизменяются функции семьи и соотношения между ними, кардинальные сдвиги происходят в образе жизни семей, их потребностях, характере их взаимодействия с внешним миром, типе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т.д.

Переход к новому типу семьи — всемирное явление, он происходил и происходит во всех странах. СССР не исключение в этом отношении. В процессах эволюции института семьи в нашей стране проявляются универсальные, мировые закономерности, что не исключает своих особенностей, отражающих конкретные условия места и времени, культурно-исторические традиции разных народов и т.п.

Очень важное для нас обстоятельство — неодновременность перехода к новому типу семьи в разных регионах СССР, у разных частей его населения. В силу известных исторических различий, определенной неоднородности социально-экономического и демографического развития, у одних народов этот переход начался раньше, у других — позже, у одних идет быстрее, у других — медленнее. Отсюда отмечавшиеся выше различия в количественных параметрах, характеризующих жизнь семьи в разных республиках. Было бы неверно, формулируя цели и задачи семейной политики, абсолютизировать особенности тех этапов развития, через которые проходит сейчас та или иная часть населения, тот или иной народ, и не видеть при этом общего для всех направления развития. Но нельзя, конечно, и пренеб-

регать этими особенностями и предлагать решения, учитывающие только генеральную линию развития. Из этого, в частности, следует непригодность единых для всей страны универсальных рецептов семейной политики, необходимость вырабатывать их применительно к конкретным региональным (а иногда, возможно, и к выделенным по другим признакам ситуациям).

1.8. Многообразие моделей семьи в СССР

Исторический тип семьи — как старый, так и новый, — задает лишь общие границы, внутри которых могут реализоваться различные соответствующие этому типу *модели семьи*.

Модель семьи — это комплекс ее экономических, социальных и демографических характеристик. Важнейшими из них служат:

источники средств существования (работа в семейном хозяйстве или вне дома; заработок мужа или обоих супругов; внутрисемейное перераспределение доходов и пр.)

состав семьи (семья может быть, например, малой нуклеарной или расширенной; двух- или трехпоколенной; малодетной или многодетной и т.п.);

тип семейных отношений (авторитарность или эгалитарность; степень автономности супругов; положение женщины; допустимость развода; система воспитания детей и т.п.)

В настоящее время имеющиеся в СССР модели семьи отличаются большим разнообразием, без учета которого никакая семейная политика не может рассчитывать на успех. Это разнообразие имеет двойные основания. С одной стороны, оно связано с продолжающимся переходом к современному типу семьи, с другой, — с постпереходным плюрализмом ее форм.

Переходное многообразие моделей семьи. В связи с тем, что разные группы и слои населения страны находятся на разных этапах перехода от традиционного к современному типу семьи, у нас имеется широкий спектр семейных моделей, соответствующих как до- и постпереходным типам семьи, так и разным стадиям перехода от первого ко второму. На одном краю этого спектра находится еще довольно слабо затронутая переменами традиционная патриархальная крестьянская семья (например, у живущих в сельской местности коренных народов Средней Азии), на другом — постпереходная современная семья у некоторых слоев городского населения, особенно в крупных городах. Между ними — множество промежуточных, переходных моделей, последовательно сменяющих одна другую, но в каждый данный момент воспринимающихся как нечто вполне стабильное. Хорошей иллюстрацией этого спектра могут служить характеристики рождаемости у брачных когорт женщин, относящихся к разным группам населения страны (см. рис. 1, построенный по данным Отдела демографии НИИ Госкомстата СССР, полученным в конце 70-х годов).

Показатели рождаемости — лишь одна из многих характеристик модели семьи, но понятно, что они не существуют изолированно, на-

ходятся в достаточно тесной корреляции с другими ее качественными и количественными характеристиками: образом жизни, типом внутрисемейных отношений, составом и размером семьи, стабильностью брака и т.п.

Постпереходное многообразие моделей семьи

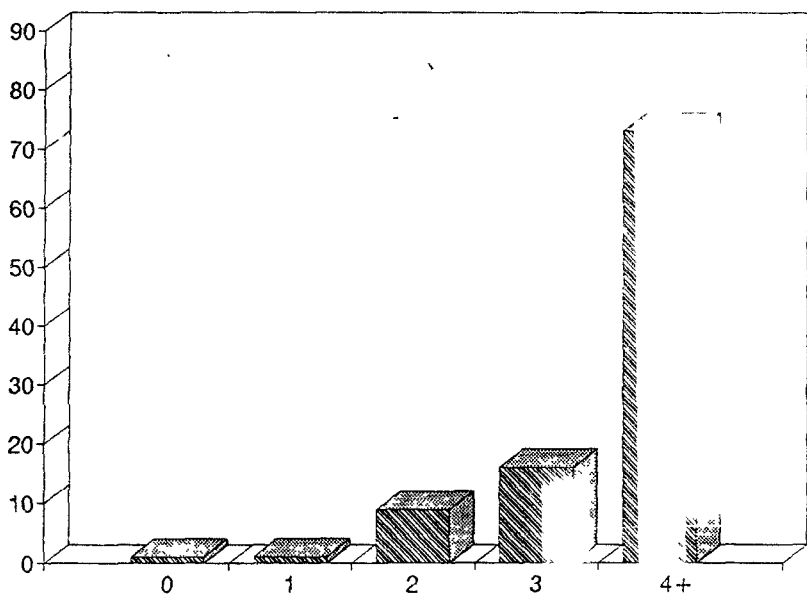
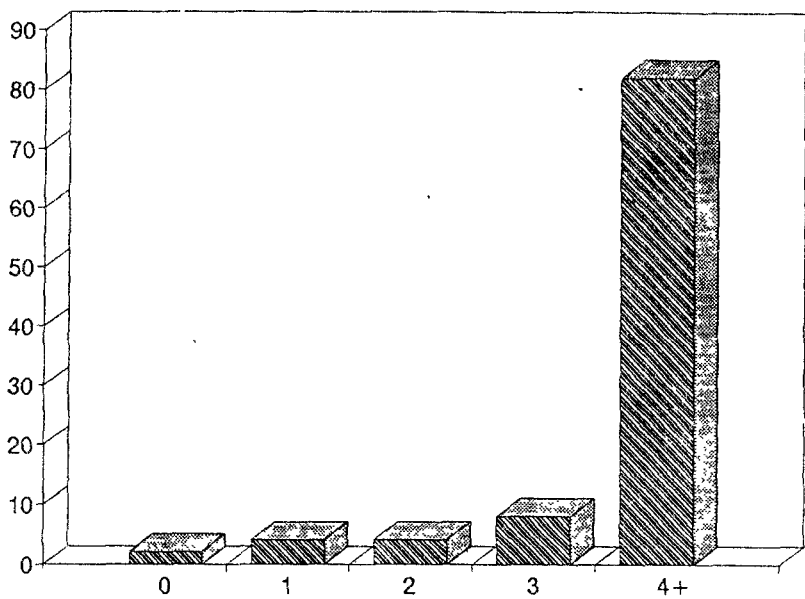
Переходное разнообразие семейных моделей будет существовать, вероятно, еще не одно десятилетие, но все же в долгосрочной перспективе оно может рассматриваться как временное, преходящее. Значит ли это, что после окончания перехода повсеместно установится одна единственная модель семьи? Скорее всего, это не так.

Преодоление стадийных различий, обусловленных несинхронностью перехода от одного исторического типа семьи к другому, не означает устранения вообще всех различий, связанных, в частности, с национальной спецификой, особенностями исторического пути или современного положения того или иного народа или социального слоя и т.п. Но, может быть, еще более важное значение имеет плюрализм семейных моделей, внутренне присущий новому типу семьи. Одно из его главных отличий от прежнего типа как раз и заключается, по мнению многих исследователей, в меньшей предопределенности модальной модели семьи, в изначальной приемлемости альтернативных моделей, в значительно возрастающей для каждого свободе выбора своей "семейной биографии". Наряду с привычной и кажущейся единственно возможной моделью, ядро которой составляют живущие в пожизненном браке супруги и рожденные в браке дети, появляются и получают общественное признание и другие модели: временное сожительство супругов, неполная семья, возникающая после развода, "материнская семья" (не состоявшая в браке мать с детьми) и пр. По мере того, как общество становится все более терпимым к подобным альтернативным моделям семьи, возникают сложные "семейные сети", когда, например, ребенок после развода родителей и вступления их в повторные браки фактически оказывается членом сразу двух семей или когда "сепарация" супругов и вступление одного из них или даже обоих в новый брак (иногда временный) не сопровождается разводом и не приводит все же к окончательному разрыву связей в первой семье.

Вне поля зрения семейной политики не должны, по-видимому, оставаться никакие, даже редко встречающиеся модели семьи. Но в основном она все же должна быть ориентирована на наиболее распространенные, массовые модели. В нынешних условиях СССР это прежде всего:

двухпоколенная нуклеарная семья с двумя работающими родителями и небольшим числом (1-3) детей в основном до 16-18 лет;

Рис. 1. Распределение замужних женщин по числу ожидаемых детей у некоторых групп населения СССР.
Горизонтальная ось: число детей, вертикальная ось: %

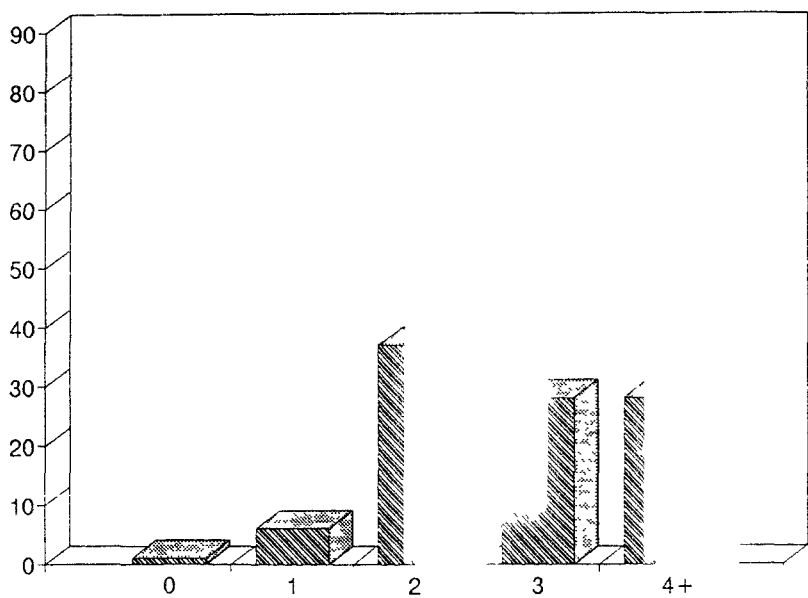
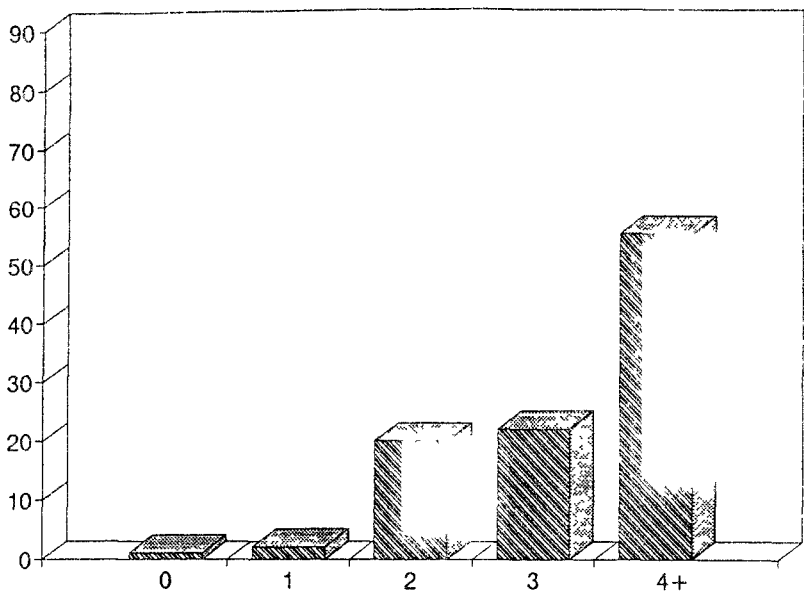
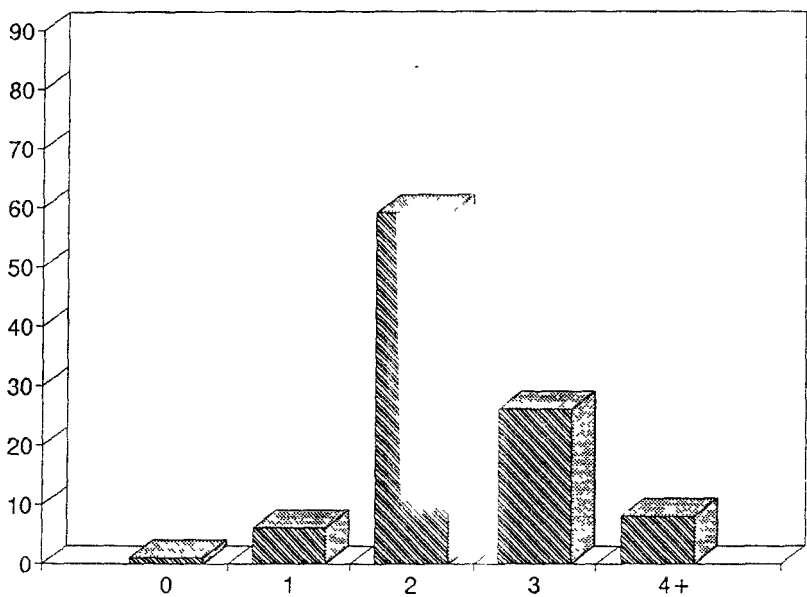
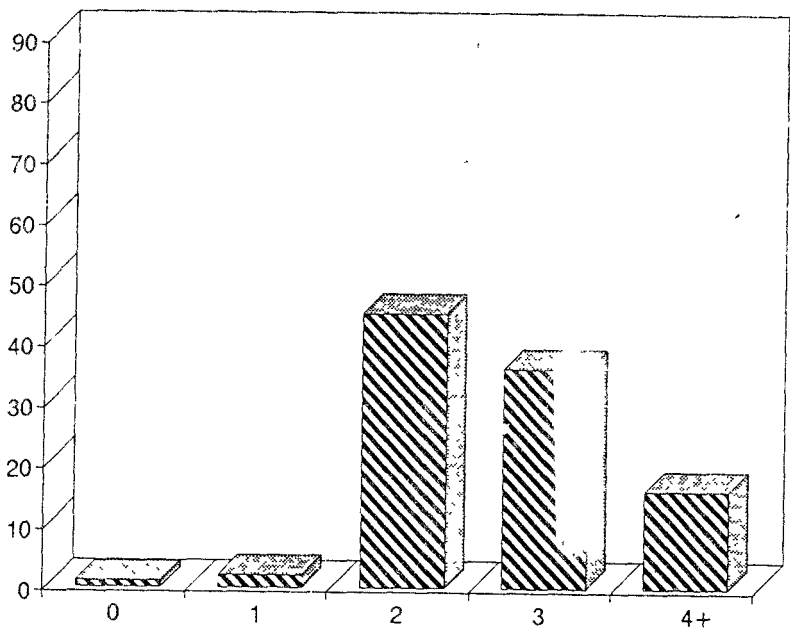

Рис. 1 (продолжение)

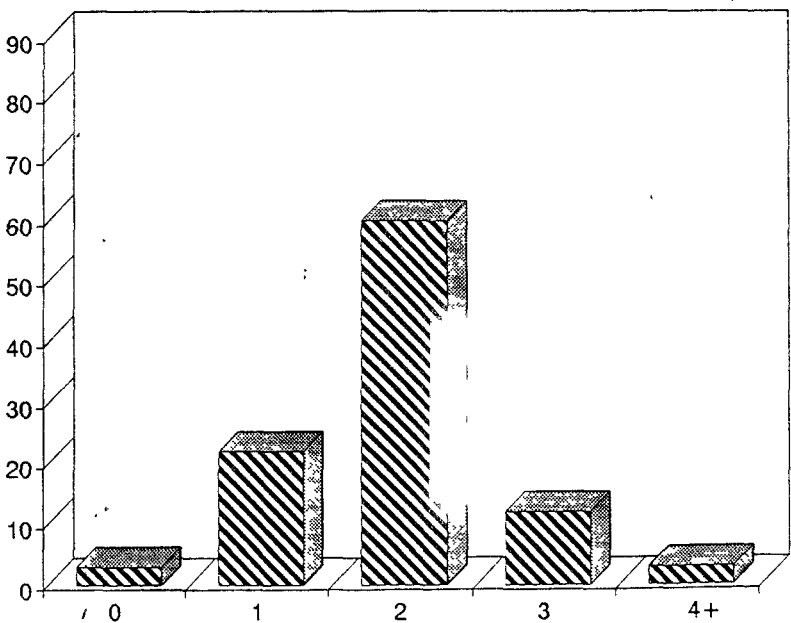
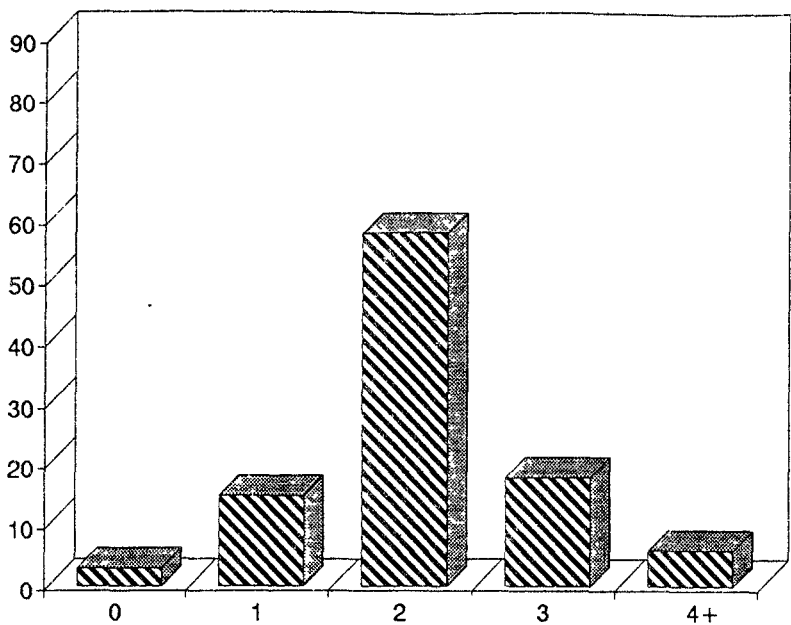
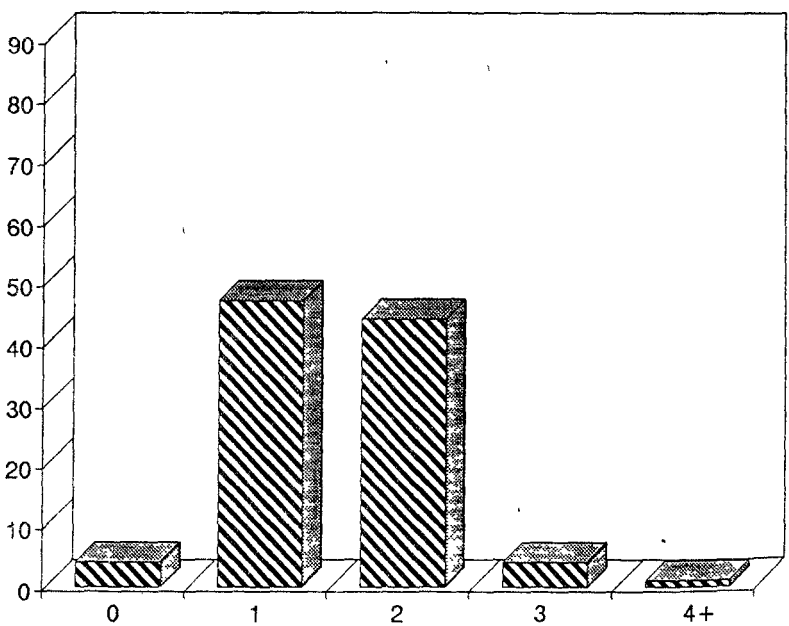
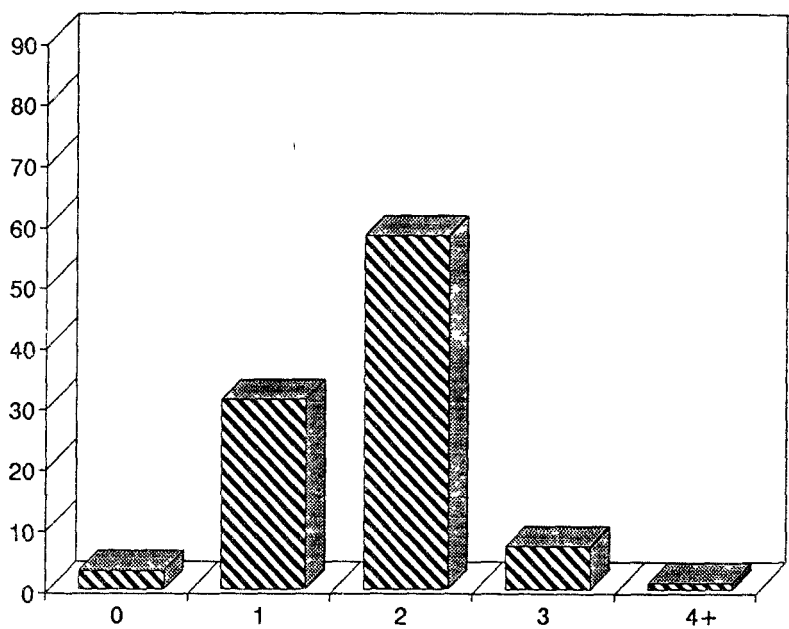

Рис. 1 (окончание)

двухпоколенная нуклеарная семья, чаще всего многодетная, с одним работающим родителем (отцом) и матерью, занятой домашним хозяйством и уходом за детьми.

двухпоколенная семья с взрослыми детьми;

неполная (с одним из родителей, чаще всего с матерью);

двухпоколенная семья с одним или несколькими детьми (семьи одиноких матерей, разведенных или овдовевших матерей или отцов);

нуклеарная семья без детей (супружеская пара, бездетная или имеющая взрослых детей, живущих отдельно);

трехпоколенная семья (чаще всего супружеская пара с детьми и родителями), полная или неполная;

Учет многообразия реально существующих моделей семьи — необходимое условие проведения семейной политики, которая всегда предполагает наличие того или иного отношения к этому многообразию у субъекта политики. Чаще всего оно выражается в неординарном отношении к различным частям "спектра семейных моделей", в стремлении поддержать одни модели семьи и вытеснить или, по крайней мере, потеснить другие. Не всегда, однако, учитывается, что появление тех или иных моделей семьи не произвольно. Оно — следствие глубинных сдвигов в основополагающих *функциях семьи*. Именно эволюция этих функций — первая и главная реакция на исторические изменения социально-экономических условий, в которых существует семья, ее места в обществе и в то же время основа всех последующих изменений в жизни самой семьи, ее форм и моделей.

Такова главная методологическая предпосылка настоящего исследования. Весь анализ проблем семейной политики группируется вокруг основополагающих функций семьи — экономических, демографических, психологических, социокультурных (социализирующих) — и их исторических изменений.

СУЩНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ, ЕЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ

2.1. Сущность, цели и задачи семейной политики

Переход к новому историческому типу семьи означает кардинальные перемены в образе жизни семей, их потребностях, характере взаимодействия с внешним миром, строе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т.д. и, в конечном счете, приводит к фундаментальным сдвигам в системе взаимодействия по всей цепочке личность-семья-общество.

С одной стороны, по мере того, как между членами семьи ослабевают связи, диктуемые экономической или демографической необходимостью, укрепляются некогда менее важные связи, основанные на психологическом взаимодействии, на чувстве, на аффективной привязанности. Семья сжимается до небольшой группы людей, объединяемых именно такими отношениями (супруги, родители и дети), ее внутренняя жизнь становится более автономной, более личностной, интимной, нетерпимой к вмешательству со стороны. Ослабление давления экономической и демографической необходимости, включение семьи и ее членов в гораздо более развитое разделение труда и более сложную систему общественных связей расширяет для каждого возможности экономического, демографического, эмоционального выбора, социальную, территориальную, образовательную, профессиональную, жилищную, брачную, ролевую, все другие виды мобильности. При этом возрастает в огромной степени ценность суверенитета семьи и свободного выбора индивидуального жизненного пути, идет ли речь о профессиональной карьере, брачном партнере, числе детей, стиле жизни или о чем-либо другом.

С другой стороны, в результате тех же перемен, наряду с автономизацией внутренней жизни семьи как одним из главных направлений ее развития четко прослеживается и ее все более тесное включение в систему новых общественных связей. Семья утрачивает свою экономическую самодостаточность, делегирует внесемейным институтам значительную часть своих функций по воспитанию детей, охране и восстановлению здоровья своих членов, их социальному обеспечению и в результате становится все более зависимой от них. Это и порождает необходимость в семейной политике как способе организовать и координировать деятельность социальных институтов, обеспечивающую взаимодействие семьи и общества на всех направлениях функционирования семьи.

Стало быть, семейная политика — это совокупность целенаправленных воздействий на существующие в обществе отношения по поводу семьи и социальные институты, влияющие на ее функционирование.

Когда речь идет о целенаправленном воздействии, сразу же возникает вопрос о целях. В наиболее общем виде цели семейной политики могут быть определены как *обеспечение наиболее благоприятных социальных, экономических, нравственных условий свободного развития каждой семьи, наилучшего выполнения ею своих основополагающих функций.*

Объект семейной политики — сама семья, а также другие социальные институты и общественные подсистемы (например, экономическая), функционирование которых непосредственно влияет на жизнедеятельность семьи.

В качестве субъекта семейной политики могут выступать государство и его органы, различные общественные организации и социальные институты (партии, профсоюзы, церковь и т.д.), отражающие интересы и воззрения различных групп и слоев населения.

Было бы, видимо, неверно, понимать семейную политику чересчур прямолинейно как однонаправленное воздействие "субъекта" на "объект". Отношения здесь намного более сложные, и окончательный выбор "наилучшего" варианта развития должен быть, вероятно, оставлен за главным объектом политики — за семьей. Конечно, интересы самих семей, особенно находящихся на переходных стадиях развития, могут быть достаточно противоречивыми, неопределенными. Семья может стоять на перепутье. Что лучше для нее: чтобы мать оставалась домашней хозяйкой и сама воспитывала детей, скажем, до достижения ими школьного возраста? Чтобы она пошла на работу, поручив домашнее хозяйство и воспитание детей оплачиваемой домашней работнице, няне? Чтобы пошла на работу, прибегнув к услугам системы общественного воспитания детей? Любой из этих вариантов имеет свои плюсы и минусы. Располагая инструментами политики, можно "подсказать", и даже навязать семье то или иное решение, ссылаясь при этом на высшие интересы общества. Где, однако, гарантия, что субъект политики правильно отражает эти интересы? Правильно их понимает? По-видимому, именно в интересах общества, следует в принципе отказаться от давления на семью и ориентироваться на то, чтобы сделать все имеющиеся возможности равно доступными, предоставив семьям самим делать окончательный выбор.

Нельзя, однако, не видеть, что для практической деятельности таких общих формулировок недостаточно. Что именно надо делать, чтобы обеспечить семьям максимально возможный выбор? Где ограничивающие этот выбор наиболее "узкие места", которые надо "расширить" в первую очередь? В какой последовательности надо действовать, учитывая неизбежную ограниченность ресурсов и невозможность решить все вопросы сразу? Сформулированные в общем виде

цели немедленно требуют дальнейшей детализации, превращения их в конкретные, параллельно или последовательно решаемые задачи.

При их постановке необходимо учитывать объективные тенденции развития института семьи, специфические особенности этого развития в разных регионах и у разных народов СССР, субъективные оценки происходящих процессов, их отражение в массовом сознании, ресурсные возможности общества и множество других факторов.

Далеко не одинаковые условия могут оказаться "благоприятными" для семей, находящихся на разных стадиях исторического развития института семьи и даже на разных стадиях ее индивидуального жизненного цикла. Например, "узким местом", препятствующим развитию планирования семьи, для одних семей служит низкая культура контрацепции и ограниченная доступность ее современных средств, а для других — сохранение традиционных культурных ценностей и норм прокреативного поведения. Стало быть, создания тех условий, которые будут благоприятствовать развитию планирования семьи в первом случае, окажется недостаточно во втором, неодинаковыми поэтому должны быть и первоочередные задачи политики. Более того, может даже оказаться — и это не такая уж редкая ситуация — что интересы разных семей требуют противоположных по своей направленности мер политики. Например, в одних случаях может ощущаться явный недостаток возможностей для внесемейной экономической активности членов семьи, в частности женщин, и для внесемейного воспитания детей (нехватка детских учреждений и пр.), в других — перегрузка членов семей (опять-таки в первую очередь женщин) внесемейной деятельностью, трудности, связанные с организацией семейного воспитания подрастающего поколения. Конкретные задачи политики здесь опять-таки будут разными.

2.2. Семейная, социальная, демографическая политика

Общеизвестно, что семья сегодня сталкивается с рядом очень серьезных проблем. Часть из них нельзя считать специфически семейными. Хотя они и проявляются в семье, в них отражаются какие-то более общие трудности, свойственные всему нашему обществу на нынешнем этапе его развития. Скажем, многие экономические неурядицы нашей семейной жизни — лишь следствие слабости экономики, ее низкой эффективности, слишком высокой доли фонда накопления в национальном доходе, несовершенства распределительных отношений и т.п. Для преодоления этих недостатков нужна не семейная, а общая социальная и экономическая политика, и если она будет успешной, то от этого выиграет и семья.

Есть, однако, другая группа семейных проблем, которые могут оставаться нерешенными даже и при весьма успешном общем экономическом и социальном развитии, если им не будет уделено специальное внимание. Это проблемы, связанные с внутренними переменами, переживаемыми семьей в связи с изменением ее исторического типа, с новым характером ее взаимоотношений с обществом. Если эти про-

блемы не выявлены и не осмыслены, семья может оказаться в состоянии кризиса даже в самом богатом и внешне процветающем обществе. Существование этих проблем и делает необходимой семейную политику как особую область, особое направление всей социальной политики. Ее смысл заключается в том, чтобы содействовать пониманию и признанию обществом глубинных интересов меняющейся семьи как части своих собственных перемен, поискам нового равновесия между личностью, семьей и обществом.

Таким образом, семейная политика — это составная часть социальной политики, отстаивающая специфические интересы семьи как одного из многих взаимодействующих между собой институтов и специфические интересы человека как носителя семейных ролей, которые он выполняет наряду с другими социальными ролями. Добавим, что без проведения очевидной для всех семейной политики, без ее гласного обсуждения невозможно прийти и к правильному пониманию этих специфических интересов.

Впрочем, вопрос об осмыслении *differentia specifica* семейной политики, о вычленении ее области внутри всей широко понимаемой социальной политики, едва ли можно считать до конца решенным. Ее можно понимать как относительно узкую сферу воздействия на распространение тех или иных типов и моделей семьи, форм семейного поведения. Возможна и более широкая трактовка, включающая в сферу компетенции семейной политики всю деятельность, непосредственно направленную на изменение или сохранение условий жизни семей, повышение их благосостояния и улучшение социального самочувствия, нейтральную по отношению к конкретным типам и моделям семьи или формам семейного поведения. Наконец, можно раздвинуть границы области семейной политики еще шире, и считать ее ответственной за побочные последствия всех решений, которые принимаются в различных сферах социальной жизни (в экономике, политике и пр.), не направлены специально на семью, но вольно или невольно оказывают на нее влияние.

В то же время можно рассматривать все эти трактовки не как рядоположенные, а как обозначения последовательных этапов развития семейной политики от кажущихся очевидными простых и фрагментарных форм воздействия общества на функционирование института семьи к более зрелым и всеохватывающим его формам.

Нередко возникает вопрос и о соотношении семейной и демографической политик. Они связаны друг с другом, но, конечно, не тождественны. Демографическая политика — тоже составная часть социальной политики, она отстаивает интересы одной из важнейших функциональных подсистем общества. Но она выделена по иному, нежели семейная политика, основанию: по функции, а не по объекту. Выделение демографической политики, определение ее целей и т.п. имеет важное значение, помогает обществу осознать круг специфических задач, связанных с его демографическим функционированием.

Однако при переходе к практическим действиям проведение такой политики оказывается затруднительным, если не невозможным. В большом арсенале мер демографической — по названию — политики практически невозможно найти такие, которые хотя бы частично не вторгались в другие сферы социальной политики, не переплетались бы с ними и даже не отодвигали бы собственно демографическую сферу на второй план. В подавляющем большинстве случаев и цели, и результаты того, что называют "демографической политикой", имеют комплексный характер, так что политика на деле оказывается не демографической, а многоцелевой.

Но такая политика должна иметь комплексные, полифункциональные объекты. В качестве одного из наиболее естественных объектов комплексной политики, органически включающего в себя и демографический компонент (хотя и не покрывающего всю демографическую сферу), выступает семья. Одна из ее функций — демографическая. В то же время у семьи есть и другие очень важные функции, делающие ее объектом социальной политики: забота о здоровье членов семьи, социализация детей, иждивение нетрудоспособных, организация потребления и т.д.

Разные направления социальной политики сходятся в семье, но из-за того, что последняя не рассматривается как целостный объект, они обычно слабо согласованы между собой, плохо учитывают специфику функционирования и развития семьи, этапы ее жизненного цикла, а потому часто оказываются неэффективными. Сейчас подобная ситуация все лучше осознается специалистами многих стран. Вырабатывается новый подход, в котором получает отражение общая тенденция большей интеграции демографической и социальной политики. Сохраняя и развивая представления о демографической политике как о важной макросоциальной категории, при переходе на микроуровень (где она получает реальное воплощение и где формулируются конкретные практические задачи) в центр внимания все чаще ставят семейную политику. В качестве иллюстрации такого подхода приведем высказывание чехословацких специалистов. "Необходимо выработать новый взгляд на современную систему заботы о семье и детях..., осмыслить это направление социальной политики как относительно самостоятельную область *семейной политики*, что означало бы и принципиальное обновление современной демографической политики. На демографическое развитие можно влиять прежде всего через семейную политику" [25, с.30].

2.3. Суверенитет семьи и семейная политика

Мы уже видели, что на протяжении длительного времени исторической эволюции института семьи и его взаимоотношений с обществом явственно прослеживаются две параллельные тенденции: растут ценность и значение *суверенитета семьи* и одновременно повышается роль *семейной политики*.

Семейная политика, однако, всегда — воздействие социальных институтов на семью, а такое воздействие почти неизбежно сопряжено с опасностью посягательства на ее суверенитет. Иными словами, обе указанные тенденции — повышение ценности суверенитета семьи и роли семейной политики, — хотя они и обусловлены одними и теми же процессами социально-исторического развития, изначально находятся в определенном противоречии друг с другом. Полное устранение этого противоречия, скорее всего, невозможно, речь может идти лишь о достижении приемлемого компромисса между требованиями, вытекающими из той и другой тенденций. Реальное развитие, по-видимому, и идет по пути поисков такого компромисса.

История XX в. знает немало примеров того, как государство, церковь, другие институты выражали свою волю, воздействуя или пытаясь воздействовать непосредственно на поведение людей в семейной жизни либо на их "семейную идеологию" (здесь нет принципиальной разницы). В основе подобного образа действий всегда лежит представление о существовании "более предпочтительных" и "менее предпочтительных" с точки зрения коллективных интересов типов и форм семьи и семейного поведения, что и оправдывает вмешательство государства или других социальных институтов в дела семьи в интересах общества или его отдельных групп.

Формы такого вмешательства могут существенно различаться. Среди них есть прямые репрессивные, запретительные меры, различные способы давления на человека и семью с целью ограничить свободу выбора и принятия решений: запрет либо моральное осуждение аборта или развода, производства, продажи или применения противозачаточных средств, дискриминация внебрачных детей или незарегистрированных браков, неприятие религиозно или этнически смешанных браков и т.п.

Хотя ни одно общество до сих пор не избавилось от подобных форм давления на семью и такое давление все еще имеет своих сторонников, негативное отношение к нему усиливается. Постепенно "репрессивная" идеология семейной политики уступает место идеологии "стимулирующих" мер, политика кнута уступает место политике пряника. Но идея социальной неравноценности типов семьи и форм семейного поведения при этом сохраняется. Типичным примером "стимулирующего" подхода может служить пронаталистская политика некоторых европейских государств, которые, отдавая явное предпочтение семьям с тем или иным числом детей (например, трехдетным), создают для них материальные, правовые и другие льготы, надеясь тем самым поощрить людей создавать именно такие семьи. Давление на семью имеет в этом случае более мягкие формы, но оно, конечно, сохраняется. Льготы по отношению к одним типам семьи или формам семейного поведения нередко оборачиваются дискриминацией других их типов и форм, например создают обстановку материального или морального

дискомфорта для бездетных, однопородных или, напротив, многодетных семей.

Постепенно накапливался опыт, который показывал, что семья умеет защищать свой суверенитет и что меры, игнорирующие внутренние побуждения семьи, оказываются малоэффективными. Соответственно меняется и идеология семейной политики, она все более переориентируется на социальные, "качественные" цели. Такая политика ничего не запрещает и ничего не стимулирует, ее меры нейтральны по отношению к типу семьи или формам семейного поведения. Скажем, если стимулирующая про- или антинаталистская политика предполагает зависимость величины семейных пособий от числа детей или очередности их рождения, то нейтральная политика такую связь отвергает. По замыслу, нейтральной по отношению к типу семьи (в нашем примере не про- и не антинаталистской) оказывается и политика, меры которой увязываются не с числом детей, а с каким-либо другим критерием, предположим, с благосостоянием семьи. Поддерживающие такую политику демографы часто не отказываются от своих целей (повышения рождаемости, если говорить о европейских условиях). Они предполагают, что если в результате мер демографически нейтральной политики экономическое и социальное самочувствие семьи будет хорошим, то собственно демографические проблемы решатся сами собой.

Доведенная до логического предела идея нейтральности семейной политики означает, что право на существование имеют только такие ее меры, которые никак не затрагивают суверенитета семьи. Насколько реально такое требование?

Даже в тех относительно простых случаях, о которых шла речь выше, нейтральность нередко может оказаться только кажущейся. Например, оказывая экономическую помощь малоимущим семьям безотносительно к числу детей в них, можно тем самым поощрить многодетность, ибо благосостояние семьи само сильно зависит от числа детей. Такую сомнительную нейтральность часто можно наблюдать и при проведении других мер, селективных не по критерию большей или меньшей предпочтительности типа семьи. Скажем, льготы для матерей-одиночек отнюдь не отражают предпочтения, отдаваемого субъектом политики этой форме семьи, а преследуют чисто социальные цели. Но если такие льготы становятся значительными, они утрачивают свою нейтральность, способствуют росту числа нерегистрируемых браков и другим "семейным" последствиям, которые вовсе не имелись в виду при введении льгот.

Уже эти примеры показывают, что проблема нейтральности семейной политики не так проста, как кажется. То, что нейтрально по одному критерию, совсем не нейтрально по другому, а учесть все критерии при проведении семейной политики, меры которой должны быть все-таки достаточно простыми, заведомо невозможно. Еще более важное обстоя-

ятельство заключается в том, что коллективные интересы реально существуют и они эмерджентны, т.е. не тождественны сумме интересов отдельных семей. Они объективно ограничивают суверенитет семьи, а значит делают невозможной абсолютно нейтральную семейную политику. Движение к ее большей нейтральности в действительности может означать лишь углубление компромисса между интересами множества семей и интересами социальных общностей, от имени которых проводится политика.

2.4. Принципы семейной политики

Нахождение такого компромисса в каждом конкретном случае и составляет главную задачу тех, кто разрабатывает и предлагает те или иные меры семейной политики. Никакие универсальные рецепты здесь невозможны. Но можно попытаться сформулировать некоторые критерии семейной политики, ее общие принципы, соблюдение которых позволяет исключить заведомо неприемлемые решения и облегчить нахождение необходимого компромисса. Назовем важнейшие из этих принципов.

Принцип суверенитета семьи. При проведении семейной политики необходимо, по возможности, минимизировать чье бы то ни было вмешательство в дела семьи. Ссылки на "интересы общества" не могут служить основанием для навязывания семьям того или иного образа действий или типа семейного поведения. Разумеется, это требование нельзя доводить до абсурда, имеются общепринятые правовые и моральные нормы, которые общество охраняет. Однако, как уже отмечалось, сейчас существует гораздо больший, чем в прошлом, набор общественно признанных альтернативных моделей семьи и семейных биографий. Любые попытки законодателя, общественного мнения, любых "третьих лиц", включая даже близких родственников, как-то повлиять на поведение семей, запретить или ограничить свободу аборт или развода, побудить семью к многодетности или, напротив, к ограничению числа детей, дискриминировать незарегистрированные браки или "незаконнорожденных" детей не соответствуют исторической тенденции развития семьи, способны вызвать только болезненную реакцию в обществе и, в конечном счете, обречены на провал.

Принцип суверенитета личности. Подобно тому, как семейная политика должна как можно меньше вмешиваться в дела семьи, апеллируя к интересам общества, так она должна минимизировать меры влияния на поведение членов семьи, оправдываемые интересами семьи как целого. Историческое развитие ведет к повышению ценности личного начала по сравнению с ролевым, и семья может успешно развиваться, только если эти изменения получают общественное признание. Поэтому недопустимы никакие явные или замаскированные меры политики, ограничивающие свободу волеизъявления одних членов семьи в пользу других, искусственно консервирующие тради-

ционное распределение семейных ролей, отжившие или отживающие стереотипы женского, мужского и детского поведения.

Принцип расширения свободы выбора. Суверенитет семьи реализуется в свободном выборе. Даже самые щедрые, самые популярные меры семейной политики угрожают этому суверенитету, если подталкивают большинство семей к одному решению, а не увеличивает число степеней их свободы. Принцип расширения свободы выбора задает, по существу, главный критерий оценки предлагаемых и реализуемых мер политики. Любая мера хороша или плоха прежде всего не своим конкретным содержанием (большая или меньшая величина пособия, более или менее продолжительный материнский отпуск и т.д.), а тем, расширяет она круг вариантов равноценного выбора или нет. Можно, к примеру, выплачивать большие пособия неработающим матерям и тем способствовать сохранению традиционной семейной роли женщины, а можно пойти по пути развития общественного воспитания детей на весьма выгодных для родителей условиях и тем побудить женщину к ускоренному освоению внесемейных ролей. Каждая из этих мер может быть очень хорошей, пользоваться популярностью, но наибольший социальный эффект достигается тогда, когда эти и подобные меры развиваются параллельно и конкурентно, создавая все новые возможности выбора.

Принцип опоры на собственные силы. Суверенитет семьи несовместим с социальным, а тем более государственным патернализмом, которым нередко пронизаны меры семейной политики. В нормальных условиях семья должна сама нести преобладающую долю ответственности за свою судьбу, благосостояние, за содержание и воспитание детей, поддержку престарелых, внутрисемейный климат — только тогда она может принимать свободные и независимые решения. Благополучие суверенной семьи должно быть результатом усилий ее членов, их труда. Соответственно и семейная политика должна быть направлена прежде всего на постоянное совершенствование условий реализации экономического и духовного потенциала семьи и каждого ее члена, их эффективного включения в общественное разделение труда, в систему коллективных усилий по увеличению богатства общества. Высшая цель такой политики — добиться, чтобы как можно большее число семей как можно меньше зависело от общественной благотворительности, как можно меньше нуждалось в разного рода пособиях, льготах, бесплатных услугах и т.п.

Принцип социальной защищенности семьи. Заботясь о способности семьи самой выполнять свои функции и нести ответственность за свое благополучие, семейная политика должна в то же время заботиться и о благополучии семей, которые, по тем или иным причинам, такой способностью не обладают или обладают в ограниченной мере. Это предполагает обеспечение всем семьям гарантированного, стандартного для каждой типичной семейной ситуации минимального уровня дохода, жилищных условий, социальных услуг, правовой защиты, сво-

бодного времени, других видов общественной поддержки. Чтобы этот принцип не вступал в противоречие с принципом опоры на собственные силы, круг получателей всех видов социальной помощи не должен быть чрезмерно широким, нужны достаточно жесткие критерии отбора. Но те, кто действительно нуждаются в помощи, должны получать ее в полной мере.

Принцип социального партнерства. Как показывает мировая практика, государство — наиболее вероятный и наиболее влиятельный субъект семейной политики. Важно, однако, чтобы оно не выступало в качестве монополиста, принимающего единоличные решения, и не брало на себя всю ответственность за судьбу семей, а делило ее с другими гражданскими институтами, со всеми гражданами. Вместе с ними оно должно участвовать в финансировании мер по социальной защите семей (такова мировая практика, но в СССР пока не так). На всех стадиях обсуждения и реализации семейной политики в целом и ее отдельных мероприятий государство должно сотрудничать с общественными организациями и движениями, светскими и религиозными, выражающими интересы и идеалы различных территориальных, национальных, социальных групп и слоев населения. Оно должно поощрять и поддерживать создание семейных, женских и тому подобных движений и ассоциаций, чья деятельность полностью или в значительной степени направлена на решение семейных проблем.

Принцип дифференцированности политики. Задачи и меры семейной политики всегда конкретны, вытекают из реальной ситуации в данное время и в данном месте. Любое общество неоднородно, необходимо, по возможности, считаться с этой неоднородностью, с экономическими, социальными, культурными и другими особенностями разных групп и слоев населения. Меры, кажущиеся естественными и приемлемыми в одной социальной среде, могут восприниматься как насилие и попрание суверенитета семьи — в другой. Отсюда необходимость дифференцированной по региональным, этническим или каким-либо другим признакам семейной политики, мер, учитывающих, насколько это возможно, разнообразие существующих социально-демографических ситуаций и моделей семьи.

2.5. Семейная политика и семейная идеология

Последний из названных принципов подводит к весьма сложному вопросу о том, как учитывать при проведении семейной политики не только различные для разных регионов и групп населения современные реальности, но и то, как они отражаются в общественном сознании, в том, что можно назвать "семейной идеологией".

В СССР эта идеология тесно связана с социальной и культурной маргинальностью десятков миллионов семей. Оторвавшись от традиционной культурно-нормативной базы, они не пришли еще к новой целостной системе социокультурных регуляторов семейных отношений и семейного поведения, испытывают тягостную раздвоенность, порой страдают просто от элементарной неподготовленности к суще-

ствованию в изменившейся социальной среде. Разные группы и слои советского, а еще раньше — российского общества оказались далеко не в равной степени подготовленными к охватившим семейную жизнь переменам. В результате сложился широкий спектр воззрений на семью и ее будущее, в котором нашли отражение как крайние, полярные позиции ("прогрессистская" и "консервативная"), так и множество компромиссных, промежуточных. Официальная идеология, многие десятилетия бывшая монополюсной, то приближалась к одной из двух крайностей, то пыталась балансировать в середине спектра, вмняя в обязанность всем придерживаться этой середины. Ни одна из этих позиций не была продуктивной, потому что сводилась к распространению на всех единого идеологического шаблона.

В 20-е годы на какое-то время возобладали ультрапрогрессистские взгляды на семью как на изживший себя рудимент прошлого. Это нашло отражение в правовых нормах. В прессе, научной и художественной литературе декларировались новые, более свободные отношения между мужчиной и женщиной, новые ценности, многие из которых сегодня рассматриваются как "ценности постматериализма", характерные для западных обществ конца XX в. (гедонизм, самореализация и пр.).

Возможно, уже тогда эти ценности были близки определенным слоям городского населения страны. Однако общество в целом, преимущественно сельское, не было готово к их восприятию, и очень скоро началось их отторжение. Маятник качнулся в противоположную сторону, и стали утверждаться и даже насильственно насаждаться весьма консервативные взгляды на семью и столь же консервативная практика регулирования семейных отношений (ограничения развода, запрет аборта, публичная оценка "морального облика", рассмотрение семейных конфликтов на партийных собраниях и т.п.).

Ультрапрогрессистские и консервативные воззрения на семью, при всех их различиях, имели и бесспорные точки соприкосновения: их сближало явное или неявное неприятие самооценности семьи, ее растущего суверенитета. Скажем, и для той, и для другой семейной идеологии характерно недоверие к семье как к социализирующему институту, им импонирует жесткий внешний контроль над воспитанием детей, доведенный то ли до полного его обобществления, то ли до неусыпного наблюдения за тем, как дети воспитываются в семье, со стороны всякого рода "общественности".

Сейчас многие из этих крайностей преодолены, но конфликт в общественном сознании сохраняется и в чем-то даже обостряется. Поляризация крайних типов семьи (на одном полюсе — модернизированная эгалитарная семья в крупных городах европейской части страны, на другом — патриархальная сельская семья в Средней Азии) и наличие большого числа ее промежуточных типов затрудняют, а может быть, делают и вовсе невозможным распространение одобряемого всеми образа семьи, идеала семейных отношений. Многообразие

свойственных разным этапам эволюции семьи проблем каждый раз требует своих особых подходов. При этом чем сложнее проблема, тем труднее достичь всеобщего согласия относительно этих подходов, выработать приемлемую для всех семейную политику.

Справедливости ради надо сказать, что речь идет не о каком-то специфически отечественном явлении. Происходящие с семьей исторические изменения, равно как и наблюдаемое многообразие моделей семейной жизни повсеместно воспринимаются представителями различных общественных групп и слоев неоднозначно, что неизбежно ведет к различным взглядам на цели, задачи и возможности семейной политики.

Например, несколько лет назад разработчики чехословацкой концепции семейной политики фиксировали три основных идеологических подхода к семье и ее будущему. В соответствии с первым из них, передавая свои основополагающие функции внесемейным институтам, семья утрачивает и свое былое положение в жизни общества и индивида, что ведет к освобождению человека, росту возможностей его самореализации и в то же время к более полному следованию общественным, коллективистским идеалам. В соответствии со вторым подходом, напротив, именно стабильная семья (в сущности, моногамная и нуклеарная) рассматривается как один из главных гарантов прочности общественного строя, развития гармоничной личности и здоровых межчеловеческих отношений. Наконец, в рамках третьего подхода признается закономерность эволюционных изменений семьи в прошлом и в будущем и появления ее альтернативных форм, отличных от доминирующего традиционного типа семьи, которые говорят не об исчезновении семьи, а о ее приспособлении к общественным переменам [25, с.2-3].

Различные семейные идеологии и ценностные системы, задающие ориентиры семейной политики, характерны и для западных стран. В частности, на Международном семинаре по семейной политике в Нотр-даме (США) в 1978 г. были названы четыре основные ценностные системы, определяющие семейную политику в Западной Европе и США.

1. Традиционная система ценностей лежит в основе такой политики, которая своим объектом имеет семью как целое и направлена на поддержание такого ее типа, который характеризуется предпочтением "скорее большой семьи, чем маленькой, скорее с главенством мужчины, чем эгалитарной, семьи с двумя родителями, состоящими в браке" [79, с.17]. Разумеется не в столь консервативной форме эта специфически фамилистская идеология была характерна в первую очередь для Франции и Бельгии, в меньшей степени — для Западной Германии.

2. Система ценностей, в основе которой лежит идея "распределительной справедливости", предполагает финансовую поддержку прежде всего семей, находящихся в неблагоприятных условиях: с низким доходом, с одним родителем, социально-маргинальных и пр. Такая

политика направлена не на поддержание определенного типа семьи (как в предыдущем случае), а на социальную компенсацию. Она существует в большинстве развитых демократий.

3. Выдвижение на первый план семьи в ее роли института социализации ведет к разработке комплекса мер, который направлен на защиту детей и предоставление им равных возможностей воспитания и образования. Стремление расширить социализирующие возможности семьи было особенно характерно в конце 70-х — начале 80-х годов для ФРГ.

4. "Новая социальная идеология", зародившаяся в конце 70-х годов, выдвинула на первый план ценность индивидуального развития. Это вызвало в ряде стран и соответствующие изменения в социальной политике. Семья перестала рассматриваться как устойчивое образование и хранитель традиций, а стала цениться в первую очередь за ее способность создавать новые отношения и ценности через "активное участие в социальных изменениях" [79, с.19]. С этой точки зрения семейная политика должна прежде всего учитывать вклад семьи в личностное развитие всех ее членов. Целью такой политики является "не поддержка какого-либо конкретного существующего или потенциального типа семьи ...а предоставление оптимальных возможностей для психосексуального и эмоционального благополучия и развития мужчин, женщин и детей" [79, с.20]. Наиболее привержены такой идеологии социальные политики Скандинавии. Так, в Швеции предпринимались особые усилия для развития равенства мужчин и женщин: оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком предоставляется любому из родителей; предприятия, нанимавшие женщин и предоставлявшие им возможность занимать ведущие позиции, получали государственные субсидии и гарантии. Одновременно велась активная пропаганда "мужской эмансипации", т.е. свободы для мужчин от стереотипа мужской семейной роли и возможности принятия ответственности за домашнее хозяйство, уход за детьми и их воспитание.

Таким образом, различные семейные идеологии и соответственно взгляды на то, к чему должна стремиться семейная политика, существуют не только у нас. Но социокультурная неоднородность общества в СССР намного больше, чем в любой другой развитой стране. Для нас, пожалуй, еще более, чем для Чехо-Словакии, характерно, что разные подходы к оценке процессов, идущих в семейной сфере, "служат источником более или менее воинствующих предрассудков, вместе с рядом модных мнений, опирающихся большей частью на отдельные и односторонние сведения..., входят в общественное сознание и формируют позиции отдельных лиц и социальных групп". Каждый такой подход формирует свою относительно комплексную ценностную базу, из которой выводятся желаемые функции семьи, цели семейной политики и взгляды на явления дисфункции" [25, с.3].

Наличие разных подходов к задачам семейной политики затрудняет, конечно, единство действий и в значительной степени ограничивает

возможности проведения такой политики, снижает ее эффективность. Поэтому велико искушение отклонить все подходы, кроме какого-нибудь одного, провозгласить его "научным" и выстроить последовательную систему целей и мер политики, вытекающую из этого единственного подхода. Но ведь эффективность политики на деле зависит от того, насколько полно она учитывает все стороны социальной реальности. А различные идеологические походы, о которых шла речь, -- тоже элемент реальности, причем элемент очень важный, отражающий настроения, взгляды, систему ценностей тех людей, на поведение которых и пытаются воздействовать мерами семейной политики. Иными словами, с точки зрения проведения такой политики, субъективные оценки того, что происходит в семье и с семьей, не менее важны, чем сами объективные процессы, происходящие в семейной сфере.

Это, конечно, не значит, что не существует научных подходов определению целей и методов семейной политики и что они не могут быть более близкими к истине, чем "идеологии", формирующиеся в массовом сознании. Современное обществоведение располагает определенным научным аппаратом, делающим возможным более или менее надежный анализ и прогноз объективных социальных процессов и тенденций, так что, в принципе, у "научно обоснованной" политики больше шансов быть успешной и эффективной. Но все же этот аппарат пока не столь совершенен, как аппарат естественных наук, он не исключает полностью субъективизма исследователя, связанного с его личной идеологической позицией. Поэтому оппонирование со стороны других "семейных идеологий" может оказаться полезным и при научном анализе.

Но тем более это оппонирование важно при выработке практических мер семейной политики, которые не могут быть эффективными, если не опираются на поддержку всех основных общественных сил.

2.6. Семейная политика и общественное согласие

Существование различных, порой даже и противоположных взглядов на положение семьи, семейные идеалы, а значит, на цели и задачи семейной политики может привести к формированию непримиримых позиций и существенно затруднить проведение любой политики, сделать ее недейственной. Чтобы избежать такого тупикового развития событий, необходимо выработать механизмы согласования разных подходов и достижения общественного консенсуса. Обоснование и проведение семейной политики не должно быть, как прежде, монополией государства и государственной науки, в выработку ее стратегии должны включиться широкие общественные движения, выражающие интересы разных слоев и групп общества. Сейчас в СССР они только формируются. Их взгляды на настоящее и будущее семьи, на место семейной политики во всей социальной политике нередко примитивны, а иногда и вообще отсутствуют. Однако, если демократический процесс в стране получит дальнейшее развитие, этот этап будет быстро

преодолен, все позиции будут четко выявлены, и станет возможной работа (очень непростая) по разработке и реализации единой стратегии семейной политики в той части спектра ее задач, где возможен консенсус, и, напротив, дифференцированных стратегий в тех случаях, когда нахождение компромисса окажется невозможным

Большого опыта взаимодействия различных общественных сил у нас в стране нет. Сейчас можно попытаться лишь в самом общем виде наметить основные институциональные группы, которые будут участвовать в таком взаимодействии: политические партии и общественные движения, специализированные общественные организации и фонды и, наконец, церковь.

Можно не сомневаться, что все политические партии и общественные движения, складывающиеся в стране, рано или поздно определяют свои позиции по основным вопросам, касающимся семьи, займут свое место в спектре возможных семейных идеологий — в соответствии со своими цветами политического спектра. Это означает, однако, что, по крайней мере, во многих случаях, партийные позиции смогут в большей или меньшей степени отражать действительные реальности семейной жизни, но в то же время будут находиться под сильным влиянием более общих политических соображений, окажутся окрашенными в прогрессистские, консервативные, популистские, националистические и тому подобные тона. Политические силы, находящиеся у власти, будут, как правило, оценивать реальную ситуацию как более благоприятную, чем она есть в действительности, тогда как оппозиционные силы, напротив, будут склонны к завышенной критичности в ее оценке. Должно пройти немало времени, пока острота первых противостояний ослабеет, но довольно существенные разногласия, видимо, будут существовать всегда. Поэтому очень важно, чтобы наряду с партиями или движениями, руководимыми преимущественно политическими интересами, борьбой за власть или влияние, существовали и авторитетные политически нейтральные организации, непосредственно выражающие семейные интересы граждан и тем самым охраняющие их от слишком сильного влияния партийных идеологий.

В качестве таких организаций могут выступать разного рода комитеты, союзы, объединения, фонды и т.п., создаваемые специально для решения каких-то общих или частных семейных или близких к ним проблем. Примерами таких организаций у нас могут служить Комитет советских женщин, Детский фонд, ассоциация "Семья и здоровье" и пр. В то же время это перечисление говорит о том, что общественных организаций, специально ориентирующихся на решение широкого круга семейных проблем, у нас нет. Между тем, практика многих стран указывает на важную роль подобных организаций, которые, решая порой частные и локальные задачи, в целом вносят заметный вклад в выработку и проведение в жизнь государственной семейной политики.

Для примера назовем Францию, где существует множество семейных ассоциаций самого разного происхождения — сельские, католические, родителей отсталых детей и т.п. На уровне департаментов они входят в департаментские союзы семейных ассоциаций, а на региональном уровне — в региональные союзы. Кроме того, с 1945 г. существует Национальный союз семейных ассоциаций. Национальный и департаментские союзы признаны государством как законные выразители интересов семей, их представители имеются в государственных структурах, принимающих решения по экономическим и социальным вопросам. Президент Национального союза семейных ассоциаций играет важную консультативную роль при принятии решений, затрагивающих интересы семей.

Семейные ассоциации и подобные им организации, отстаивая практические интересы семей самых разных типов, по характеру своей деятельности обычно деидеологизированы, часто сосредоточивают свои особые усилия на помощи маргинальным семьям, что предполагает широкую терпимость к самым разным вариантам организации семейной жизни и семейных отношений.

И, наконец, третья общественная сила, без участия которой нельзя ни выработать, ни проводить семейной политики, это церковь. В отличие от нарождающихся партий, все религии, как правило, имеют достаточно четкие позиции по вопросам, касающимся семейной жизни человека. Культура семейных отношений долгие века имела своей основой религиозное мировоззрение и нравственные пределы, им задаваемые. Начиная с какого-то момента возникла мощная нерелигиозная ветвь развития культуры, однако и она сохранила связь с материнским стволом и в принципе не оторгла многих нравственных норм, проповедуемых религией и регулирующих семейную жизнь людей. В этом смысле секуляризованное и религиозное сознание имеют немало точек соприкосновения, не противостоят друг другу, вполне могут сотрудничать и в выработке "идеального образа" семьи.

До сих пор такого сотрудничества у нас не было, церковь, по существу, была исключена из числа равноправных гражданских институтов. Ее влияние на семейную жизнь людей было сильно подорвано, что в немалой степени способствовало образованию культурного и нравственного вакуума и связанной с этим маргинализации семьи. Но потери понесла не только семья. Сама церковь, оказавшаяся в искусственной изоляции, вероятно, в какой-то мере оторвалась от массовой практики семейной жизни и может оказаться не готовой к восприятию и осмыслению необратимых перемен, переживаемых семьями. В то же время церковь, конечно, не утратила влияния на значительные группы населения и может эффективно поддерживать традиционные нормы и образцы семейной жизни там, где они сохраняют свою жизнеспособность.

Налаживание полноценного сотрудничества между церковью и другими гражданскими институтами, видимо, не будет простым. Не об-

легчает положения и многообразие религий, исповедуемых населением СССР, — ведь они тоже могут занимать разные позиции по одним и тем же вопросам, что отнюдь не упрощает достижения консенсуса. И тем не менее необходимо, чтобы церковь заняла свое место в качестве активного участника процесса определения приоритетов, установок общественного сознания, создания благоприятного климата для воспитания морального поколения в нравственно здоровой семье.

Это ставит много проблем как перед светскими властями, так и перед религиозными деятелями. За последнее время государство в СССР сделало немало шагов в направлении сотрудничества с церковью, однако еще больше предстоит сделать. Во всяком случае, до активного привлечения религиозных деятелей к разработке и проведению семейной политики дело пока не дошло, хотя ясно, что в некоторых регионах страны их неучастие в проведении такой политики способно обречь ее на полную неудачу. Нужны, конечно, и встречные шаги церкви. В целом, по-видимому, современная церковь к этому готова. Как отмечается в Мельбурнской декларации Всемирной конференции "Религия и мир" (1989 г.), она осознает свою "ответственность за благосостояние всех, особенно тех, кто лишен власти или маргинализован... Женщины и дети являются самыми уязвимыми группами в наших обществах... Мы создаем доверие, воспитывая самих себя и наших детей для мира и используя ненасильственные методы изменения и решения конфликтов. ...Религиозные общины и религиозные лидеры могут помочь в глобальном образовании, развивая позитивный опыт познания, связанный с людьми других культур и других религий... Они также могут моделировать образцы поведения, которые укрепляют добрые семейные отношения и предоставляют контекст для преобразующего социального поведения" [10, с. 43-49].

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ

3.1. Производственные функции

3.1.1. Конфликт производственных и семейных ролей

Природа конфликта ролей. В сравнительно недалеком прошлом семья была основной производственной ячейкой, самодеятельное население состояло по преимуществу из семейных работников. За короткое время положение коренным образом изменилось, преобладающим стало внесемейное производство. Обучение детей, профессиональная подготовка также переместились за пределы семьи. Выполнение семейных (супружеских, родительских, детских и т.п.) и производственных ролей оказалось разорванным по содержанию, разделенным во времени и пространстве. Это породило или, во всяком случае, резко обострило конфликт ролей, выполняемых одним и тем же человеком, создало не существовавшую ранее в массовых масштабах проблему сочетания ролей, особенно болезненную для женщины-матери. Конфликт не был своевременно осознан. Экономика страны развивалась так, будто этой проблемы вообще не существует.

Семейные функции и семейное производство. С одной стороны, это проявилось в недооценке возможностей и жизнеспособности семейной (или, как ее иногда называют в западной литературе, "неформальной") экономики. Экономическая теория и практика в значительной мере были ориентированы на то, что семейное производство полностью исчезает, не имеет никакого будущего.

Между тем семейное хозяйство, основанное на личном труде его членов, все еще сохраняет немалое значение. По некоторым оценкам, вклад "неформальной экономики" в валовой национальный продукт в развитых капиталистических странах составляет 10-20% его общего объема, иногда и больше. В СССР этот вклад, вероятно, тоже не так уж мал.

Велика роль семейной экономики в сельском хозяйстве. Хотя в 1989 г. всего 3% населения страны было занято только в личном подсобном хозяйстве (а это одна из форм семейного производства) и на долю личных подсобных хозяйств приходится менее 3% всех посевных площадей страны, в них сосредоточено более 45% площадей под картофелем и овощно-бахчевыми культурами. В личных подсобных хозяйствах производится 1/4 валовой продукции сельского хозяйства, в том числе около 30% мяса и молока, 31% овощей, 59% картофеля, 26% яиц [32, с.33, 449, 452, 481, 529].

Опыт личных подсобных хозяйств — убедительное подтверждение того, что потенциал семейного производства в сельском хозяйстве очень велик. Тем не менее доля продукции личных подсобных хозяйств, а значит, и семейного производства во всей продукции сельского хозяйства имела тенденцию к падению (по СССР в целом в 1980 г. — 26%, в 1985 — 25%, 1987 — 23%, такие же изменения наблюдались и в большинстве республик) [44, с. 18]. После принятия в 1990 г. Закона о собственности в деревне создается новая ситуация, следует ожидать оживления семейного производства в сельском хозяйстве, прежде всего, за счет развития семейного фермерства, а также других его форм.

Большие возможности имеет семейное производство в сфере обслуживания. И сейчас по большинству отраслей услуг они на 50-80% производятся в семье. Согласно бюджетным обследованиям, на ведение семейного хозяйства тратится не менее 25% общего фонда рабочего времени семьи, однако эти затраты низкоэффективны, в значительной степени и потому, что их результаты не имеют товарной формы, не ориентированы на рынок. Развитие малых семейных предприятий, кооперативов с широким использованием труда членов семьи, других подобных форм вдохнет новую жизнь в семейную деятельность и в сфере производства услуг в широком смысле слова — включая информационные, научные, медицинские и тому подобные услуги.

Мировой опыт довольно ясно указывает на ошибочность недооценки мелкого семейного производства. Во многих отраслях оно, наряду с крупным, оказывается весьма эффективным, придает всей экономической системе гибкость, динамизм. В современной литературе по экономике индустриально развитых стран такому производству уделяется возрастающее внимание, оно находится на подъеме. Главным фактором возрождения мелких производств наряду со специализацией стало сближение их технического уровня с крупным производством, а также внедрение сравнительно малокапиталоемких технологических методов, эффективных при производстве в небольших масштабах. В США к началу 80-х годов численность "самостоятельно занятых" (по нашей терминологии, занятых индивидуальной трудовой деятельностью) достигла 9 млн. человек, обгоняя по темпам роста занятость в сфере наемного труда. В СССР в 1989 г. в кооперативах (без учета совместителей) и индивидуальной трудовой деятельностью было занято около 3,4 млн человек [32, с.47].

Семейное производство позволяет в некоторой степени смягчить конфликт семейных и производственных ролей, сближая и по содержанию, и в пространственно-временном плане функционирование семейного "дела" и самой семьи. Для определенных типов семей и (или) на определенных этапах их жизненного цикла возможности, связанные с семейным производством (взаимозаменяемость членов семьи, большая свобода распоряжаться своим временем, условия для раннего приобщения детей к труду, передачи им профессиональных знаний и производственных навыков, наличие объединяющих семью производственных интересов и т.п.), — существенный фактор более равномерного и гибкого распределения производственных и семейных обязан-

ностей между членами семьи, снятия физических и психоэмоциональных напряжений, связанных с "двойной нагрузкой" женщины.

В то же время значение семейного производства в разрешении "конфликта ролей", не следует преувеличивать. Оно далеко не всегда способно противостоять центробежным силам, разрушающим замкнутость семейного мира. Экономические и иные интересы детей да и любого другого члена семьи могут оказаться несовместимыми с участием в семейном производстве. Мелкое семейное предприятие, ферма уязвимы для конкуренции, поддержание конкурентоспособности требует постоянного напряжения, за него нередко приходится платить пренебрежением семейными обязанностями, здоровьем членов семьи, отказом от отдыха. "Самозэксплуатация" работников семейного производства может довершаться и прямой патриархальной эксплуатацией зависимых членов семьи — женщин, детей. Борьба с ней в домашних стенах крайне затруднена.

Семейное производство, стало быть, не панацея от "конфликта ролей", хотя определенные возможности для его смягчения оно создает. Такие возможности следует наилучшим образом использовать, и в этом — одна из задач семейной политики.

Семейные функции и внесемейное производство. С другой стороны, коллизия между функционированием семьи и производства в новых условиях совершенно не учитывалась при развитии внесемейного производства. Об этом свидетельствует, в частности, чрезвычайно высокая занятость женщин во внесемейном производстве. Мужчины, первыми освоив в массовых масштабах труд за пределами семейного хозяйства, создали мир труда, нормы трудовой жизни (ее непрерывность, продолжительность рабочего времени, режимы работы и пр.), приспособленные для себя и не учитывающие ни особенностей женского организма, ни своеобразия ее жизненного цикла. Если первое постепенно осознавалось и предпринимались попытки — тоже не всегда последовательные — как-то учесть психофизические особенности работающей женщины, то второе у нас практически не учитывалось никак. Согласно официальной статистике (она дает, вероятно, преувеличенные оценки внесемейной занятости, особенно в сельском хозяйстве), на протяжении длительного времени у нас в общественном производстве женщины заняты почти поголовно, их занятость мало отличается от занятости мужчин соответствующих возрастов (табл. 3.1).

Таблица 3.1

Доля занятых в общественном производстве в общей численности соответствующих половозрастных групп (%)

	1959		1970		1979		1989	
	Муж-чи-ны	Жен-щи-ны	Муж-чи-ны	Жен-щи-ны	Муж-чи-ны	Жен-щи-ны	Муж-чи-ны	Жен-щи-ны
Все население в трудоспособном возрасте	89	70	87	82	87	84	87	80

Таблица 3.1. Окончание

Доля занятых в общественном производстве в общей численности соответствующих половозрастных групп (%)

	1959		1970		1979		1989	
	Муж- чи- ны	Жен- щи- ны	Муж-Жен- чи- ны	Жен- щи- ны	Муж-Жен- чи- ны	Жен- щи- ны	Муж-Жен- чи- ны	Жен- щи- ны
В том числе:								
20-29 лет	92	76	90	85	91	89	91	89
30-39 лет	96	72	98	91	98	95	98	95
40-49 лет	94	66	96	89	97	90	97	93
50-54 года	88	53	89	74	90	82	90	81

Таблица 3.2

Доля занятых в общественном производстве в некоторых странах (в % к общей численности соответствующих половозрастных групп)

Страна	20-29	30-39	40-49	50-54
США, 1987				
Мужчины	84,6	92,2	91,7	87,9
Женщины	72,6	49,2	72,7	63,2
Япония, 1987				
Мужчины	83,2	97,1	97,2	95,5
Женщины	65,5	56,7	68,9	61,8
Австрия, 1987				
Мужчины	85,4	97,0	96,8	90,1
Женщины	68,4	61,9	60,7	50,7
Дания, 1986				
Мужчины	89,8	94,7	93,8	87,4
Женщины	84,8	88,6	84,8	72,9
Финляндия, 1987				
Мужчины	87,5	95,6	93,7	84,5
Женщины	76,8	88,2	89,9	81,1
Франция, 1987				
Мужчины	80,2	97,4	96,5	90,4
Женщины	69,9	72,1	70,2	59,9
ФРГ, 1986				
Мужчины	83,9	96,8	97,0	93,1
Женщины	71,0	62,1	59,8	51,5

Составлено по: [72, т.1].

Простое сравнение табл. 3.1 и 3.2 говорит о том, что трудовая занятость женщин в СССР чрезмерна. В ней очень ярко проявляется односторонний подход к разрешению "конфликта ролей". Долгое время ставка делалась на максимальное освобождение людей от семейных обязанностей (в частности, за счет развития общественного воспита-

ния детей), т.е. за счет приспособления к новой ситуации только одной из взаимодействующих сторон — семьи. Производство же чувствовало себя свободным от каких бы то ни было встречных обязательств. Сложившаяся структура рабочих мест, преобладающие режимы работы практически не учитывают семейных интересов человека. Попытки расширить возможности выбора условий труда, режимов работы и т.п. пока предпринимаются больше на словах, нежели на деле, реальный выбор крайне ограничен, 41-часовая рабочая неделя остается преобладающей для большинства населения. У женщин в наиболее активных рабочих возрастах (от 20 до 50 лет) затраты времени, отдаваемого производству, почти такие же, как у мужчин, их трудовая жизнь строится практически без учета специфических семейных ролей женщины, производство, использующее женский труд, не предоставляет им никакого выбора. Женщины, сочетающие семейные и производственные функции, несут двойную трудовую нагрузку. По данным 1985 г., мужчины и женщины — рабочие и служащие промышленности имели рабочий день одинаковой продолжительности — 7 ч 57 мин. При этом женщины затрачивают на ведение домашнего хозяйства в 3 раза больше времени, чем мужчины. Свободного времени у женщин почти в два раза меньше, чем у мужчин, в рабочие дни, и в полтора раза — в выходные. У колхозниц свободного времени остается еще меньше.

3.1.2. Пути преодоления конфликта ролей

А. Оптимизация соотношений между семейным и несемейным производством.

Один из путей к преодолению или, по крайней мере, к смягчению проблем, порождаемых конфликтом семейных и производственных ролей человека (в первую очередь женщины, но этот конфликт существует и для мужчины, в какой-то мере и для детей, для которых очень часто нет места ни в семейном, ни в несемейном производстве), лежит через нахождение оптимальных границ между семейным и несемейным производством. Эти границы зависят от конкретных условий, определяются реальным взаимодействием обеих групп факторов — экономических и семейных — и, вероятно, довольно подвижны. Но они, конечно, не произвольны и в действительности реальное соотношение семейных и несемейных форм производства тем ближе к оптимальному, чем более совершенен механизм, на деле обеспечивающий их взаимодействие, конкуренцию между ними. У нас, к сожалению, этот механизм далек от совершенства, в определении границ между сферами семейного и несемейного производства долгое время преобладал волюнтаризм. В результате организация семейного производства товаров или услуг очень часто оказывалась невозможной для тех, кто хотел бы создать такое производство. Реальное соотношение семейного и несемейного производств, по-видимому, крайне далеко от оптимального.

В этом несомненно сказывается односторонняя ориентация нашей теории и практики на ускоренное вытеснение семейного производства

внесемейным, абсолютизация преимуществ этого последнего. Конечно, такие преимущества существуют. Они связаны с огромным экономическим прогрессом, порожденным разделением труда, а также с социальным прогрессом: небывалым расширением свободы индивидуального выбора в сфере производственной, профессиональной деятельности. Однако, правильно отражая общую историческую (и прогрессивную) тенденцию: движение от семейного производства к несемейному, нарастающую сальаризацию труда (т.е. его превращение из бесплатного труда на себя и свою семью в труд за денежное вознаграждение, заработную плату), — и теория, и практика, по-видимому, недостаточно учитывают существующие здесь объективные пределы.

Двоякая природа этих пределов ясна из сказанного ранее. Во-первых, они обусловлены чисто экономически: крупные предприятия и фирмы не могут заполнить все поры экономической структуры, всегда остаются многочисленные незанятые ниши, заполнение которых мелкими семейными предприятиями оказывается экономически целесообразным. Во-вторых, свои границы здесь ставит и само функционирование семьи. Для довольно большого числа семей — и именно в силу их семейных обстоятельств (наличие детей, других нуждающихся в уходе или присмотре членов семьи и пр.) — предоставляемые семейным производством возможности взаимозаменяемости членов семьи, работы на дому, свободного распоряжения своим временем и т.п. перевешивают негативные стороны этой формы производства, что и делает его конкурентоспособным даже с более эффективным крупным производством.

Первый из названных пределов все лучше осознается в последние годы. В той мере, в какой неразвитость мелкого производства снижает эффективность экономики, ее преодоление должно стать — и уже стало — заботой экономической политики. Но коль скоро от нее страдают и специфические интересы семей (что осознано меньше), здесь есть место и для семейной политики.

Требование семейной политики в этой области заключается в расширении возможности для семьи выступать в качестве производственной, хозяйственной единицы, в устранении искусственных помех, когда речь идет о выборе семьей форм ее участия в производстве необходимых обществу благ и услуг, а может быть даже в создании для некоторых типов семей определенных льгот, повышающих их конкурентоспособность в сфере хозяйственной деятельности. Таковы, например, налоговые льготы для определенных категорий семей, занимающихся производственной деятельностью (многодетных семей, матерей-одиночек, семей с престарелыми, инвалидами и т.п.)

В то же время некоторое объективно оправданное расширение сферы семейного производства на современном этапе не может изменить исторической тенденции к постепенному сокращению его вклада в совокупный объем производимых благ и услуг. Ведущая роль здесь всегда будет принадлежать производству внесемейному. А это значит,

что необходима политика, защищающая интересы семей, члены которых заняты в крупном производстве. Она должна отстаивать формальные права и реальные возможности работников, находящихся в определенных семейных ситуациях, на все более полный учет этих ситуаций и связанные с ними производственные льготы. Такая политика проводится. Ее примерами могут служить предоставление работающей женщине оплачиваемого отпуска по беременности и родам; предоставление права на отпуск (частично оплачиваемый или неоплачиваемый) по уходу за ребенком до достижения им определенного возраста; признание прав и создание возможностей для женщин, имеющих детей, работать неполный рабочий день, неполную рабочую неделю, а также работать на дому.

Однако в целом учет семейных обстоятельств, половозрастной и семейной специфики работников общественно организованного производства пока недостаточен. Здесь еще многое предстоит сделать. Необходимо последовательно в нарастающей степени ограничивать использование определенных категорий работников на противопоказанных им работах, постепенно отказываться от неудобных, а то и прямо вредных для них режимов труда и, напротив, добиваться массового распространения удобных для семейных людей режимов, расширять перечень предоставляемых по семейным обстоятельствам производственных льгот и возможностей их реализации, а также расширять круг членов семей, на которых могут распространяться такие льготы (включение в него не только матерей, но и отцов, бабушек и т.п.).

Б. Сужение области неудобных и вредных условий и режимов труда

Многие ключевые вопросы оптимизации совмещения производственных и семейных обязанностей упираются в сложившуюся структуру рабочих мест и организацию рабочего времени и могут быть хотя бы частично решены только с достаточно серьезным изменением того и другого. В частности, необходимо значительно ограничить давление на условия и режимы труда нынешней гипериндустриализованной структуры народного хозяйства, его малой эффективности и низкого технического уровня.

Отраслевая структура занятости. Сейчас более половины женщин занято в основных отраслях материального производства — в промышленности, сельском хозяйстве, транспорте, связи и пр. По данным единовременного учета численности рабочих по профессиям на 1 августа 1989 г. доля женщин-рабочих составляла в строительстве — 14%, в совхозах — 36, в связи — 69, в промышленности — 44%, при этом по отдельным отраслям промышленности — легкой, полиграфической, пищевой, стекольной, фарфоро-фаянсовой — от 56 до 80%. Женщины работают и по таким запрещенным для них профессиям, как асфальтобетонщики, плотники, взрывники, бурильщики, проходчики шахт и рудников, машинисты бульдозеров, лесорубов, дровоколов. Среди подсобных рабочих женщины составили 59% [45, с. 28,30].

Однако эти отрасли народного хозяйства в наименьшей степени приспособлены к созданию рабочих мест, позволяющих относительно безболезненно сочетать производственные обязанности с семейными, особенно на тех этапах жизненного цикла семьи, когда семейные обязанности забирают много времени и сил. В то же время сфера обслуживания, широко понимаемая сфера услуг (включая научные, информационные, медицинские и т.п.), которая способна поглотить основную массу женского труда, создает возможности для гибкого использования труда мужчин, подростков, пенсионеров, у нас развита недостаточно.

Обогащение и развитие отраслевой структуры может быть связано с развитием мелких и средних предприятий, которые признаны во всем мире важным источником новых идей и технологических нововведений и получили в западных странах широкое развитие. Так, в Баварии (ФРГ) к мелким и средним относится свыше 90% предприятий [52, с.4]. Мелкий бизнес, работа на малых предприятиях — и отнюдь не на второстепенных ролях — перспективное поле деятельности для женщин. В США, например, около 30% мелких и средних фирм возглавляются женщинами [48, с.1]. Сейчас развитие малого бизнеса началось и в СССР, образован Союз мелких предприятий, появилась реальная возможность их создания и на семейной основе. Важно всячески поощрять развитие мелких производств, вплоть до одного занятого. Это новые рабочие места, часто для всех членов семьи.

Низкоквалифицированный и тяжелый физический труд. Проблема сокращения доли рабочих мест, требующих непрестижного и тяжелого труда работников низкой квалификации, имеет общеэкономическую и общесоциальную природу и в целом должна решаться для всех категорий работников, независимо от их пола, возраста или семейного статуса. Но пока она не решена, эти характеристики должны постоянно приниматься во внимание при проведении социальной политики, ибо именно они делают часть работников особенно зависимыми от "низкокачественных" рабочих мест и в то же время наиболее уязвимыми при работе на них.

Прежде всего и в наибольшей мере это относится к женщинам, которые чаще заняты в таких массовых профессиях, где "потолок" квалификации — третий разряд; в профессиях, тарифицируемых по более высокой разрядной сетке, женщины обычно концентрируются в низших разрядах и очень немногие работают по высококвалифицированным профессиям. Женщины отстают от мужчин в квалификации на 2-3 разряда.

На ручных работах женщины используются значительно больше, чем мужчины. В 1989 г. 43% женщин, занятых в промышленности страны, выполняли работу вручную, в некоторых отраслях этот показатель намного выше [45, с.31]. При этом вновь создаваемые механизированные рабочие места чаще занимают мужчины, так что, доля

ручного неквалифицированного труда в промышленности снижается не за счет женщин.

В стране существует значительный спрос на рабочую силу для выполнения тяжелых работ, и удовлетворяется он в значительной степени неквалифицированной женской рабочей силой. В общей численности рабочих, занятых тяжелым физическим трудом, женщины составляют в промышленности СССР 20%, в строительстве — свыше 25, РСФСР соответственно — 22 и 30% [45, с.30]. Велика занятость женщин и на работах с тяжелыми и особо вредными условиями труда.

Ночные смены. Существует множество технологических и экономических причин, по которым невозможно отказаться от ночного труда. Однако с социальной и психофизиологической точек зрения ночная работа нежелательна. Это противоречие может получить лишь частичное разрешение за счет отказа от неоправданных ночных смен, а также за счет максимального сокращения ночной работы для тех категорий работников, для которых она наиболее тяжела. Самый массовый контингент работников, страдающих от ночных смен, это женщины. Общие для всех трудности ночной работы усугубляются у большинства из них сложностью ее сочетания с выполнением материнских и вообще семейных обязанностей.

В то же время отношение к ночному труду женщин не однозначно. В последнее время нередко ставится вопрос об ослаблении ограничений его использования. Представители многих стран в МОТ рассматривают запрещение ночного труда для женщин как дискриминационное по отношению к ним (Австрия, Австралия, ФРГ, Италия, Канада, Англия, США). Они утверждают, что опасность и вредность ночного труда для здоровья, социальной и семейной жизни женщин преувеличены, что нет оснований считать ночной труд более вредным для женщин, чем для мужчин; указывают на положительные стороны ночного труда и на то, что многие работники предпочитают ночной труд дневному. Подчеркивается, что ночной труд получает все большее распространение среди различных профессий, а также на мелких и средних предприятиях и в секторе обслуживания, служит важным элементом промышленной структуры, необходим для эффективного использования оборудования, особенно при непрерывных процессах производства. Другие страны, как, например, Швеция, выступают за ограничение ночного труда как такового и для мужчин и для женщин, и не только в промышленности, и считают, что следует избегать специальных положений, касающихся работающих женщин, так как это не способствует достижению их равенства с мужчинами [34, с.3-27].

В СССР, в соответствии со статьей 68 КЗОТ, не допускается привлечение женщин к работам в ночное время, за исключением тех отраслей, где это вызвано особой необходимостью и разрешается в качестве временной меры. Однако на практике эта норма трудового законодательства оказывается не особенно эффективной. На 1 августа 1988 г. в

три и четыре смены работало 21,1% женщин-рабочих в промышленности СССР [41, с.23]. Повышение коэффициента сменности часто осуществляется в большей степени за счет женщин. Так происходит, например, в текстильной промышленности, где более 70 % занятых составляют женщины, и где коэффициент сменности работы оборудования по данным Госкомстата СССР равен 2,6-2,7 (для сравнения, в машиностроении — 1, 26). Обязательность трехсменного графика на текстильных предприятиях объясняется необходимостью повышения коэффициента использования дорогого оборудования. Однако в оборонной промышленности, где оборудование не менее дорогое, предприятия, как правило, в третью смену не работают.

Надо отметить, что в ряде стран занятость женщин в ночные смены также довольно значительна. Так, в ФРГ в 1987 г. среди работающих в ночную смену женщины составляли 22%; в США приблизительно 7% всех занятых женщин работали в ночные смены [34, с.153].

В. Расширение области удобных режимов труда

Режим неполного рабочего времени. Очень важен, особенно для женщин, вопрос о продолжительности рабочего дня и рабочей недели. Увеличение женской занятости — хотя, конечно, эти показатели далеки от нашего уровня — характерно для всех экономически развитых стран. Растет рынок женской рабочей силы, доля квалифицированного женского труда, сокращается разрыв в средней зарплате мужчин и женщин. Но при этом наблюдается тенденция к сокращению продолжительности рабочей недели, что, до известной степени, облегчает сочетание участия в производстве с выполнением семейных ролей. В Великобритании, например, доля работающих за заработную плату женщин в возрасте от 20 до 65 лет увеличилась с 36,3% в 1951 г. до 60% и более в 80-е годы, но практически весь прирост шел за счет работающих неполное рабочее время [70, с.158]. По последним данным, доля женщин, работающих неполное рабочее время, составляет в США, Канаде, ФРГ от 25 до 30%, в Японии, Австралии — от 30 до 40, в Великобритании, Дании, Норвегии, Швеции — от 40 до 50, в Нидерландах — свыше 55% женщин, работающих неполную рабочую неделю (табл.3.3).

Таблица 3.3

Доля мужчин и женщин, работающих в режиме неполного рабочего времени, в некоторых странах (%)

Страны	Все население	Мужчины	Женщины	Женщины в возрасте					
				15-19	20-24	25-34	35-59	60-64	65 и старше
Великобритания	21,6	4,6	45,0	32,8	14,6	49,6	56,2	71,7	80,7
Дания	23,7	8,7	41,9	62,1	21,6	40,2	55,4	61,8	66,3
Италия	6,0	2,8	9,5	8,8	8,6	8,9	12,0	18,1	27,6
Канада	15,2	7,6	25,3	65,4	20,5	20,9		28,2	47,2

Таблица 3.3. Окончание.

Доля мужчин и женщин, работающих в режиме неполного рабочего времени, в некоторых странах (%)

Страны	Все население	Мужчины	Женщины	Женщины в возрасте					
				15-19	20-24	25-34	35-59	60-64	65 и старше
Нидерланды	25,3	10,1	55,2	43,3	28,7	63,8	70,9	70,8	64,3
Норвегия	23,1	7,9	43,0	63,5	25,8	41,8	55,2		75,0
Португалия	6,0	3,4	10,0	3,0	7,5	8,9	16,5	14,9	25,4
США	17,3	10,2	26,1	66,6	25,6	21,0	24,3	32,2	59,4
Франция	11,8	3,4	23,2	37,3	21,7	22,0	28,7	33,2	43,4
ФРГ	12,9	2,1	29,8	3,6	8,3	36,5	36,2	42,4	58,4
Швеция	25,2	6,7	45,1	51,5	27,7	45,2	51,3	63,1	0,0
Япония	16,6	7,3	30,5	25,0	11,4	30,9	33,7	42,1	53,3

Составлено по: [68, с.43; 69, с.19].

В СССР пока положение совершенно иное. Как отмечается в справочнике "Труд в СССР" (1988 г.), "численность рабочих и служащих, работающих неполный рабочий день или неполную рабочую неделю, ...за последние 10 лет практически удвоилась и составила 0,8% общей численности рабочих и служащих" [47, с.141]. Разбивка по полу не дается, но ясно, что и для женщин этот показатель не может быть значительным, едва ли превышает 1,5%. Пожелания как специалистов, так и самих работников о расширении возможности работать неполный рабочий день или неполную рабочую неделю почти не реализуются — во многом из-за противодействия администрации предприятий, часто не заинтересованной в распространении подобных форм работы.

Гибкий график работы. Гибкий график — относительно новая форма регулирования рабочего времени. Он дает определенную свободу выбора часов работы в пределах общего заданного лимита времени, может сочетаться с режимами полных и неполных рабочего дня или рабочей недели и поэтому очень удобен для семейных людей. Ритм труда лучше сочетается с ритмом жизни семьи. Родители могут по своему усмотрению перераспределять свое время в интересах детей, меньше зависеть от режима работы детских учреждений. Появляется возможность гибко комбинировать свободное время всех работающих членов семьи, обеспечить уход за заболевшим, с меньшим трудом решать многие бытовые проблемы, избегать поездок в часы пик. Одновременно сокращаются потери рабочего времени за счет того, что во время работы человеку не приходится отвлекаться на решение своих личных и семейных проблем.

За рубежом накоплен уже немалый опыт использования гибкого графика. В Швейцарии этот способ организации рабочего времени успешно применяется с 1969 г. и сейчас по гибкому графику в этой стране работает почти 40% занятых. Соответствующий показатель по ФРГ — 20% [41, с.45]. В СССР применение гибкого графика носит

спорадический характер. Соответствующая статистика отсутствует, имеются лишь случайные отрывочные данные. Так, согласно некоторым источникам, в РСФСР такой режим применяется примерно на 80 предприятиях [41, с.51], что ничтожно мало по сравнению с их общим числом.

Надомный труд. В 80-е годы эта давно известная форма занятости пережила период нового подъема и получила широкое распространение во многих западных странах: так, в Японии надомников более 3 млн, в Италии — 4,6 млн (в этой стране 37% всего производства текстильной промышленности производится на дому), в США — 1 млн, в ФРГ — 1,6, в Англии — 1,7 млн [42, с.63]. У нас же, по данным Госкомстата СССР, в 1988 г. насчитывалось всего 369 тыс. надомников. Применяется эта форма главным образом в местной (3/4 всех надомников) и легкой промышленности, в бытовом обслуживании. В силу инерции эта форма занятости воспринимается у нас как вынужденная мера, направленная на частичную компенсацию недостатка кадров или рабочих мест. Но для некоторых групп населения, особенно для женщин с детьми, надомничество — единственно возможная форма трудоустройства. В настоящее время надомным трудом заняты обычно некоторые маргинальные группы, члены малообеспеченных семей (пенсионеры по возрасту и инвалидности, женщины с малолетними детьми). Как правило, надомный труд наименее квалифицированный, малопроизводительный, непрестижный. Среднемесячная заработная плата надомников составляет около 100 руб., что в 1,7-1,8 раза ниже заработной платы промышленно-производственного персонала [42, с.73]. Но этим трудом в силу обстоятельств вынуждены заниматься и люди, имеющие значительный интеллектуальный потенциал. Так, по обследованию ЦНИЛТР, в 1988 г. 43% надомников составляли лица с высшим и средним образованием. Необходимо расширить сферу деятельности на дому для работников с высоким уровнем квалификации, воспользовавшись опытом развитых стран, предложить семье самые разнообразные виды труда на дому, включая и такие хорошо оплачиваемые и престижные, как счетно-вычислительные, компьютерные, проектно-конструкторские работы, переводы, преподавание, редактирование и т.п.

Г. Гарантии социальной защиты

В ряде случаев семейный статус работника дает основания для распространения на него мер социальной защиты. Они могут принимать вид всевозможных льгот или пособий, выражаться в предоставлении социальных гарантий, разного рода помощи и т.д., но всегда так или иначе связаны с его производственной деятельностью.

Гарантии занятости. С переходом к рыночной экономике стране придется столкнуться с проблемой безработицы. Опыт всех развитых стран, знакомых с этим явлением, указывает на повышенный риск остаться без работы представителей так называемых "проблемных групп", к которым относятся, в частности, женщины, молодежь, пожи-

лые люди с ограничениями по здоровью. Можно ожидать, что и в СССР в категорию безработных в первую очередь попадут женщины. Подобный этап в истории страны уже был. В первые годы Советской власти женщины составляли среди рабочих и служащих 40,9%, в том числе среди рабочих — 43,1% [23, с.6]. При переходе к нэпу происходила реорганизация промышленности, требовавшая сохранения наиболее квалифицированной и менее обременительной рабочей силы. В это время доля женщин среди занятых на производстве значительно уменьшилась — до 27,7% в 1924 г. [27, с.8]. Хотя постановление наркоматов Труда и Социального обеспечения, ВЦСПС и ВСНХ обязывало администрацию при сокращении штатов руководствоваться принципом равноценности мужского и женского труда при одинаковой производительности и равной квалификации. Сейчас мы сталкиваемся со сходной ситуацией. По данным Госкомстата СССР сокращение в 1985-1987 гг. аппарата управления более чем на 80% произошло за счет женщин.

Несмотря на изменения в профессионально-квалификационной структуре женской рабочей силы и почти самую высокую в мире долю женщин среди занятых в народном хозяйстве, причины первоочередного вытеснения женщин с рынка труда те же, что и в 20-х годах. Среди них:

недостаточный профессионально-квалификационный уровень; характерная для женской занятости прерывность труда, связанная с рождением детей, их воспитанием, уходом за ними в случае болезни; сохраняющий силу культурный стереотип, отводящий роль главного работника в семье мужчине, тогда как женщина воспринимается в качестве второстепенного, помогающего члена семьи, который может и не работать за ее пределами. Вытеснение женщин с рынка труда нередко мотивируется интересами самих женщин, якобы созданных для семьи, а не призванных самостоятельно зарабатывать. Защита женщин от возможной безработицы должна опираться на положение МОТ, которое гласит: "Поскольку занятие, приносящее доход, является для человека средством самовыражения и участия в социальной жизни, необходимо принять все меры к тому, чтобы это основное право человека было воплощено на практике" [18, с.21].

Социальная защита на рынке труда интересов женщины-матери (либо других членов семьи, чьи интересы страдают в связи с выполнением необходимых семейных обязанностей) включает в себя как мероприятия общие для всей рабочей силы, так и специальные для рынка женского труда. К числу последних относится сохранение прежнего рабочего места, оставленного на время перерыва, связанного с рождением ребенка, в сочетании с мерами профессиональной переподготовки или переквалификации и профессиональной адаптации после окончания перерыва.

Нужны также меры по повышению конкурентоспособности женщин на рынке вне связи с перерывами в работе. Необходимо создавать

и постоянно поддерживать равные для мужчин и женщин возможности найма на работу, повышения квалификации и должностного роста, используя экономические механизмы, органичные для рыночной экономики. Примером может служить Швеция, где государственными дотациями стимулируется формирование на предприятиях занятости, пропорциональной по полу: дотации получают предприятия, поддерживающие соотношение 40:60 между работниками женщинами и мужчинами при найме тех и других на "нетипичные профессии", в которых один пол представлен более чем на 70%. Для обучения подобным профессиям (например, мужчина-секретарь или женщина-телевизионный мастер) в Швеции существуют специальные курсы [18, с.188-192]. Возможны и другие инструменты экономического стимулирования — субсидии, кредиты на льготных условиях, налоговые льготы.

Гарантии оплаты труда и мер по социальному обеспечению. В СССР, как и в других странах, существует неравенство в оплате труда мужчин и женщин, обусловленное отраслевой и должностной неравноценностью занимаемых мужчинами и женщинами рабочих мест. Женщины сконцентрированы в тех отраслях народного хозяйства, где зарплата наиболее низка и низки темпы ее роста. Эта проблема может быть решена только в результате выравнивания шансов обоих полов на рынке труда, о чем уже говорилось.

Существует также менее известная и менее изученная проблема неравенства работающих мужчин и женщин перед системой социального обеспечения. Эта система, как и весь мир труда, создана мужчинами и для мужчин. Пенсии, оплата отпусков, пособия по временной нетрудоспособности — все рассчитано на людей, работающих полный рабочий день и полную рабочую неделю, десятки лет без существенных перерывов. Но если за женщиной (как, впрочем, и за мужчиной) признается право на длительный отпуск по уходу за ребенком, возможно, на перерывы в связи с какими-то другими семейными обстоятельствами, на работу в режиме неполного рабочего времени, надомный труд и т.п., то нужны справедливые и понятные всем принципы исчисления трудового стажа, размеров пенсий и пособий, которые все-таки не отрывались бы от трудового вклада и оплаты труда и в то же время учитывали бы логику социальной защиты как раз тех, кто работает и зарабатывает меньше.

Гарантии свободного времени. Главная коллизия, обостряющая проблему сочетания производственных и семейных ролей, порождена нехваткой свободного от работы времени, без которого выполнение семейных обязанностей становится невозможным. Выше говорилось о необходимости предоставить всем, в том числе, конечно, и родителям с детьми, более широкий выбор режимов труда, а значит и большие возможности располагать свободным временем. Но когда речь идет о социальных гарантиях свободного времени для работающих и когда эти гарантии рассматриваются под углом зрения семейной пол-

итики, то имеются в виду безусловные минимальные нормы свободного времени, не зависящие от индивидуального выбора каждого. На основе таких гарантий каждый работающий имеет право на два выходных дня в неделю, ежегодный отпуск, отпуск на время болезни и т.п. Мировая и отечественная практика социальной защиты выработала также систему отпусков, связанных с выполнением работающими по найму их семейных обязанностей. Это прежде всего отпуск по беременности и родам, по уходу за маленьким ребенком до достижения им определенного возраста, по уходу за больным ребенком или другим больным членом семьи. Известна и практика предоставления дополнительных отпусков по каким-либо семейным основаниям (например, дополнительных дней к годовому отпуску или одного свободного дня в неделю для матери нескольких малолетних детей). Среди таких отпусков есть полностью оплачиваемые (в размере утраченного заработка), частично оплачиваемые и неоплачиваемые. Каждый вариант имеет свой смысл, оставляет возможность выбора (использовать отпуск целиком, частично или не использовать его вовсе) и представляет собой самостоятельную ценность для работников.

Наша система отпусков сложилась довольно давно, эволюционирует постепенно и не очень энергично. К ее достижениям относятся довольно продолжительные оплачиваемые отпуска по беременности и родам, по уходу за больным ребенком (подробнее об этом см. разд. 3.2.2.).

Не так малы, по сравнению с другими странами, и ежегодные отпуска. Однако, оценивая их, надо иметь в виду намного большую, чем где бы то ни было, занятость женщин. При нашей трудовой нагрузке продолжительность отпуска едва ли может считаться достаточной. 45% рабочих и служащих страны и 42% в РСФСР имеют ежегодный отпуск продолжительностью от 15 до 18 дней [32, с.60; 33, с.52]. Социологические обследования показывают, что доля женщин, имеющих отпуск такой продолжительности выше, чем их доля среди рабочих и служащих. Этих дней явно недостаточно для восстановления работоспособности и отдыха женщин, имеющих двойную нагрузку.

3.2. Потребительские функции семьи

Если роль производственной ячейки общества семья во многом утратила, то роль главной потребительской ячейки за ней полностью сохраняется. Способность семьи выполнять свои потребительские функции в рыночной экономике зависит, с одной стороны, от потребностей семьи, с другой, — от получаемых ею доходов.

При одинаковых доходах работающих благосостояние их семей может существенно различаться из-за того, что семьи имеют неодинаковый размер и состав, а стало быть и разное число иждивенцев на одного работающего. В подавляющем большинстве случаев источником "горизонтального неравенства" служат находящиеся на иждивении родителей дети — с момента их рождения до начала трудовой

деятельности. Именно наличие детей рассматривается обычно как главное основание горизонтального перераспределения доходов. Соответственно, чтобы судить о целях и масштабах такого перераспределения, надо иметь представление о том, как влияет на благосостояние семьи наличие в ней детей с учетом их числа, пола и возраста, каковы дополнительные потребности семьи и соответственно ее затраты, связанные с рождением и воспитанием детей.

3.2.1. Потребности семей с детьми

Оценка дополнительных затрат семьи на детей ("стоимости детей") — разумеется, очень усредненных — неоднократно выполнялась и в СССР, и за рубежом. Обычно она дает довольно устойчивые сходные результаты. Это становится особенно ясным, если сравнивать не непосредственно затраты в национальных валютах, а *соотношения* затрат на потребление различных возрастно-половых групп. Знание этих соотношений позволяет выразить потребности семей в унифицированных потребительских единицах, что и создает необходимую базу для исследования и сопоставления потребностей семей в зависимости от числа и возраста детей. В качестве потребительской единицы обычно рассматривается потребление одного взрослого работающего мужчины в возрасте от 18 до 59 лет (в ряде случаев учитывают и категорию тяжести труда), потребление всех остальных групп населения измеряется в долях потребления "взрослого мужчины". В нашем исследовании потребление разных групп населения приводится, кроме того, еще к одной единице — "условному взрослому потребителю", характеризующемуся среднедушевым потреблением в семье, состоящей из двух супругов без детей (мужчина в возрасте 18-59 лет и женщина в возрасте 18-54 лет). Эта единица более соответствует задачам изучения потребностей семьи.

Определение душевых потребностей детей разного пола и возраста — непростая задача. Дети обычно не выступают в качестве изолированных потребителей, живут в семьях, и их потребности сложно взаимодействуют со всей системой потребностей семей. Для их вычленения и анализа используются два основных подхода: статистический и нормативный.

При *статистическом* подходе потребности вообще и потребности детей в частности изучаются путем анализа фактического потребления людьми благ и услуг. Предполагается — и в этом есть, конечно, немалая доля условности, — что массовое потребление более или менее точно отражает структуру потребностей, их настоятельность и т.д.

При *нормативном* подходе представление о потребностях формируется на основе данных различных наук, изучающих отдельные стороны функционирования человека как биологического и социального существа, — физиологии, психологии, экономики, социологии, гигиены и т.п. Типичным примером применения такого подхода в СССР может служить разработка так называемых рациональных потребительских бюджетов.

И мировой, и отечественный опыт показывают, что, несмотря на существенные различия, применительно к интересующей нас задаче и тот и другой методы приводят к сходным результатам.

После того, как получена итоговая оценка потребностей детей разного пола и возраста, становится возможной и оценка суммарных потребностей семей с разным количеством детей на разных этапах их демографического цикла. Однако на этой стадии анализа такая оценка не может еще быть окончательной: учитывая фактор *состава* семьи, она не отражает самостоятельного значения фактора ее *размера*. Необходимо поэтому еще один шаг анализа — нахождение коэффициента эластичности потребностей семьи в зависимости от ее размера. Только после этого можно делать выводы о влиянии числа и возраста детей на совокупные потребности семьи.

Потребности одного ребенка в зависимости от возраста и пола. Как уже отмечалось, оценки "стоимости детей" разного пола и возраста выполнялись неоднократно как в нашей стране, так и за рубежом. Обычно отдельно оценивается стоимость удовлетворения крупных групп потребностей (в продуктах питания, непродовольственных товарах, услугах), а затем и итоговая стоимость удовлетворения всех индивидуальных потребностей.

Оценка потребности детей в продуктах питания и ее соотнесение с соответствующими потребностями взрослых имеет наиболее давнюю историю. Впервые такая оценка была выполнена немецким статистиком Э.Энгелем в 1883 г. [54]. Для ребенка 1 года разные оценки колеблются примерно в пределах от 0,1 до 0,3 потребностей взрослого. Затем потребности детей довольно быстро растут с возрастом, к 10 годам, как правило, превышают (иногда значительно) 0,5 потребностей взрослого. К 17-18 годам они достигают 0,8-0,9, а по некоторым оценкам, превышают единицу. Такой характер кривой изменения потребностей в продуктах питания с возрастом в общем подтверждается и исследованиями, проводившимися в СССР. Можно сослаться, например, на шкалу расходов на питание, разработанную по материалам изучения потребления семей промышленных рабочих Москвы и Ленинграда в 1964 г. Д.А.Астринским [1, с. 34] либо на аналогичные шкалы, предложенные в 60-е годы в рамках нормативного подхода Институтом питания АМН СССР и Б.Я.Райциным [37, с.24; 24, с.193]. Более поздний пример использования нормативного подхода — рациональные потребительские бюджеты, разрабатывавшиеся в НИЭИ при Госплане СССР в 70-е — 80-е годы [38, с.113-115]. Хотя все эти шкалы различаются между собой, а иногда довольно существенно, по мере накопления материала у исследователей постепенно вырабатывается более или менее однозначное представление о соотношении расходов на питание детей разного возраста.

То же относится и к потребностям в *непродовольственных товарах*. Отечественные и зарубежные данные как статистического, так и нормативного характера указывают на относительно медленный и постепенный рост потребления непродовольственных товаров с возрастом. У нас

известны, например, шкалы расходов на предметы гардероба, жилище и мебель, разработанные еще в 60-е годы в Московском институте народного хозяйства им. Г.В.Плеханова [51, с. 133].

Эти шкалы — нормативные, что придает им до известной степени условный характер. Если оценка потребностей в продуктах питания в рамках нормативного подхода имеет в значительной мере объективную основу, учитывает данные о физиологических нормах, связана с более или менее определенными критериями здоровья, то оценка потребностей в непродовольственных товарах, их возрастной дифференциации сложнее. Такие потребности больше зависят от уровня жизни, климата, национальных традиций, культурных предпочтений и других конкретных условий, что не может не влиять на соотношение потребностей разных половозрастных групп. Тем не менее сейчас накоплен уже большой опыт разработки нормативов потребления непродовольственных товаров, он был использован, в частности, и при разработке уже упомянутых рациональных потребительских бюджетов. Если исходить из этих бюджетов, то среднее годовое потребление непродовольственных товаров индивидуального пользования за первые 20 лет жизни составляет 0,80 от потребления одного взрослого мужчины, либо 0,56 от потребления одного условного взрослого потребителя [38].

Помимо потребностей детей в продовольственных и непродовольственных товарах, семья за свой счет удовлетворяет их потребности в различных *платных услугах* (бытовых, ремонтных, транспорта и связи, коммунальных, досуговых и т.п.). Вопрос о возрастной дифференциации потребностей в платных услугах изучен слабее, но некоторые оценки имеются и здесь. В качестве примера можно привести нормативные шкалы, разработанные в 60-е годы В.В.Швырковым. В них расходы на услуги объединены с расходами на предметы культуры и быта [51, с.133].

Основные крупные группы потребностей объединяются в *суммарной потребности* детей в зависимости от пола и возраста. Соответствующие итоговые шкалы приводились в нашей литературе еще в 60-е годы. В одних случаях они учитывали половозрастную дифференциацию только в отношении индивидуальных потребностей (шкала I), в других отражали также и потребности в благах и услугах общесемейного назначения (шкала II) (табл.3.4.).

Не очень сильно отличаются от приведенных оценок и соотношения, принятые в рациональных потребительских бюджетах НИЭИ при Госплане СССР. В них потребление товаров и услуг индивидуального назначения в возрасте 6 мес. — 6 лет составляет 55% от среднедушевого, в возрасте 7-15 лет — 75%.

По-видимому, эти соотношения вообще довольно устойчивы. Примерно такими же они были и в начале века. Так, на основе изучения бюджетов крестьянских хозяйств в дореволюционной России, А.В.Чаянов принимал ребенка до 1 года за 0,1 потребительской единицы (взрослого мужчины), от года до 3 лет — 0,3; от 7 до 12 лет — 0,5; от 13 до 17

лет — 0,7; 18 лет и старше (поколение детей) — 0,9. Мужчина — глава семьи принимался за 1 потребительскую единицу, хозяйка — 0,8 [49, с. 91].

Зарубежные исследования также указывают на относительно небольшую вариацию соотношений потребления главы семьи, других

Таблица 3.4

Потребление ребенка в сопоставлении с потреблением взрослого, %

Возрастная группа	Шкала I				Шкала II			
	Взрослого мужчины		Условного взрослого потребителя		Взрослого мужчины		Условного взрослого потребителя	
	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки	Мальчики	Девочки
До 1 года	22*	22*	23*	23*	13	13	13	13
1-2 года	28	28	30	30	23	23	23	23
3-6 лет	34	34	36	36	38	38	38	38
7-10 лет	53	52	57	56	48	48	48	48
11-14 лет	59	57	63	61	69	70	70	70
15-17 лет	62	62	67	67	83	83	84	83
В среднем	47	46	50	50	52	52	52	52

* От 6 мес. до 1 года.

Составлено по [51, с. 133; 36, с. 68].

взрослых ее членов и детей. Анализ более 20 шкал, предложенных в разных странах к концу 60-х годов, показывает, что если принять главу семьи за 1 потребительскую единицу, то потребление других взрослых членов семьи оценивается в интервале от 0,7 до 0,9, а детей в возрасте от 7 до 9 лет — от 0,5 до 0,7 потребительской единицы [80; 64, с. 653].

Имеющиеся оценки соотношений потребностей детей разных возрастов с потребностями взрослых дают основания для принятия простой модели, описывающей рост потребностей детей с возрастом. Учитывая очевидную постепенность этого роста, обычно предполагают, как сделал, например, А.Сови, что эти потребности с ежегодным увеличением возраста увеличиваются на одну и ту же относительную величину. Если ориентироваться на шкалу I табл. 3.4 и принять потребности "условного взрослого потребителя" за единицу, а потребности ребенка на первом году жизни за четверть такой единицы, то при увеличении потребностей детей до 18 лет с каждым годом в 1,06 раза получим следующий набор возрастных потребительских коэффициентов для первых 19 лет жизни. (табл. 3.5 и 3.6).

Интересно сопоставить полученные результаты с некоторыми зарубежными данными (табл. 3.7). Нетрудно видеть, что наши результаты часто достаточно близки к оценкам, полученным исследователями в разное время в разных странах, хотя бывают и заметные различия, особенно когда речь идет о потреблении подростков.

Таблица 3.5

Расчетные потребительские коэффициенты для детей разного возраста (в долях потребительской единицы)

Возраст (в годах)	Коэффициент	Возраст (в годах)	Коэффициент
0	0,250	10	0,448
1	0,265	11	0,475
2	0,281	12	0,503
3	0,298	13	0,533
4	0,316	14	0,565
5	0,335	15	0,599
6	0,355	16	0,635
7	0,376	17	0,673
8	0,398	18	0,714
9	0,422	В среднем	
		0-17	0,429

По нашим расчетам

Таблица 3.6

Расчетные потребительские коэффициенты для детей разного возраста (в долях потребительской единицы) в укрупненных возрастных группировках

Возраст (в годах)	Коэффициент	Возраст (в годах)	Коэффициент
0	0,250	0-4	0,282
1-2	0,273	5-9	0,377
3-6	0,326	10-14	0,505
7-10	0,411	15-17	0,636
11-14	0,519		
15-17	0,636	0-5	0,292
		6-11	0,412
		12-17	0,585
В среднем			
0-17	0,429		

Таблица 3.7

Среднегодовые затраты семей на детей разного возраста к затратам на детей в возрасте до 5 (6) лет

	Возраст детей (лет)			
	0-4	5-9	10-14	15-17
Наша оценка для СССР	100	134	179	226
Ф.Сиденстрикер, У.Кинг, США, 1921	100	143	193	272
Л.Дублин, А.Лотка США, 1930	100	112	125	137
А.Сови, Франция, 1963	100	126	164	197
Э.Валкович, Венгрия, 1959-1960	100	134	170	206*
Л.Блош, М.Клод, Франция, 1983	100	121	164	...

Таблица 3.7. Окончание

Среднегодовые затраты семей на детей разного возраста к затратам на детей в возрасте до 5 (6) лет

	Возраст детей (лет)		
	0-5	6-11	12-17
Наша оценка для СССР	100	141	200
Т.Эспеншейд, США, 1981, однодетные семьи со средним социально-экономическим статусом, мать:			
работает полное рабочее время	100	137	139
работает неполное рабочее время	100	142	145
не работает	100	146	149

Составлено по: [64, с.652; 43, т.1, с.444-446; 88, с.23; 59, с.63; 65, с.26-28].

Демографический цикл семьи и ее величина в потребительских единицах. Имея расчетные потребительские коэффициенты, можно перейти к определению выраженной в потребительских единицах величины семей с разным числом детей на разных этапах развития этих семей.

Рассмотрим типичную семью, состоящую из супружеской пары, у которой через два года после заключения брака появляется первый ребенок. Примем, что потребление супругов без детей равно двум потребителям единицам, с появлением же ребенка и по мере его подрастания увеличивается размер семьи, выраженный в потребительских единицах, в соответствии с коэффициентами табл.3.5. Подобным же образом влияет на размер семьи и появление следующих детей. При оценке интервалов между рождениями детей можно исходить из известного демографам факта относительной устойчивости распределения рождений каждой следующей очередности по времени, истекшему с момента предыдущего рождения. Обычно рождение каждого следующего ребенка у всей совокупности матерей, у которых он когда-либо родится, растягивается примерно на 10 лет, однако более 80% детей каждой очередности рождается в течение первых пяти лет после рождения предыдущего ребенка. Модальный же интервал составляет два года: на третьем году после рождения предыдущего ребенка обычно рождается треть всех детей следующей очередности (см., напр., [35, с.443]). Поэтому в качестве типичных можно рассматривать семьи с разным числом детей, в которых одно рождение отделено от другого периодом в два года. Оценивая влияние на "потребительский" размер семьи присутствия детей до 18 лет, получаем динамику выраженного в потребительских единицах размера семей на протяжении их жизненного цикла (табл.3.8).

Влияние размера семьи на ее потребности. Величина семьи в потребительских единицах, полученная в результате непосредственного суммирования числа всех ее членов (также выраженных в потребительских единицах), еще не дает верного представления об истинных потребностях семьи, ибо не учитывает хорошо известного экономистам "эффекта

масштаба" (economy of scale), порождающего существенную экономию как в производстве, так и в потреблении. Применительно к семейным потребностям эта экономия, т.е. уменьшение совокупной потребности без снижения степени удовлетворения потребностей отдельных членов семьи, обусловлена эффектом совместного ведения хозяйства, совместного пользования рядом благ и услуг.

Таблица 3.8

Размеры семей в потребительских единицах в зависимости от числа детей и длительности брака

Длительность брака	Семьи, состоящие из двух супругов						
	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 детьми	с 6 детьми
0	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
1	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00
2	2,00	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25	2,25
3	2,00	2,27	2,27	2,27	2,27	2,27	2,27
4	2,00	2,28	2,53	2,53	2,53	2,53	2,53
5	2,00	2,30	2,56	2,56	2,56	2,56	2,56
6	2,00	2,32	2,60	2,85	2,85	2,85	2,85
7	2,00	2,34	2,63	2,90	2,90	2,90	2,90
8	2,00	2,36	2,67	2,95	3,20	3,20	3,20
9	2,00	2,38	2,71	3,01	3,27	3,27	3,27
10	2,00	2,40	2,75	3,07	3,35	3,60	3,60
11	2,00	2,42	2,80	3,13	3,43	3,70	3,70
12	2,00	2,45	2,85	3,20	3,52	3,80	4,05
13	2,00	2,48	2,90	3,27	3,61	3,91	4,17
14	2,00	2,50	2,95	3,35	3,70	4,02	4,30
15	2,00	2,53	3,01	3,43	3,81	4,14	4,44
16	2,00	2,57	3,07	3,52	3,91	4,27	4,58
17	2,00	2,60	3,10	3,58	4,00	4,38	4,71
18	2,00	2,64	3,20	3,70	4,15	4,55	4,90
19	2,00	2,67	3,27	3,81	4,28	4,70	5,08
20	2,00	2,00	2,64	3,20	3,70	4,15	4,55
21	2,00	2,00	2,67	3,27	3,81	4,28	4,70
22	2,00	2,00	2,00	2,64	3,20	3,70	4,15
23	2,00	2,00	2,00	2,67	3,27	3,81	4,28
24	2,00	2,00	2,00	2,00	2,64	3,20	3,70
25	2,00	2,00	2,00	2,00	2,67	3,27	3,81
26	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,64	3,20
27	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,67	3,27
28	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,64
29	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,67
30	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00	2,00

Совокупные потребности семьи распадаются на две группы потребностей семей: одной группы изменяются пропорционально, другой — непропорционально числу членов семьи. Граница между той и другой группой достаточно условна и весьма подвижна, зависит от уровня бла-

госостояния, структуры потребления и других конкретных факторов. С наибольшей пропорциональностью с числом членов семьи соотносятся потребности в продуктах питания. Разделение же других потребностей на индивидуальные и общесемейные вообще может проводиться по-разному. Скажем, в старой крестьянской семье даже сапоги или полушубок могли быть общесемейным имуществом. Сейчас же такие товары, как радиоприемники, магнитофоны, телевизоры, порой даже автомобили, еще недавно бывшие предметом общесемейного потребления, становятся предметами индивидуального потребления, нередко их приобретают специально для детей.

С учетом сделанных оговорок, к индивидуальным потребностям можно отнести прежде всего потребности в продуктах питания, одежде, обуви, медикаментах, в услугах транспорта, а также частично потребности, связанные с организацией досуга, развлечениями, повышением профессионального и общекультурного уровня и т.п. Несмотря на индивидуализированный характер этих потребностей, они все же оказываются чувствительными к размеру семьи. Известен, например, эффект "общего котла" — некоторое уменьшение среднедушевой потребности в продуктах питания при увеличении размера семьи. Более экономным оказывается удовлетворение и других индивидуальных потребностей. В частности, при нескольких детях в семье детская одежда, обувь, игрушки, книги служат несколько раз.

Еще большая экономия с увеличением размера семьи достигается на общесемейных потребностях (прежде всего в жилище, затем в мебели, других предметах домашнего обихода, коммунальных услугах, бытовом обслуживании), а также в большей или меньшей мере на тех потребностях, которые частично относятся к индивидуальным (культурные, досуговые и др.).

Обычно главную часть совокупных потребностей семьи составляют индивидуальные, но и общесемейные также занимают важное место, на их долю приходится, примерно, от четверти до трети совокупных потребностей. С ростом числа детей доля общесемейных потребностей в совокупной потребности семьи убывает — одно из проявлений эффекта масштаба. Но в большей или меньшей степени этот эффект проявляется при удовлетворении практически всех потребностей семьи, что и приводит к усложнению зависимости между размером семьи в потребительских единицах, полученным путем их простого суммирования, и ее совокупными потребностями (при сохранении одного и того же уровня их удовлетворения). Если бы эффекта масштаба не было, то при изменении размера семьи в потребительских единицах на 1% на столько же менялся бы и объем ее потребностей. Иначе говоря, коэффициент эластичности потребностей от размера семьи

$$\alpha = \frac{dy}{y} : \frac{dx}{x}$$

равнялся бы единице (здесь y — совокупная потребность семьи, x —

размер семьи в потребительских единицах). Если предположить, что a сохраняет неизменное значение при всех значениях x , то после интегрирования предыдущего выражения зависимость между потребностями семьи и ее размером приобретает следующий вид:

$$y = bx^{\alpha}.$$

Здесь b определяется из "начальных условий": это потребности семьи, состоящей из одного человека. Если эти потребности приравнять единице, то значение a позволяет без труда перейти от табл. 3.8, содержащей значения x , к новой таблице, в которой потребности семей y оценены уже с учетом эффекта масштаба.

Значения a можно получить методом подбора ориентируясь на величины рационального потребительского бюджета (РПБ) для семей различного размера и состава F , как это сделано в табл. 3.9. Поскольку при конструировании РПБ эффект масштаба учитывался только применительно к общесемейным потребностям, а в действительности, как отмечалось, он наблюдается и при удовлетворении индивидуальных потребностей, эффект масштаба, связанный с увеличением числа детей в семье, может оказаться несколько заниженным.

Таблица 3.9

Годовые потребности семей с детьми по отношению к потребности условного взрослого потребителя

Число членов семьи	Состав семьи	Размер семьи в потребительских единицах x	Годовые потребности семьи по отношению к потребностям взрослого одиночки	
			По РПБ	по расчету (при $b=1$) $y = bx^{0,97}$
1	Одиночка	1,00	1,00	1,00
2	Супруги без детей	2,00	1,86	1,96
3	Супруги с 1 ребенком	2,43	2,35	2,37
4	Супруги с 2 детьми	2,86	2,77	2,77
5	Супруги с 3 детьми	3,29	3,16	3,17
6	Супруги с 4 детьми	3,72	3,57	3,58
7	Супруги с 5 детьми	4,15	3,98	3,98

При расчете использованы отношения суммарной годовой потребности супружеских пар с разным числом детей (от 0 до 5) к принятой за единицу потребности отдельно живущего взрослого, как они были определены при разработке рациональных потребительских бюджетов в НИЭИ при Госплане СССР. Если бы в потребностях взрослых и детей не было разницы, то размер семьи в физических лицах и в потребительских единицах совпадал бы. Но на самом деле он не совпадает и определяется здесь исходя из "средней цены" ребенка в потребительских единицах. Принятые нами расчетные потребительские коэффициенты для детей разного возраста (см. табл. 3.5 и 3.6) дают значение такой "средней цены" (V), равное 0,43 потребительской единицы.

При принятых исходных данных коэффициент эластичности $\alpha = 0,97$ обеспечивает максимальную близость значений столбцов 4 и 5 табл. 3.9 и может быть интерпретирован как величина, отражающая влияние размера семьи на ее совокупные потребности.

Изменение потребностей семьи с изменением числа детей. Близость α к 1 указывает на то, что экономия на потреблении, связанная с увеличением числа детей в семье, относительно невелика. К подобному же выводу пришел и ряд зарубежных исследователей [64, с.654]. Тем не менее эта экономия существует и может быть учтена. Знание коэффициента эластичности как раз и позволяет пересчитать таблицу 3.8, внося в нее уточнения, связанные с учетом экономии на душевом потреблении, обусловленной увеличением размера семьи. В результате получаем таблицу 3.10 и соответствующий ей график (рис.1).

Изучение статистических и нормативных материалов показывает, что, хотя имеются некоторые различия в потребностях детей в зависимости от пола, эти различия не настолько велики, чтобы они могли заметно повлиять на обобщенную оценку потребностей семей и повести к выделению семей с детьми того или другого пола в самостоятельные типы семей. К этому надо добавить, что с увеличением числа детей в семье увеличивается и вероятность того, что мальчиков и девочек в ней будет примерно поровну. Поэтому итоговая таблица не проводит различия между семьями с детьми разного пола.

Таблица 3.10

Размеры семей в потребительских единицах в зависимости от числа детей и длительности брака с учетом влияния фактора размера семьи

Длительность брака (лет)	Семьи, состоящие из двух супругов						
	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 детьми	с 6 детьми
0	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96
1	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96
2	1,96	2,20	2,20	2,20	2,20	2,20	2,20
3	1,96	2,21	2,21	2,21	2,21	2,21	2,21
4	1,96	2,23	2,46	2,46	2,46	2,46	2,46
5	1,96	2,24	2,49	2,49	2,49	2,49	2,49
6	1,96	2,26	2,52	2,76	2,76	2,76	2,76
7	1,96	2,28	2,56	2,81	2,81	2,81	2,81
8	1,96	2,30	2,59	2,86	3,09	3,09	3,09
9	1,96	2,32	2,63	2,91	3,16	3,16	3,16
10	1,96	2,34	2,67	2,97	3,23	3,46	3,46
11	1,96	2,36	2,71	3,03	3,31	3,55	3,55
12	1,96	2,38	2,76	3,09	3,39	3,65	3,88
13	1,96	2,41	2,81	3,16	3,47	3,75	4,00
14	1,96	2,44	2,86	3,23	3,56	3,85	4,12
15	1,96	2,46	2,91	3,31	3,66	3,97	4,24

Таблица 3.10

Размеры семей в потребительских единицах в зависимости от числа детей и длительности брака с учетом влияния фактора размера семьи

Длительность брака (лет)	Семьи, состоящие из двух супругов						
	без детей	с 1 ребенком	с 2 детьми	с 3 детьми	с 4 детьми	с 5 детьми	с 6 детьми
17	1,96	2,53	3,00	3,44	3,84	4,19	4,50
18	1,96	2,56	3,09	3,56	3,98	4,35	4,68
19	1,96	2,60	3,16	3,66	4,10	4,49	4,84
20	1,96	1,96	2,56	3,09	3,56	3,98	4,35
21	1,96	1,96	2,60	3,16	3,66	4,10	4,49
22	1,96	1,96	1,96	2,56	3,09	3,56	3,98
23	1,96	1,96	1,96	2,60	3,16	3,66	4,10
24	1,6	1,96	1,96	1,96	2,56	3,09	3,56
25	1,96	1,96	1,96	1,96	2,60	3,16	3,66
26	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	2,56	3,09
27	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	2,60	3,16
28	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	2,56
29	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	2,60
30	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96	1,96

По нашим расчетам

Влияние *возраста*, напротив, оказывается очень значительным, пренебрежение им приводит к явному искажению представлений о потребностях семей. При одном и том же числе детей только за счет различий в возрасте совокупные потребности семей могут различаться более чем на 30%. Поэтому учет возраста детей наряду с учетом их числа при анализе потребностей семей обязателен.

Как следует из табл. 3.10, рост потребностей семьи по мере увеличения числа детей на ранних этапах развития семьи сравнительно невелик. Появление первого ребенка первоначально увеличивает потребности семьи (по сравнению с потребностями бездетной супружеской пары) всего на 12%. Если через два года появляется второй ребенок, то разница в потребностях достигает 25%, еще через два года, с появлением третьего, она превышает 40%. Даже на десятый год существования семьи ее потребности превышают исходные: при двух детях — менее чем на 40%, при трех — примерно в полтора раза. Наибольшими оказываются потребности семей, существующих примерно от 15 до 25 лет. Пик потребностей достигается через 17-19 лет после возникновения семьи, затем по мере достижения детьми экономической самостоятельности (в качестве условного рубежа принят момент достижения ими 18-летнего возраста) потребности родительской семьи сокращаются.

Способно ли большинство семей противопоставить росту потребностей, вызванному появлением и взрослением детей, соответствующий рост своих материальных возможностей? Существуют ли в современном обществе необходимые для этого механизмы?

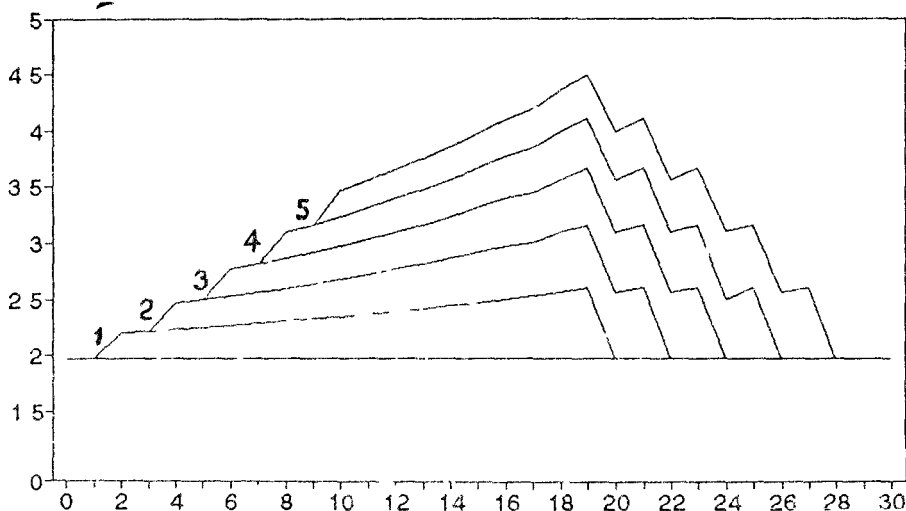

Рис. 2. Изменение потребностей супружеской пары с детьми в зависимости от числа и возраста (при условии рождения первого ребенка через два года после заключения брака и последующих детей с интервалом в два года) детей.

Цифры около кривых означают число детей.

Основной источник благосостояния семьи — трудовые доходы ее взрослых членов. В семье, состоящей из работающих супругов и их детей, эти доходы, как правило, растут с возрастом супругов, что отражает рост их профессиональной квалификации, продвижение по службе и т.д. В целом кривая доходов, скорее всего, как правило, не соответствует кривым потребностей, приведенным на рис. 1. Согласно графику, у супругов, вступивших в брак в возрасте от 20 до 25 лет, семейные потребности достигают пика к 40-45 годам, а затем идут на спад. Трудовые доходы к этому времени также часто достигают максимума или приближаются к нему, но до выхода на пенсию уже не снижаются или снижаются в меньшей степени, нежели сокращаются потребности.

Было бы очень полезно специально изучить вопрос о соответствии между собой кривых семейных доходов и семейных потребностей на разных участках этих кривых (т.е. в разные периоды развития семьи). Не исключено, что и теоретический, и эмпирический анализ покажет принципиальную невозможность полного соответствия этих кривых, поскольку максимальные потребности и максимальный трудовой вклад человека могут приходиться на разные периоды его жизни. В этом случае необходимо глубже исследовать и лучше осмыслить социально-экономические механизмы, помогающие преодолеть возникающее здесь противоречие.

Один из таких механизмов — внутрисемейное межпоколенное перераспределение доходов. Известно, что сейчас родители, как правило, не перестают содержать детей или помогать им материально после достижения детьми 18-летнего возраста, принятого здесь за условную грани-

цу экономической самостоятельности. Помощь родителей остается важным источником дохода молодых людей, в том числе и состоящих в браке и имеющих своих детей, на протяжении многих лет. Возможности для этого создаются тем несовпадением кривых доходов и потребностей семей (правых частей этих кривых), о котором говорилось выше. Сокращение потребностей при росте, стабилизации или более медленном сокращении трудовых доходов приводит к образованию резервов, которые, по крайней мере частично, могут быть использованы для материальной помощи детям. Этот механизм имеет важное социальное значение, поскольку он облегчает сочетание удовлетворения потребностей молодых семей с последовательным соблюдением принципа оплаты по труду. Понятно, что при большом числе детей материальная помощь со стороны родителей каждому из них не может быть значительной. Но в современных условиях, когда преобладают семьи с 1-3 детьми, она оказывается достаточно существенной.

Другой механизм, который приобретает все более важное значение во всех развитых странах, — это механизм государственных семейных пособий и других видов материальной помощи и льгот семьям с детьми. Он обеспечивает ограниченное горизонтальное и вертикальное перераспределение доходов между семьями разного размера и состава и между группами населения с разными уровнями доходов. Несмотря на довольно долгую историю существования семейных пособий и льгот, их система нередко конструируется "на глазок", без достаточного понимания количественных закономерностей изменения потребностей и возможностей семей с детьми.

Знание примерной "стоимости детей" разного возраста для семей разного размера позволяет более обоснованно подойти к вопросу о масштабах и формах перераспределения доходов в интересах семей с детьми. Конечно, уровень наших сегодняшних знаний не следует переоценивать. В частности, нельзя забывать, что шкала потребностей семей с детьми, приведенная в табл. 3.10 (а значит и производные от нее таблицы), — усредненная, что обусловлено усредненным характером имеющегося в настоящее время эмпирического материала. Для такой страны, как СССР, необходимы региональные шкалы, учитывающие различия в потребностях, порождаемые различиями в климате, культуре, вкусах и т.д.

Тем не менее, имеющиеся знания дают возможность выработать методологический подход к более обоснованному, чем сейчас, конструированию системы семейных пособий. Предлагаемый подход может быть описан с помощью следующей модели.

Пусть $r(0)$ — исходные потребительские возможности бездетной супружеской пары, обеспечивающие удовлетворение ее потребностей, измеряемые в потребительских единицах. В нашем случае $r(0)=1,959$.

$b(0)$ — исходные потребности супружеской пары (ее размер в потребительских единицах). Понятно, что и $b(0)=1,959$.

$s(0)$ — соотношение потребностей и возможностей, обеспеченность ресурсами потребительской единицы у бездетной пары (в условных единицах, которые не следует смешивать с потребительскими единицами):

$$s(0) = r(0)/b(0) = 1,959/1,959 = 1.$$

$S_g(0)$ — обеспеченность потребительской единицы у бездетной пары g -й доходной группы (в руб.).

$r(n, A)$ — потребительские возможности семьи с n детьми возраста A . Если дети не приносят самостоятельного дохода, то $r(n, A) = r(0)$.

$b(n, A)$ — размер в потребительских единицах супружеской пары с n детьми возраста A , который получен суммированием чисел соответствующих каждому члену семьи потребительских единиц, как это сделано в табл. 3.8 с последующей корректировкой для учета эффекта масштаба (табл. 3.10). Иными словами,

$$b(n, A) = c(n, A)^{0,97},$$

где $c(n, A)$ — сумма потребительских единиц без учета эффекта масштаба. На основании этой формулы рассчитана табл.3.11, в которой использованы оценки потребностей детей по пятилетним возрастным группам, приведенные в табл. 3.6.

$s(n, A) = b(0)/b(n, A)$ — обеспеченность ресурсами одной потребительской единицы в семье с n детьми возраста A (в условных единицах):

$R(n, A) = s(n, A) * S_g(0)$ — обеспеченность ресурсами одной потребительской единицы в семье с n детьми возраста A (в руб.):

$l(n, A) = 1 - s(n, A)$ — сокращение дохода в расчете на одну потребительскую единицу по сравнению с бездетной парой в зависимости от числа и возраста детей (в условных единицах).

$l(n, A) = b(n, A) * l(n, A)$ — потери в обеспеченности доходом потребностей семьи, состоящей из $b(n, A)$ потребительских единиц (в условных единицах).

$L(n, A) = l(n, A) * S_g(0)$ — потери в обеспеченности доходом потребностей семьи, состоящей из $b(n, A)$ потребительских единиц (в руб.).

$L(n, A)$ — это величина реальных потерь в обеспеченности доходом потребностей семьи с детьми по сравнению с бездетной супружеской парой. Перераспределение доходов в пользу семей с детьми призвано полностью или частично компенсировать эти потери, что и достигается с помощью разного рода семейных пособий. Их размер зависит не только от наличных ресурсов, но и от принятой схемы их распределения. Предложенная модель и выполненные на ее основе расчеты (см. табл. 3.11-3.14), пусть пока и очень приблизительные, дают все же определенные основания для построения такой схемы.

Таблица 3.11 дает представление об *относительном* снижении жизненного уровня семьи по сравнению с жизненным уровнем имеющей такой же доход бездетной супружеской пары в зависимости от числа и возраста живущих в этой семье детей. Однако это снижение имеет разное значение для семей, относящихся к разным группам дохода. Если низкодходные группы уже рождением первого ребенка отбрасываются за черту бедности, то для высокодоходных групп и остающееся "рублевое наполнение" одной потребительской единицы достаточно для вполне обеспеченного существования. Значения $R(n, A)$ как раз и дают основание для выделения разных доходных групп, что и сделано в табл.3.12.

Таблица 3.11

Обеспеченность ресурсами потребительской единицы в семьях в зависимости от возраста детей по сравнению с бездетной супружеской парой (в условных единицах)

Возраст детей, A	Потребительские коэффициенты детей (прибавляются к двум потребительским единицам супружеской пары)	Суммарные потребности семьи		Обеспеченность ресурсами одной потребительской единицы $s(n, A)$
		без учета эффекта масштаба $c(n, A)$	с учетом эффекта масштаба $b(n, A)$	
Бездетная пара				
		2,000	1,959	1,00
Супружеская пара с одним ребенком				
0-4	0,282	2,282	2,226	0,88
5-9	0,377	2,377	2,316	0,85
10-14	0,505	2,505	2,437	0,80
15-17	0,636	2,636	2,560	0,77
Супружеская пара с двумя детьми				
0-4;0-4	0,282; 0,282	2,564	2,493	0,79
0-4;5-9	0,282; 0,377	2,659	2,582	0,76
0-4;10-14	0,282; 0,505	2,787	2,703	0,72
0-4;15-17	0,282; 0,636	2,918	2,826	0,69
5-9;5-9	0,377; 0,377	2,754	2,672	0,73
5-9;10-14	0,377; 0,505	2,882	2,792	0,70
5-9;15-17	0,377; 0,636	3,013	2,915	0,67
10-14;10-14	0,505; 0,505	3,010	2,912	0,67
10-14;15-17	0,505; 0,636	3,141	3,035	0,65
15-17;15-17	0,636; 0,636	3,272	3,158	0,62
Супружеская пара с тремя детьми				
0-4;0-4;0-4	0,282; 0,282; 0,282	2,846	2,758	0,71
0-4;0-4;5-9	0,282; 0,282; 0,377	2,941	2,847	0,69
0-4;0-4;10-14	0,282; 0,282; 0,505	3,069	2,967	0,66
0-4;0-4;15-17	0,282; 0,282; 0,636	3,200	3,090	0,63
0-4;5-9;5-9	0,282; 0,377; 0,377	3,036	2,937	0,67
0-4;5-9;10-14	0,282; 0,377; 0,505	3,164	3,057	0,64
0-4;5-9;15-17	0,282; 0,377; 0,636	3,295	3,179	0,62
0-4;10-14;10-14	0,282; 0,505; 0,505	3,292	3,176	0,62
0-4;10-14;15-17	0,282; 0,505; 0,636	3,423	3,299	0,59
0-4;15-17;15-17	0,282; 0,636; 0,636	3,554	3,421	0,57
5-9;5-9;5-9	0,377; 0,377; 0,377	3,131	3,026	0,65
5-9;5-9;10-14	0,377; 0,377; 0,505	3,259	3,146	0,62
5-9;5-9;15-17	0,377; 0,377; 0,636	3,39	3,268	0,60
5-9;10-14;10-14	0,377; 0,505; 0,505	3,387	3,265	0,60
5-9;10-14;15-17	0,377; 0,505; 0,636	3,518	3,388	0,58
5-9;15-17;15-17	0,377; 0,636; 0,636	3,649	3,510	0,56
10-14;10-14;10-14	0,505; 0,505; 0,505	3,515	3,385	0,58
10-14;10-14;15-17	0,505; 0,505; 0,636	3,646	3,507	0,56
10-14;15-17;15-17	0,505; 0,636; 0,636	3,777	3,629	0,54
15-17;15-17;15-17	0,636; 0,636; 0,636	3,908	3,751	0,52

Таблица 3.12

Обеспеченность ресурсами потребительской единицы в зависимости от числа и возраста детей и бездетной супружеской пары ($R(p, A)$, руб.)

Возраст детей, A	Доход бездетной пары в расчете на одну потребительскую единицу ($Sg(0)$, руб.)					
	100	150	200	250	300	350
	Группы по уровню дохода					
	I	II	III	IV	V	
Супружеская пара с одним ребенком						
0-4	88	132	176	220	264	308
5-9	85	127	169	211	254	296
10-14	80	121	161	201	241	281
15-17	77	115	153	191	230	268
Супружеская пара с двумя детьми						
0-4;0-4	79	118	157	196	236	275
0-4;5-9	76	114	152	190	228	266
0-4;10-14	72	109	145	181	217	254
0-4;15-17	69	104	139	173	208	243
5-9;5-9	73	110	147	183	220	257
5-9;10-14	70	105	140	175	210	246
5-9;15-17	67	101	134	168	202	235
10-14;10-14	67	101	135	168	202	235
10-14;15-17	65	97	129	161	194	226
15-17;15-17	62	93	124	155	186	217
Супружеская пара с тремя детьми						
0-4;0-4;0-4	71	107	142	178	213	249
0-4;0-4;5-9	69	103	138	172	206	241
0-4;0-4;10-14	66	99	132	165	198	231
0-4;0-4;15-17	63	95	127	158	190	222
0-4;5-9;5-9	67	100	133	167	200	233
0-4;5-9;10-14	64	96	128	160	192	224
0-4;5-9;15-17	62	92	123	154	185	216
0-4;10-14;10-14	62	93	123	154	185	216
0-4;10-14;15-17	59	89	119	148	178	208
0-4;15-17;15-17	57	86	115	143	172	200
5-9;5-9;5-9	65	97	129	162	194	227
5-9;5-9;10-14	62	93	125	156	187	218
5-9;5-9;15-17	60	90	120	150	180	210
5-9;10-14;10-14	60	90	120	150	180	210
5-9;10-14;15-17	58	87	116	145	173	202
5-9;15-17;15-17	56	84	112	140	167	195
10-14;10-14;10-14	58	87	116	145	174	203
10-14;10-14;15-17	56	84	112	140	168	195
10-14;15-17;15-17	54	81	108	135	162	189
15-17;15-17;15-17	52	78	104	131	157	183

Наконец, можно оценить и абсолютные значения потерь семей с детьми, возникающих за счет уменьшения "рублевого обеспечения" потребительской единицы (табл.3.13).

Таблица 3.13

Суммарные потери семей с детьми по сравнению с бездетной парой, имеющей такой же доход, с учетом размера семьи в потребительских единицах в зависимости от числа и возраста детей $L(n, A)$ в руб.

Возраст детей, A	Доход бездетной пары в расчете на одну потребительскую единицу ($Sg(0)$, в руб.)					
	100	150	200	250	300	350
Супружеская пара с одним ребенком						
0-4	27	40	53	67	80	94
5-9	36	54	71	89	107	125
10-14	48	72	96	120	143	167
15-17	60	90	120	150	180	211
Супружеская пара с двумя детьми						
0-4;0-4	53	80	107	133	160	187
0-4;5-9	62	93	125	156	187	218
0-4;10-14	74	112	149	186	223	260
0-4;15-17	87	130	173	217	260	303
5-9;5-9	71	107	143	178	214	249
5-9;10-14	83	125	167	208	250	292
5-9;15-17	96	143	191	239	287	335
10-14;10-14	95	143	191	238	286	334
10-14;15-17	108	161	215	269	323	377
15-17;15-17	120	180	240	300	360	420
Супружеская пара с тремя детьми						
0-4;0-4;0-4	80	120	160	200	240	280
0-4;0-4;5-9	89	133	178	222	267	311
0-4;0-4;10-14	101	151	202	252	303	353
0-4;0-4;15-17	113	170	226	283	339	396
0-4;5-9;5-9	98	147	196	244	293	342
0-4;5-9;10-14	110	165	220	274	329	384
0-4;5-9;15-17	122	183	244	305	366	427
0-4;10-14;10-14	122	183	244	304	365	426
0-4;10-14;15-17	134	201	268	335	402	469
0-4;15-17;15-17	146	219	292	366	439	512
5-9;5-9;5-9	107	160	213	267	320	373
5-9;5-9;10-14	119	178	237	297	356	415
5-9;5-9;15-17	131	196	262	327	393	458
5-9;10-14;10-14	131	196	261	327	392	457
5-9;10-14;15-17	143	214	286	357	429	500
5-9;15-17;15-17	155	233	310	388	465	543
10-14;10-14;10-14	143	214	285	357	428	499
10-14;10-14;15-17	155	232	310	387	465	542
10-14;15-17;15-17	167	251	334	418	501	585
15-17;15-17;15-17	179	269	359	448	538	627

Из табл.3.13 видно, какими должны были бы быть масштабы перераспределения доходов, если бы оно ставило своей целью полную компенсацию снижения потребительских возможностей семьи, обусловленного

потреблением детей. Пособия должны были бы быть очень большими, в ряде случаев существенно превышать трудовые доходы, что, конечно, нереально.

Речь, видимо, может идти лишь о частичной (по крайней мере, для большинства семей) компенсации потерь. Но как определить приемлемые размеры такой компенсации?

Один из возможных подходов заключается, в частности, в том, что размер пособий связывается как с величиной потерь семьи $L(n, A)$, так и с обеспеченностью денежными ресурсами семьи одной потребительской единицы $R(n, A)$. Размер компенсации при этом устанавливается в долях от компенсируемой величины $L(n, A)$ — норма компенсации d , — но сама эта норма зависит от уровня обеспеченности семьи, т.е. от $R(n, A)$. Логично, чтобы такая зависимость имела форму убывающей прогрессии.

Предположим, что имеется пять групп семей, выделенных по величине $R(n, A)$ — см. табл. 3.12, и различные нормы компенсации d (%).

Таблица 3.13а

Номер группы	$R(n, A)$, руб.	$d(R)$ -варианты		
		1	2	3
I	до 100	100	100	70
II	101-150	60	50	50
III	151-200	40	30	30
IV	201-250	20	10	10
V	свыше 250	0	0	0

Тогда мы легко переходим от табл. 3.12 и 3.13 к таблице компенсационных выплат семьям с детьми. Так как вся таблица слишком громоздка, мы приведем здесь лишь ее небольшой фрагмент, дающий представление о характере полученных результатов. В табл. 3.14 приведены три варианта компенсационных выплат семьям с одним, двумя и тремя детьми разного возраста, причем для удобства восприятия и сравнения указаны суммы выплат *в среднем на одного ребенка*.

Содержащиеся в табл. 3.14 размеры выплат более или менее реалистичны по своей абсолютной величине (они не слишком отличаются от тех 35 или 70 руб. на одного ребенка, которые сейчас получают некоторые категории семей). При надобности они могут быть легко пересчитаны как в сторону уменьшения, так и в сторону увеличения — в зависимости от общего объема ресурсов, которые общество способно направить на выплату пособий. Методика расчета очень проста. Сложнее превратить шкалы табл. 3.14 в простые и понятные схемы выплаты пособий. Из-за того, что при расчете полученных значений учитывались одновременно и величина доходов и потребности семей, их соотношения в ряде случаев выглядят несколько причудливо и могут восприниматься как несправедливые. Этот вопрос нуждается в дальнейшей разработке.

Таблица 3.14

Варианты размеров пособий семьям с детьми в зависимости от доходной группы и нормы компенсации (в руб. в среднем на одного ребенка)

Возраст детей, А	Доход бездетной пары в расчете на одну потребительскую единицу ($S_g(0)$, руб.)					
	100	150	200	250	300	350
Вариант 1 ($d=1,0; 0,6; 0,4; 0,2; 0$)						
0-4	27	24	21	13	-	-
15-17	60	54	48	60	36	-
0-4;10-14	37	34	45	37	22	26
0-4;5-9;10-14	37	55	44	37	44	26
15-17;15-17;15-17	60	90	72	90	72	84
Вариант 2 ($d=1,0; 0,5; 0,3; 0,1; 0$)						
0-4	27	20	16	7	-	-
15-17	60	45	36	45	18	-
0-4;10-14	37	28	37	28	11	13
0-4;5-9;10-14	37	55	37	27	33	13
15-17;15-17;15-17	60	90	60	75	54	63
Вариант 3 ($d=0,7; 0,5; 0,3; 0,1; 0$)						
0-4	19	20	16	7	-	-
15-17	42	45	36	45	18	-
0-4;10-14	26	28	37	28	11	13
0-4;5-9;10-14	26	39	37	27	33	13
15-17;15-17;15-17	42	63	60	75	54	63

По нашим расчетам

3.2.2. Финансовая помощь семьям

Горизонтальное и вертикальное перераспределение доходов. В нормальных условиях удовлетворение экономических потребностей семей зависит в первую очередь от их денежных доходов. Главным источником формирования доходной части семейного бюджета были и остаются трудовые доходы или, более точно, доходы от экономической деятельности членов семьи. Именно они должны обеспечивать в первую очередь эффективное стимулирование этой деятельности, реализацию принципов социальной справедливости в распределении доходов и дифференциации уровней достатка семей.

Определенная, в наших условиях пока небольшая роль в формировании семейных доходов принадлежит нетрудовым, но также имеющим экономическую природу источникам (проценты на вклады, доходы от сдачи жилья и пр.).

В то же время существуют и играют немалую роль и другие источники семейных доходов, которые не имеют непосредственных, а иногда и опосредованных экономических оснований, их природа скорее социальная, нежели экономическая (хотя провести четкую границу между теми и другими не всегда легко). Такие доходы чаще всего выполняют функ-

цию социальной защиты тех категорий семей или их членов, которые по какой-либо причине в ней нуждаются. Иногда им может также придаваться смысл инструмента воздействия на поведение людей в той или иной сфере семейной (и не только семейной) жизни.

Некоторые источники таких доходов стары, как мир. Они возникают, например, при внутрисемейном (внутри "расширенной" семьи) межпоколенном перераспределении доходов: материальная помощь старших родственников молодым семьям, взрослых детей — престарелым родителям, наследование денег и имущества и пр. В литературе имеются указания на расширение такой помощи, в частности, на то, что "роль родителей в формировании бюджета молодой семьи существенно увеличивается от поколения к поколению" [39, с.46].

В то же время функция социальной защиты семьи и ее членов все более осваивается внесемейными институтами, которые все в большей мере обеспечивают вертикальное и горизонтальное перераспределение доходов в пользу тех или иных категорий семей. Такое перераспределение становится одним из наиболее известных и привлекающих к себе внимание направлений семейной политики.

Вертикальное перераспределение между группами семей с разным уровнем дохода имеет своей целью передачу некоторой части доходов более высокодоходных групп группам, получающим меньший доход, с тем, чтобы при сохранении экономически оправданной дифференциации доходов обеспечить минимальный социально гарантированный прожиточный минимум всем семьям.

Необходимость в горизонтальном перераспределении внутри групп с относительно одинаковым семейным доходом возникает главным образом из-за отсутствия непосредственной связи между величиной семейных доходов от экономической деятельности и числом иждивенцев, прежде всего детей, не имеющих самостоятельных источников дохода. Цель горизонтального перераспределения — смягчение возникающих из-за этого различий в душевых доходах в группах семей с примерно одинаковыми семейными доходами и жизненными стандартами. Меры перераспределения доходов широко распространены во многих странах (табл.3.15).

Хотя выделить меры собственно семейной политики не так просто, часть из указанных направлений — первые три — составляют важнейший "перераспределительный" блок политики в отношении семьи.

Денежные выплаты оказывают весьма значительное влияние на распределение доходов в развитых странах. В Великобритании в середине 70-х годов беднейшие 10% домохозяйств среди семей, состоящих из двух взрослых и одного и более детей, получали денежные пособия на сумму равную 50% их первичного дохода. По оценкам, в конце 60-х годов неравенство в доходах в этой стране на 25% было сокращено посредством денежных выплат, в США — на 10% [89, с.130].

Таблица 3.15

Основные направления перераспределения доходов в некоторых странах

Направления	Австралия	Великобритания	Израиль	Канада	США	Франция	ФРГ	Швеция
Семейные пособия	+	+	+	+		+	+	+
Государственная помощь детям			+			+	+	+
Пособие по беременности и родам		+	+	+	+		+	+
Жилищные льготы			+			+	+	+
Социальная помощь	+	+	+	+	+	+	+	+
Страхование на случай безработицы	+	+	+	+	+	+	+	+
Дополнительные пособия на ребенка						+		
Налоговые премии						+	+	

Составлено по: [83]

Подавляющее большинство беднейших домохозяйств в Великобритании и Бельгии в начале 70-х годов составляли домохозяйства пенсионеров и одиноких с детьми и без детей. Согласно данным МОТ о роли программ поддержания доходов в преодолении бедности, в четырех западных странах за чертой бедности до денежных выплат находились от 70 до 90% одиноких пенсионеров, от 15 до 40% одиночек с детьми и без детей и от 5 до 15% супружеских пар с детьми. После денежных выплат в бедности осталось среди супружеских пар только 2-3%, среди домохозяйств пенсионеров 1/3 [89, с.130].

Важным объектом перераспределительной политики в развитых странах служат так называемые неблагополучные семьи, к которым относят семьи безработных, одиноких матерей с детьми, многодетные однодоходные семьи. Роль социального вспомоществования в формировании доходов таких семей весьма значительна, на что указывают данные таблицы 3.16.

Таблица 3.16

Доля социальной помощи в доходе "неблагополучных" семей в некоторых странах (%)

Страна	Тип неблагополучных семей		
	Семья одинокого неработающего родителя с 2 детьми	супруги с 2 детьми и половиной средней зарплаты на непостоянной работе	супруги с 2 детьми и безработным кормильцем
Австралия	90,8		
Великобритания	72,9		82,8
Израиль	82,9	26,8	84,4
Канада	80,0		80,8
Франция	52,4	1,0	8,8
ФРГ	36,1	6,7	
США	79,5	22,5	78,9
Швеция		22,7	71,6

Составлено по: [85]

Перераспределение доходов может также преследовать и некоторые другие цели, не сводимые только к заботе о благосостоянии семей. В частности, от способа перераспределения доходов в рамках семейной политики зависит большая или меньшая заинтересованность членов семьи получить самостоятельный трудовой доход. Значит, меры семейной политики можно использовать в целях воздействия на выполнение семьей ее производственных функций, стимулирования или, напротив, ограничения трудовой активности ее членов.

То же относится и к демографическим функциям семьи: при перераспределении доходов можно создавать стимулы или антистимулы рожать больше или меньше детей, жить в браке или в свободном союзе и т.п. Подобные воздействия могут быть сознательными, целенаправленными, а могут быть непредвиденным, побочным результатом мер, преследующих определенные цели, но сконструированных без учета вероятных побочных последствий.

Механизмы перераспределения доходов. Мировая практика указывает на три главных механизма перераспределения доходов в рамках семейной политики:

- социальное страхование;
- социальное обеспечение;
- социальное вспомоществование.

Социальное страхование предполагает предварительные взносы получателей будущих доходов либо тех, кто берет регулярную уплату страховых взносов на себя (работодатель, государство), за счет чего и формируется фонд социального страхования. В СССР отчисления на социальное страхование производятся в обязательном порядке при выплате любых заработанных доходов. Теоретически за счет фонда соци-

ального страхования могут осуществляться такие формы перераспределения текущих доходов, как выплата (полностью или частично) пенсий по старости при наличии необходимого трудового стажа, пособий по беременности и родам, по болезни и инвалидности, по случаю смерти кормильца, по безработице (потерявшим работу) и т.п.

Перераспределение по каналам *социального обеспечения* обычно не связано с предварительными платежами или взносами и распространяется на все категории семей, независимо от их материального положения, социального статуса и пр. Таковы различные виды пособий по уходу за детьми, их воспитанию, льготы молодым семьям и т.п.

Наконец, *социальное вспомоществование* — это перераспределение доходов в пользу отдельных категорий семей (или лиц), находящихся в особо неблагоприятном материальном положении, которое не может быть улучшено за счет фондов социального страхования и социального обеспечения то ли в силу недостаточности соответствующих выплат, то ли из-за отсутствия права на их получение. Таковы, например, пособия инвалидам с детства, пенсии по старости лицам, не имеющим трудового стажа, пособия никогда не работавшим безработным и т.п.

На практике разграничить различные механизмы перераспределения доходов, так же, как и четко отделить горизонтальное перераспределение от вертикального, бывает достаточно сложно. В конкретных формах перераспределения доходов в пользу тех или иных групп семей обычно получают отражение как разные механизмы перераспределения, так и разные его цели. Но это не снижает теоретического значения такого разграничения. Оно помогает структурировать всю программу перераспределения доходов, рассматриваемую в рамках семейной политики, выделить ее основные блоки.

В рамках семейной политики рассматриваются основания для перераспределения доходов, возникающие в семьях, находящихся в особых ситуациях (многодетность, а иногда и просто наличие детей, отсутствие одного из родителей, потеря кормильца и т.п.) или на особых этапах их жизненного цикла (возникновение и первый период существования семьи, беременность женщины, роды, уход за маленьким ребенком и т.п.), а также в случаях, когда субъект политики хочет повлиять на семейное поведение людей (скажем, поощрить или ограничить рождение большего числа детей, облегчить или затруднить развод). Перечень подобных оснований никогда не может быть исчерпывающим, они могут меняться в зависимости от наличия ресурсов, экономической или политической обстановки, толковаться ограничительно или расширительно. Скажем, могут меняться границы многодетности или возраст детей, до достижения которого выплачиваются пособия.

В подавляющем большинстве случаев необходимость в перераспределении доходов в рамках семейной политики, связана с рождением и воспитанием детей. Все эти случаи могут быть обобщены и сведены к двум стандартным ситуациям:

а) рождение и воспитание детей, увеличивая потребности семьи, сни-

жает ее жизненный уровень, даже если мать через некоторое время после родов возвращается на работу и совокупный доход родителей не уменьшается (по сравнению с ситуацией, существовавшей до рождения ребенка);

б) снижение жизненного уровня семьи тем более значительно, когда один из родителей (обычно мать) полностью или частично оставляет работу или меняет ее на хуже оплачиваемую, чтобы иметь возможность больше времени уделять воспитанию ребенка (детей).

Каждая из этих двух стандартных ситуаций может быть отягощена дополнительными обстоятельствами, которые также необходимо учитывать. В частности, снижение жизненного уровня как естественное следствие содержания детей особенно существенно для неполных семей с единственным источником дохода. Материальное положение семьи весьма чувствительно к рождению близнецов, к наличию в семье детей-инвалидов: мало того, что увеличиваются потребности семьи, резко повышается вероятность ухода с работы одного из родителей.

Система семейных пособий и льгот в СССР. В СССР существует система помощи, пособий и льгот семьям, имеющим детей, которая складывалась постепенно и в известной мере стихийно на протяжении длительного времени. За последние 15 лет она претерпела существенные изменения. Главное из них — введение в соответствии с Постановлением от 22 января 1981 г. для всех работающих и учащихся матерей пособия по уходу за ребенком до одного года (с 1989 г. — до полутора лет) в размере 35 руб.

Несмотря на большое число разного вида пособий, общий объем выплачиваемых средств сравнительно невелик, хотя последнее десятилетие характеризовалось его заметным ростом. В 1989 г. расходы из Госбюджета и других источников на выплату основных видов пособий матерям, имеющим детей, составили 7 млрд. руб., т.е. более, чем в 6 раз превосходили уровень 1960 г. и в 2,3 раза уровень 1980 г. (табл.3.17).

За последние 15 лет структура затрат на пособия семьям, имеющим детей, претерпела заметные изменения. Главное из них — постоянный рост пособий, так или иначе связанных с рождением ребенка (по беременности и родам, на рождение ребенка и по уходу за ним до достижения возраста 1 (1,5) года), и составляющих основу всей системы финансовой помощи семье. Соответственно уменьшилась доля других выплат, особенно на детей в малообеспеченных семьях.

В 1990 г. были приняты Постановление Верховного Совета СССР от 10 апреля "О неосложных мерах по улучшению положения женщин, охране материнства и детства, укреплению семьи" и Постановление Совета Министров СССР от 2 августа о дополнительных мерах по социальной защите семей с детьми в связи с переходом к регулируемой рыночной экономике, развивающие действующую систему. В частности, предполагалось увеличить до уровня минимальной заработной платы размер пособия по уходу за ребенком в возрасте до полутора лет и ввести единое семейное пособие в размере половины минимальной зара-

ботной платы (МЗП) на каждого ребенка в возрасте от 1,5 до 6 лет. Тем самым делался шаг к преодолению главного недостатка советской системы пособий — отсутствия в ней ежемесячных выплат на детей, которые занимают центральное место среди семейных пособий во многих развитых странах.

Таблица 3.17

Структура расходов на выплату основной группы пособий семьям, имеющим детей

	1960	1970	1975	1980	1985	1988	1989
Всего (млрд руб.)	1,1	1,4	3,0	3,0	5,4	6,1	7,0
В том числе:							
Пособие по беременности и родам, на рождение ребенка, по уходу за ребенком до 1 года (с 1989г. - до 1,5 года),							
млрд. руб.	0,6	1,0	1,4	1,6	3,8	4,2	5,4
%	54,5	71,4	46,7	53,3	70,4	68,9	77,1
Пособие многодетным и одиноким матерям,							
млрд. руб.	0,5	0,4	0,4	0,3	0,6	0,9	0,7
%	45,5	28,6	13,3	10,0	11,1	14,7	10,0
Пособие на детей в малообеспеченных семьях,							
млрд. руб.	-	-	1,2	1,1	1,0	1,0	0,9
%	-	-	40,0	36,7	18,5	16,4	12,9

Таблица 3.18, составленная сотрудниками бывшего Госкомтруда СССР, позволяет сопоставить систему, существовавшую на начало 1990 г., с той, которую предполагалось создать в результате принятых в 1990 г. решений.

На деле события развивались несколько иначе, чем было предусмотрено указанными постановлениями. Вся намеченная ими схема не была реализована. Действовавшая система пособий была модифицирована в апреле 1991 г. в связи с компенсацией повышения розничных цен. Ситуацию изменил и растущий суверенитет республик, оказывающих все большее влияние на формирование семейных пособий. По-видимому, сейчас неизбежен промежуточный период поиска и становления их новой системы, который завершится не раньше, чем будет достигнута новая экономическая и политическая стабильность.

Анализ основных существующих у нас пособий подсказывает некоторые направления этого поиска.

Единовременное пособие при рождении ребенка до самого последнего времени было небольшим, а его размер зависел от очередности рождения и от того, работала или не работала мать. Постановление от 2 августа 1990 г. предусматривало его увеличение до трех минимальных зарплат для всех семей, в которых рождается ребенок.

Таблица 3 18

Изменения государственной системы пособий семьям, имеющим детей

	Пособия, существовавшие на 1 января 1990	Пособия, предусмотренные Постановлением Верховного Совета СССР от 10 апреля 1990	Пособия, предусмотренные Постановлением Совета Министров СССР от 2 августа 1990
Пособие по беременности и родам	100% заработка 56 дней до и 56 [1] дней после родов	100% заработка 70 дней до и 56 [1] дней после родов	
Единовременное пособие при рождении ребенка (руб.)	1-й ребенок - 50 2-й-100; 3-й-100 4-й- 65; 5-й- 85 6-й-100; 7-й-125 8-125; 9-й-175 10-й-100; 11-й- и след.-250 [2], [3].		3 МЗП (210 руб.)
Пособие по уходу за ребенком до 1,5 года	35 руб. в месяц работающей матери [4].	1 МЗП (70 руб.) в месяц работающей матери, 0,5 МЗП- работающей [5].	
Ежемесячное пособие на детей многодетным матерям (руб)	От 1 до 5 лет: 4-й- 4; 5-й- 6 6-й- 7; 7-й- 9 8-й- 9; 9-й- 9 10-й-12; 11-й и след -15	-	Отменяется
Пособия на детей малообеспеченным семьям	12 руб. в месяц на каждого ребенка до 8 лет при душевом доходе не более 50 руб [6].		Сохраняется как норма республиканского уровня
Пособие одиноким матерям	20 руб. в месяц на каждого ребенка до 16 лет [7].	1 МЗП в месяц одиноким матерям-бывшим воспитанницам детских домов	0,5 МЗП в месяц на каждого ребенка до 16 лет
Пособие на детей женам военнослужащих срочной службы	35 руб. в месяц на каждого ребенка до 16 лет	1 МЗП в месяц на каждого ребенка до 16 лет	
Пособие на детей вдовьям, не получающим на них пенсии по случаю потери кормильца	20 руб. в месяц на каждого ребенка до 18 лет	0,5 МЗП в месяц на каждого ребенка до 18 лет	

Таблица 3.18. Окончание

Изменения государственной системы пособий семьям, имеющим детей

	Пособия, существовавшие на 1 января 1990	Пособия, предусмотренные Постановлением Верховного Совета СССР от 10 апреля 1990	Пособия, предусмотренные Постановлением Совета Министров СССР от 2 августа 1990
Пособие на детей опекунам	30 руб в месяц на каждого ребенка до 16 лет	1 МЗП в месяц на каждого ребенка до 16 лет	
Пособие инвалидам с детства	70 руб. в месяц на каждого ребенка-инвалида		
Доплата к алиментам	20 руб в месяц на каждого ребенка до 16 лет		0,5 МЗП в месяц на каждого ребенка до 16 лет *
Пособие по уходу за больным ребенком	14 дней подряд от 50 до 100 % заработка (в зависимости от стажа) за первые 7 (10) дней и 50% за остальные		
Единое семейное пособие на детей			0,5 МЗП в месяц на каждого ребенка от 1,5 до 6 лет если душевой доход не превышает 2 МЗП

Примечания

1. В случаях осложнения родов или рождения двоих или более детей — 70 дней.
2. На первых трех детей выплачивается работающей или учащейся женщине, на четвертого и последующих — независимо от работы или учебы. На первых трех детей, если женщина не работает и не учится, — 30 руб. При рождении близнецов — 100 руб. на каждого.
3. В районах Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера и приравненных к ним — 50 руб.
4. А также работающим, но имеющим трудовой стаж менее 1 года. Работающим женщинам, не достигшим 18 лет, пособие выплачивается в размере 1 МЗП независимо от стажа работы.
5. В районах Сибири, Дальнего Востока, Европейского Севера и приравненных к ним — при душевом доходе не более 75 рублей.
6. Если дети учатся — до 18 лет.

Уравнительная выплата единовременного пособия в связи с рождением ребенка неоспорна. В ряде стран размер такого пособия и условия его получения зависят от очередности рождения (Франция — до 1985 г., Бельгия, Болгария, Польша), и в этом есть немалый смысл — и экономический, и демографический. Однако в целом в странах, где это пособие вообще выплачивается (а их немало) прослеживается тенденция к

кросту его величины и расширению круга лиц, имеющих право на его получение.

Пособие по беременности и родам в СССР предоставляется любой работающей матери — независимо от стажа работы. Продолжительность отпуска до недавнего времени была определена законом в 16 недель — 8 до и 8 после родов (в ряде случаев возможно некоторое увеличение как первой, так и второй части отпуска). Согласно постановлению Верховного Совета СССР от 10 апреля 1990 г., отпуск по беременности и родам продолжительностью 56 календарных дней до родов (с 1 декабря 1990 года — 70 календарных дней) и 56 календарных дней после родов, т.е. всего 18 недель, исчисляется суммарно и предоставляется женщине полностью, независимо от числа дней, фактически используемых до родов.

Оплачиваемый (полностью или частично) отпуск по беременности и родам, а также по уходу за родившимся ребенком существует во многих развитых странах. При этом наблюдается большое разнообразие условий, на которых предоставляются эти отпуска, их продолжительности, оплаты и т.д. От страны к стране имеются существенные различия как в продолжительности отпуска, так и в доле заработной платы матери, которая компенсируется. Например, в некоторых странах (Болгария, Польша, Румыния, Франция) продолжительность получения пособия по беременности и родам и его величина зависят от очередности рождения. Иногда такое пособие выплачивается всем матерям, иногда — только работающим и получающим зарплату. При родах с осложнениями или при рождении близнецов продолжительность отпуска обычно увеличивается.

Наши нормы предоставления оплачиваемого отпуска по беременности и родам не особенно выделяются на фоне других стран. Как видно из табл. 3.19, есть страны с более льготными и менее льготными, чем у нас, условиями.

Пособие по уходу за ребенком в СССР существует с 1981 г. Начиная с этого времени, всем работающим матерям, имеющим общий трудовой стаж не менее года, а также матерям, обучающимся с отрывом от производства, после окончания оплачиваемого отпуска по беременности и родам выдавалась денежная помощь по уходу за ребенком до достижения им возраста 1 года. С декабря 1989 г. этот срок был продлен до 1,5 лет (вначале — в некоторых районах страны, а к концу 1990 г. — на всей ее территории). Размер помощи составлял 35 руб. в месяц за исключением районов Дальнего Востока, северных районов (Карельская и Коми АССР, Архангельская и Мурманская области), а также Вологодской, Новгородской и Псковской областей, где размер пособия составлял 50 руб. Эта сумма выплачивалась независимо от того, находилась женщина в период этого отпуска в указанных районах или нет.

С 1 января 1991 г. размер пособия по уходу за ребенком до достижения им 1,5 лет работающим (при наличии рабочего стажа не менее 1 года) и учащимся женщинам составлял 70 руб., а с апреля 1991 г. — 110 руб. При рождении двух и более детей пособие выплачивается на каждого ребенка. Пособия неработающим женщинам, составлявшие с января 1991 г. 35 руб., в апреле увеличены до 80 руб. С 35 до 80 руб. увеличены также пособия женщинам, находящимся в неоплачиваемом

отпуске с ребенком от 1,5 до 3 лет. В местностях, где применяются районные коэффициенты к заработной плате, размер пособия повышается с учетом коэффициентов, применяемых для работников непродовственных отраслей.

Таблица 3.19

Отпуска по беременности и родам и по уходу за ребенком в некоторых западных странах [1]

	По беременности и родам		По уходу за ребенком	
	Максимальная длительность [2]	Компенсация заработной платы (%) [3]	Максимальная длительность [2]	Компенсация заработной платы (%) [3]
Австралия	52	-	-	-
Австрия	16	100	До 1 года со дня рождения	Фиксированное пособие в некоторых случаях
Бельгия	14	От 100 до 79,5 [4]	См. 5	Фиксированное пособие
Канада	17 или 18 [6]	До 60 [7]	-	-
Дания	28	90	10 недель	Фиксированное пособие
Финляндия	17,5	80	28 недель [8]	80
Франция	16-28 [9]	84	До 3 лет со дня рождения	Фиксированное пособие на 3 и более детей
Германия	14	100	До 15 мес. со дня рождения [10]	Фиксированное пособие
Греция	14	100	До 30 мес.	Не оплачивается
Исландия	13	Фиксированное пособие	-	-
Ирландия	14	60	-	-
Италия	20	80	До 3 лет	-
Япония	14	60	-	-
Люксембург	16	100	-	-
Нидерланды	16	100	См. 11	-
Новая Зеландия	14	-	До 1 года	-
Норвегия	28	100	До 1 года	Оплачивается (соц.обесп.)
Португалия	13	100	До 3 лет со дня рождения	Фиксированное пособие в некоторых случаях
Испания	16	75	3 года	-
Швеция	12 [12]	90	До 1 года со дня рождения [13] пособие	90%, затем фиксированное [14]
Великобритания	18 [15]	90 [16]	-	-
США	См. 17	-	См. 18	-

Примечания

— Данная мера отсутствует.

1. Общие меры, предусмотренные трудовым законодательством каждой страны: работающие по найму могут иметь дополнительные пособия, предоставляемые в рамках коллективного трудового договора (более продолжительный отпуск, более высокая величина компенсации), которые здесь не рассматриваются.

2. Если отпуск выражается в количестве недель, то он прибавляется к отпуску по беременности и родам; он определяется в количестве лет ребенка.

3. Показатель возмещения рассчитывается по отношению к общему заработку; если пособие по беременности и родам не облагается взносом в фонд социального обеспечения и подоходным налогом, то нетто-величина компенсации может быть выше; в некоторых странах существует "верхняя" граница при расчете величины пособия.

4. Показатель возмещения равен 100% от зарплаты матери в течение первого месяца, затем понижается на определенную величину.

5. Как такового родительского отпуска не существует, хотя все работающие имеют право на отпуск в связи с "перерывом в работе" (в частном секторе предоставление такого отпуска зависит от согласия предпринимателя, в случае рождения ребенка такой отпуск обычно предоставляется).

6. В зависимости от провинции.

7. До 60% от максимального ежегодно устанавливаемого пособия по безработице (первые две недели не оплачиваются).

8. Возможен также неоплачиваемый отпуск до 3 лет с момента рождения ребенка.

9. В зависимости от числа детей.

10. С 1 июля 1990 г. — до 18 месяцев.

11. Родителям, имеющим ребенка до 4 лет, предоставляется право на неполный рабочий день (минимум 20 ч в неделю) в течение 6 месяцев. Оплачиваются действительно отработанные часы.

12. Обязательный отпуск матери в связи с рождением ребенка; после него — родительский отпуск.

13. До 18 месяцев — с 1991 г.

14. 90% в первые 270 дней с последующим плавным снижением уровня.

15. Не распространяется на женщин, работающих на одном и том же месте менее 2 лет.

16. Шесть недель — по 90% от общего заработка матери, остальные 12 недель — финансируемое пособие.

17. Такой меры нет в общенациональном масштабе; некоторые штаты предоставляют неоплачиваемый отпуск по беременности и родам. Федеральным законодательством запрещена дискриминация в сфере занятости по отношению к беременным или только что родившим женщинам.

18. В некоторых штатах — только до 12 недель; не оплачивается.

Оплачиваемый отпуск по уходу за родившимся ребенком после окончания отпуска по беременности и родам предоставляется во многих развитых странах (см. табл. 3.19). Часто (например, в Бельгии, Дании, Греции, Италии, Норвегии, Финляндии, ФРГ, Швеции) он может полностью или частично предоставляться либо матери, либо отцу, по их выбору. В таблице не приведены данные по странам Восточной Европы, но родительский отпуск по уходу за маленькими детьми есть, конечно, и в них. В Болгарии, Венгрии и Чехословакии его продолжительность зависит от очередности рождения, в Чехословакии и Венгрии от очередности зависит и размер выплачиваемого пособия.

В ряде стран наряду с оплачиваемым отпуском существуют и законодательно установленные неоплачиваемые отпуска после истечения срока оплачиваемых, продолжительность их сильно колеблется.

Центральное звено всей системы семейных пособий во многих странах образуют *ежемесячные пособия на детей* после их выхода из грудного возраста. Постановлением СМ СССР от 2 августа 1990 г. предусмотрено введение таких пособий и у нас — правда лишь на детей в возрасте от 1,5 до 6 лет. Эта мера пока не реализована, но предложенная схема заслуживает анализа.

Ежемесячные пособия на детей везде поглощают большую часть средств, расходуемых на финансовую помощь семьям. Поэтому очень важно правильно распределить эти средства, продумать многие тонкости их использования. Пока принятую Совмином СССР схему пособий едва ли можно считать удачной. Ее несовершенства хорошо видны при сравнении с некоторыми зарубежными схемами выплаты ежемесячных пособий на детей (табл. 3.20).

Таблица 3.20

Ежемесячные пособия на детей в СССР (с 1 декабря 1990 г.) и существующие в некоторых странах (в % к среднемесячной зарплате в промышленности)

Число и возраст детей	СССР	Австрия	Бельгия	Франция
<i>Один ребенок</i>				
1 год	29,0	10,0	2,9	21,6
4 года	14,5	10,0	2,9	-
12 лет	-	12,4	4,2	-
<i>Двое детей</i>				
1 год и 4 года	43,6	20,0	8,3	29,8
4 года и 7 лет	14,5	20,0	9,1	8,2
7 лет и 12 лет	-	22,4	10,4	8,2
12 лет и 16 лет	-	24,8	11,4	10,5
<i>Трое детей</i>				
1 год, 4 года и 7 лет	43,6	30,0	17,2	48,5
4 года, 7 лет и 12 лет	14,5	32,4	18,5	37,7
7 лет, 12 лет и 16 лет	-	34,8	20,3	39,5

В отличие от принятых в ряде стран систем пособий на детей, вводимая в СССР система не учитывает в качестве самостоятельных факторов ни очередности рождения, ни числа, ни возраста детей, оказывается негибкой и нелогичной. Как объяснить, например, что одинаковое пособие получают семьи, имеющие одного, двух, трех и даже больше детей? Есть ли в этом социальная справедливость? Как вводимые меры учитывают демографические цели или соображения семейной экономики? В предыдущем разделе было показано, что потребности семей растут не только с увеличением числа детей, но и с их возрастом. А выплата пособий прекращается после достижения ребенком 6 лет.

Введение ежемесячных пособий на детей — нужный шаг. Но, по-видимому, нужна и тщательная работа по конструированию системы этих пособий, уточнению круга семей, которым они адресованы, их размера и пр.

Меры налоговой политики. Еще одна особенность существующей в СССР системы финансовой помощи семьям заключается в крайне слабом использовании в этих целях *налоговой системы*. Отчасти это было связано с общей незначительной ролью прямого налогообложения доходов граждан в хозяйственной жизни страны. В СССР относительно малые прямые налоги с физических лиц (4,2% от ВВП, что вдвое ниже, чем в США, и почти в 5 раз меньше Швеции) всегда сочетались с очень большими косвенными налогами: доля налога с оборота к ВВП в 1988 г. составила 11,7% (аналогичный показатель в США — 0,7%, при этом, однако, надо учесть, что в США есть еще и значительно больше нашего налог на наследство, но составляет он всего 0,1% от ВВП). В сравнении с другими развитыми странами налог на товары и услуги только в Англии и Швеции выше, чем в СССР [40, с.4]. Из довольно узкой группы товаров (18 видов) с высокой долей налога (от 30 до 94%) в их розничных ценах, по крайней мере семь видов (обои, мотоциклы, фарфоро-фаянсовая посуда, текстильная галантерея, ковры и ковровые изделия, холодильники, легковые автомобили) относятся к товарам "семейного" потребления. Действующая система косвенных налогов не только ухудшает положение беднейших домохозяйств, что неизбежно при любых косвенных налогах, но и в известной мере неоправданно "удорожает" жизнь любой семьи, ухудшая тем самым условия выполнения ею своих потребительских функций, и в конечном итоге сводит на нет действие собственно семейных налоговых рычагов.

Другая причина слабого использования налоговой системы как инструмента семейной политики — низкая дифференциация доходов. Межсемейные перераспределения доходов с помощью семейных пособий и налоговых мер не должны дублировать друг друга. Налоговые льготы приобретают самостоятельный смысл и не могут быть заменены пособиями для высокодоходных групп населения, для которых получение относительно небольших семейных пособий не имеет существенного значения. Платя более высокие налоги, они участвуют в вертикальном перераспределении доходов в пользу более бедных семей, предоставление же налоговых льгот по семейным основаниям ослабляет горизонтальное неравенство.

С развитием рыночной экономики, изменением отношений собственности и ростом дифференциации доходов нам также, по-видимому, предстоит значительное усиление роли прямого налогообложения. Соответственно повысится и роль налоговых мер как инструмента межсемейного перераспределения доходов, подобно тому, как это имеет место во многих странах.

Среди основных налоговых мероприятий в рамках семейной политики зарубежных стран ведущее место занимают налоговые льготы, с помощью которых в той или иной степени учитываются социальные, экономические и демографические аспекты жизни семей разных размеров. Например, в 16 странах Западной Европы семьям предоставляются налоговые льготы, которые рассматриваются как элемент перераспреде-

ления средств в пользу семей с детьми. В восьми из них размер льготы повышается по мере увеличения числа или возраста детей, в ряде случаев он связан с другими условиями, например, с посещением школы. В то же время ряд стран (Великобритания, Дания, Лихтенштейн, Нидерланды, Турция) не имеют специальных налоговых льгот, учитывающих наличие детей в семье [69, с.13].

Затраты семьи на жилье также учитываются системой налогообложения, хотя величина льгот, как правило, ограничена. В 11 странах Европейского Сообщества налоговые льготы уменьшают затраты семьи на образование детей. Размер льготы зависит от типа учебного заведения: в случае обучения в высшем учебном заведении она обычно более значительна. Имеются льготы и в связи с затратами на содержание детей (в 9 странах). В 12 странах одинокие кормильцы получают специальную дополнительную льготу. В некоторых странах предусмотрены налоговые льготы в случае инвалидности ребенка, прохождения им воинской службы [69, с.14].

Существующие различия в налоговых системах и имеющаяся информация не позволяют однозначно оценить экономическое значение налоговых льгот для семей с детьми. В целом, как отмечают западные исследователи, налоговые льготы занимают свое место в качестве инструмента семейной политики, хотя этот инструмент и не лишен недостатков.

Рано или поздно вопрос о более полном и продуманном учете требований семейной политики системой налогообложения приобретет актуальность и в СССР. Поэтому уже сейчас следует рассмотреть возникающие при этом вопросы.

Первый из них — о единице налогообложения при взимании подоходного налога. Сегодня, как и ранее, в качестве такой единицы у нас рассматривается индивид, а не семья, соответственно налогом облагается индивидуальный доход каждого члена семьи, а не ее совокупный доход, что ведет к горизонтальному неравенству налогового бремени. К тому же искажается реальная картина распределения доходов населения, поскольку члены семьи обычно объединяют свои доходы, и именно объединенные доходы наиболее точно отражают уровень платежеспособности.

Альтернативой такому подходу служит налогообложение совокупного дохода семьи, практикующееся в ряде стран. Например, во Франции и Люксембурге используется особая система налогообложения (система семейных коэффициентов), при которой совокупный доход семьи делится на определенное количество частей в зависимости от размера семьи: на каждого взрослого приходится одна часть, на первого и второго ребенка — 0,5 части, на третьего и последующих детей — целая часть. Совокупный доход семьи (за вычетом необлагаемого минимума) делится на суммарное число частей и прогрессивным налогом облагается доход, приходящийся на каждую такую части.

Выгодность французской схемы значительно повышается при увеличении кривизны прогрессии, в которой увеличивается налоговая ставка. Во Франции в 1986 г. несемейный человек с зарплатой в 5000 фр. в месяц платил 7,9% подоходного налога, с зарплатой в 10000 фр. — 16,3%, при зарплате в 30000 франков — 32,6%. Стало быть, для семьи из двух взрослых и двух детей с совокупным доходом в 30000 фр. налоговая ставка понижается с 32,6 до 16,3%, т.е. весьма существенно [67, с. 285].

Посемейное налогообложение доходов населения создает возможности для учета налоговой системой размеров семей (числа иждивенцев), позволяет обеспечить соблюдение принципа горизонтального равенства и наиболее точно отразить платежеспособность семьи.

Однако возможны и отрицательные последствия, в частности, возникновение так называемого "наказания за брак", т.е. увеличение налога для двухдоходных брачных пар при объединении их доходов в условиях прогрессивного налогообложения. Избежать этого можно, устранив прогрессию, что снимает проблему горизонтального перераспределения, но обостряет проблему вертикального. Возможно также введение специальной льготной шкалы для обложения совокупного дохода семьи, но тогда появляется проблема "наказания безбрачия". В условиях прогрессивного налогообложения необходимость выбора между горизонтальным неравенством и "наказанием безбрачия" неустранима. Предпочтительность того или другого варианта зависит от многих факторов, к которым прежде всего следует отнести объективные тенденции брачности и реакцию общества на них, изменения в нормах семейных отношений по поводу получения и использования дохода. Например, в ряде стран с повышением женской занятости и роли женщин в семье как получателя самостоятельного дохода в этой ситуации начинают склоняться в пользу горизонтального неравенства.

Одно из важных условий использования налоговой системы как инструмента семейной политики — распространение единых норм налогообложения на доходы семей независимо от сферы деятельности, рода занятий и т.п. (До сих пор нашу налоговую систему отличает отсутствие единообразия по отношению ко всем гражданам.) Реализация принципа нейтральности налогообложения по отношению к выбору сферы деятельности важна и с точки зрения обеспечения конкурентоспособности семейного производства.

Все сказанное в значительной мере охватывает возможности налоговой системы по реализации целей семейной политики в отношении семей, находящихся в стандартных ситуациях. Система может приобрести значительную гибкость при помощи введения различных налоговых шкал и варьирования льгот, что особенно важно с точки зрения существующих региональных различий в этапах эволюции норм и образа жизни семьи и в тенденциях женской занятости.

Другая группа целей семейной налоговой политики связана с поддержкой семей, находящихся по тем или иным причинам в особой экономи-

ческой ситуации, отклоняющейся от некоторой "нормы", имеющих относительно низкие доходы и потому нуждающихся в поддержке. Многие из таких причин могут иметь "семейную" природу (ситуация в семьях матерей-одиночек или разведенных, семьях с маленькими детьми, многодетных и пр.).

Центральная налоговая мера помощи подобным семьям — установление основного необлагаемого минимума дохода, который обычно определяется на льготных условиях при исчислении совокупного дохода семьи (например, удваивается в ФРГ). Заметим, однако, что вопрос о налогообложении низкодоходных семей нельзя признать окончательно решенным. В литературе можно обнаружить прямо противоположные точки зрения. Одна из них сводится к тому, что низкодоходные категории населения вообще не должны платить налогов. Согласно другой, все граждане, обладающие в той или иной степени способностью получать (создавать) доход, должны участвовать в доходах государства.

В наших условиях представляется целесообразным при расширении использования налоговых рычагов прежде всего обеспечить повышение исходного необлагаемого минимума дохода (одновременно введя его индексацию с учетом инфляции), а также наибольшую плавность налоговой прогрессии на нижнем ее участке.

Другая мера помощи семьям, находящимся в особой экономической ситуации, — налоговые льготы, включающие необлагаемые вычеты и скидки с налога. До введения в действие нового Закона о подоходном налогообложении семья почти не участвовала в получении льгот при взимании налогов: из 34 существовавших льгот только две можно было отнести к семейным (одна из них — освобождение от подоходного налога суммы возмещения в связи с потерей кормильца — была направлена на поддержание семей в нестандартной ситуации; другая — 30%-ная налоговая скидка — учитывала большое число иждивенцев — четыре и более что также для большинства регионов можно рассматривать как нестандартную ситуацию).

Сейчас положение несколько изменилось. Наряду с сохранением первой из указанных льгот вводятся в действие 30%-ная скидка с налога со всех получаемых доходов для одиноких матерей, для вдов и вдовцов, имеющих двух и более детей до 16 лет, для одного из родителей, воспитывающего проживающего совместно с ним инвалида с детства, требующего постоянного ухода. Предоставлявшаяся ранее 30%-ная налоговая скидка на четырех и более иждивенцев теперь распространяется на трех и более иждивенцев, но, как и до сих пор, только для рабочих, служащих и приравненных к ним по налогообложению граждан и только по доходам от основного места работы. Однако известно, что многодетные семьи обладают, как правило, наиболее низкими доходами такого рода. Тем самым установленная льгота сводится для них к практически неощутимому минимуму.

Как и прежде, система налоговых льгот фактически не затрагивает семью в стандартной ситуации, т.е. не принимает во внимание важное, с точки зрения семейной политики, требование учета при налогообложении размера семьи. Хотя реализация этого требования в налоговой практике, как показывает опыт зарубежных стран, сталкивается с целым рядом проблем, как идеологического, так и практического характера, представляется целесообразным осуществить в дальнейшем учет размера семьи (числа иждивенцев) при налогообложении доходов населения. Это можно сделать с помощью фиксированных необлагаемых вычетов из дохода, семейных коэффициентов или налоговых скидок с учетом душевого дохода семьи. В расчет должно приниматься любое число иждивенцев.

Введение фиксированного необлагаемого вычета из дохода для каждого иждивенца предполагает, что затраты на детей на уровне поддержания их жизнедеятельности рассматриваются как необходимость, а не дело выбора. Поэтому именно на этом уровне (либо выше) посредством вычетов обеспечивается гарантированность необлагаемого дохода на каждого члена семей разного размера. Оптимальным размером такого вычета представляется 20% от средней по стране заработной платы в месяц, что составляет примерно половину расчетного прожиточного минимума взрослого или средний прожиточный минимум ребенка.

Учет размера семьи может осуществляться также при помощи семейных коэффициентов, о чем уже говорилось.

Еще один вариант учета размера семьи при подоходном налогообложении — установление налоговой скидки для иждивенцев с учетом уровня душевого дохода семьи. По мере достижения установленного "потолка" дохода на одного члена семьи налоговая скидка постепенно сводится к нулю.

Реализация рассматриваемого предложения по учету размера семьи при налогообложении может привести к резкому снижению поступлений в бюджет, особенно в регионах с высокой рождаемостью. Так, предварительный расчет показывает, что при 20%-ном от средней по стране заработной платы необлагаемом вычете из дохода на каждого иждивенца недополучения государственного бюджета СССР образуют около 4,4 млрд руб., что составляет около 1% всех годовых доходов госбюджета или около 14% годовых доходов бюджета от подоходного налога с населения. По республикам эти величины существенно различаются. Например, если по Литве величина недополучений госбюджета составила бы примерно 52 млн руб., а ее доля в общих доходах бюджета и в его доходах от подоходного налога — соответственно 1,3 и 12,2%, то в Таджикистане сумма недополучений — 112 млн руб., а соответствующие доли — 5,1 и 53,8%.

В качестве способов нивелирования возможных отрицательных последствий реализации налоговых мероприятий, учитывающих размер семьи, можно предложить различный по продолжительности для разных

регионов постепенный переход от менее обременительного для бюджета варианта налоговых скидок к наиболее предпочтительным с точки зрения целей семейной политики вариантам фиксированных вычетов и семейных коэффициентов. Сами размеры льгот, предусматриваемые каждым из вариантов, также могут иметь поэтапные градации, но при обязательном охвате этими льготами всех семей. Другим способом может быть изменение прогрессии налога для доходов от 250 до 700 руб. в месяц в направлении ее плавного повышения. По некоторым локальным расчетам, при прогрессии от 12% с 250 руб. до 19% с 700 руб. с очень плавным приращением можно дополнительно мобилизовать в бюджет только по одному Краснодарскому краю, например, — 22,6 млн руб. [14, с.61]. Другим источником дополнительных поступлений в бюджет может стать прогрессивное налогообложение крупных наследств и дарений, выигрышей по лотереям и займам, процентов с крупных вкладов.

Вопрос о расширении базы налогообложения населения актуален с точки зрения ресурсного обеспечения налоговых мер поддержки семьи для стран, испытывающих напряженность бюджета. Так, правительство Венгрии предусматривает в перспективе переход от индивидуального подоходного налога к обложению совокупных доходов семей с учетом количества детей. Однако в качестве главного препятствия к немедленному осуществлению такой реформы выдвигается невозможность изыскания соответствующих средств. По расчетам венгерских специалистов, только введение на первом этапе реформы фиксированной льготы (необлагаемого вычета из дохода) в 1000 форинтов в месяц на одного ребенка для семей с тремя и более детьми означает недополучение госбюджетом 1500 млн форинтов налоговых поступлений. А введение такой же налоговой льготы для семей с двумя детьми, что признается справедливым, потребовало бы уже 6 млрд форинтов [86, с.28].

Важен также вопрос о выборе уровня, на котором должно осуществляться получение и использование налоговых поступлений. Например, в большинстве восточноевропейских стран преобладающая часть налогов с населения направляется в местные бюджеты. При этом население наглядно убеждается в использовании налоговых средств непосредственно для решения социальных задач данного региона, что, в свою очередь, рассматривается как предпосылка сознательности и добровольности уплаты налогов.

Для нашей страны также следует, по-видимому, признать целесообразной дополнительную передачу части функций системы налогообложения населения на места и в республики. Именно эти бюджеты должны опосредовать распределение большей части доходов населения, поступающих в налоговой форме. Но в 1987 г. доходы местных бюджетов в виде налогов с населения составляли всего 48% от соответствующих доходов государственного бюджета, 58% — от бюджетов республик. Расходы же местных бюджетов на просвещение в 1987 г. составили

свыше 60% от аналогичных расходов госбюджета СССР, а расходы на здравоохранение — около 90%; финансирование этих сфер из госбюджетов республик составляет соответственно 90 и 95% в расходах госбюджета СССР. Бюджетные затраты на социальное обеспечение в стране также почти полностью покрываются за счет госбюджетов республик, расходы которых составляют по этой статье 92% в госбюджете СССР.

Еще более важным с точки зрения реализации целей семейной политики было бы предоставление республикам и регионам возможности выбора форм налогообложения, касающихся семьи, что позволило бы им учитывать достигнутую стадию демографического развития. В частности, в республиках могут применяться различные варианты учета размера семьи при налогообложении, те или иные системы льгот для семей с учетом специфических локальных целей, а также ресурсных возможностей.

3.2.3. Ресурсное обеспечение семейной политики

Вопрос о том, что считать затратами на семейную политику, требует решения более общего и далеко не простого вопроса о границах между семейной и другими видами социальной политики, о чем уже говорилось в разд. 2.2. Чтобы не рассматривать здесь этот вопрос в полном объеме, введем условное разграничение семейной политики в узком и в широком смысле слова. Под семейной политикой в узком смысле будем понимать совокупность мер непосредственной помощи конкретным семьям путем предоставления им денежных или натуральных пособий, финансовых льгот и т.п. *в связи с определенными семейными обстоятельствами* (чаще всего обусловленными рождением детей или уходом за ними). Семейная политика в широком смысле — это вся совокупность мер, направленных на оптимизацию условий функционирования семьи, включая воздействие на производство, сферу обслуживания, идеологию и т.д.

Сейчас более или менее подробно можно рассмотреть вопрос о ресурсном обеспечении семейной политики в узком смысле слова, он более конкретен и лучше изучен. Что касается "широкого" понимания семейной политики, то оно необходимо, но пока развито недостаточно, говоря о ее ресурсном обеспечении пока приходится ограничиваться лишь самыми общими соображениями.

Затраты на семейную политику в узком смысле. Существующая статистика позволяет оценить прямые затраты на семейные пособия и их место в совокупных затратах на социальную защиту.

Как видно из табл.3.21, все время увеличивается доля расходов на пенсии, она приближается к трем четвертям всех выплат. Доля же расходов на пособия семьям с детьми не увеличивается, а иногда даже и сокращается. В результате эти расходы у нас оказываются значительно меньше, чем во многих развитых странах (табл.3.22).

Таблица 3.21

Расходы из Госбюджета и других источников на социальное обеспечение, социальное страхование и государственные пособия многодетным и одиноким матерям

	1960	1970	1975	1980	1985	1988	1989
Всего расходов, млрд руб.	10,4	23,2	35,0	45,9	61,7	74,3	79,3
В том числе:							
Пенсии млрд руб.	7,1	16,2	24,4	33,3	44,9	54,9	58,4
%	68,3	69,8	69,7	72,5	72,8	73,9	73,6
Пособия по временной нетрудоспособности млрд руб.	1,4	3,9	5,2	6,7	7,4	8,4	8,9
%	13,5	16,8	14,9	14,6	12,0	11,3	11,2
Основные пособия семьям, имеющим детей млрд руб.	1,1	1,4	3,0	3,0	5,4	6,1	5,6
%	10,6	6,0	8,6	6,5	8,7	8,2	7,1
Прочие расходы млрд руб.	0,8	1,7	2,4	2,9	4,0	4,9	6,4
%	7,7	7,3	6,7	6,3	6,5	6,6	8,2

* Пособия по беременности и родам, на рождение ребенка и по уходу за ребенком до одного года, на детей малообеспеченным семьям, многодетным и одиноким матерям (см. табл. 3.18).

Таблица 3.22

Доля расходов на семейные пособия в произведенном национальном доходе (СССР) или конечном продукте в некоторых странах (%)

	1965	1970	1975	1980	1983
СССР	0,8	0,5	0,8	0,6	0,9
Австрия	2,1	1,9	1,9	2,5	2,8
Бельгия	2,5	2,8	2,8	2,6	2,8
Великобритания	0,4	0,8	0,4	1,5	1,4
Франция	3,2	...	2,5	2,7	3,0
ФРГ	0,6	0,4	1,4	1,2	0,9
Швеция	1,2	0,9	1,4	1,6	1,5

Составлено по [61, табл. 1].

Низкая доля затрат на семейные пособия — следствие общей недостаточности ресурсов системы социального обеспечения, за счет которой и оказывается финансовая помощь семье. В этом убеждают, в частности, международные сравнения. В табл.3.23 показано, какая доля национального дохода СССР расходуется на социальное обеспечение, а в следующей за ней табл.3.24 эта доля сопоставлена с соответствующими показателями ряда зарубежных стран.

Таблица 3.23

Расходы из госбюджета и других источников на социальное обеспечение, социальное страхование и государственные пособия многодетным и одиноким матерям и их доля в национальном доходе

	1960	1970	1975	1980	1985	1988
Произведенный национальный доход (млрд руб.)	145,0	193,5	289,9	462,2	578,5	630,8
Всего расходов (млрд руб.)	10,4	23,2	35,0	45,9	61,7	74,5
Их доля в произведенном национальном доходе (%)	7,1	8,0	12,1	9,9	10,7	11,8

Таблица 3.24

Расходы на социальную защиту в произведенном национальном доходе (СССР) или конечном продукте в некоторых странах (%)

	1965	1970	1975	1980	1983
СССР					
без расходов на здравоохранение	7,8	8,0	12,1	9,9	10,0
с расходами на здравоохранение	11,8	12,1	13,7	14,0	13,9
США	7,0	9,5	13,1	12,6	13,8
Великобритания	11,7	13,7	16,0	17,3	20,5
Франция	15,8	15,3	24,1	26,7	29,4
ФРГ (западные земли)	16,6	17,1	23,7	24,0	24,3
Швеция	13,8	18,6	25,0	31,9	33,3
Япония	5,1	5,3	7,6	10,8	12,0

Составлено по [61, табл.2].

В табл.3.24 использованы материалы Международной организации труда. Для преодоления несопоставимости расходов, в которые в западных странах входит также покрываемая за счет средств социального обеспечения часть расходов на здравоохранение, в состав соответствующих затрат в СССР включают все расходы на здравоохранение за счет государственного бюджета (что приводит к расширительной трактовке социального обеспечения и преувеличивает его долю в национальном доходе). С другой стороны, вследствие неодинаковости методологии расчета макроэкономических показателей, расходы на социальное обеспечение в западных странах относятся не к национальному доходу, а к конечному продукту (gross domestic product), который превышает национальный доход (в нашем понимании) на величину затрат на амортизацию и сальдо внешней торговли. Если бы здесь удалось добиться полной сопоставимости, то доля затрат на социальное обеспечение в СССР оказалась бы ниже, чем это следует из табл.3.24. (Это относится и к приведенной выше табл.3.22).

Как видно из таблицы 3.24 доля направляемых на социальные нужды ресурсов во всех развитых странах росла быстрее, чем у нас, и сейчас, как правило, намного превышает соответствующий показатель по СССР (особенно если обеспечить сопоставимость показателей, о чем уже говорилось). А в тех случаях, когда особой разницы в доле нет (США, Япония), имеются большие различия в абсолютном объеме этих ресурсов. В 1983 г., к которому относятся данные таблицы, расходы на социальную защиту в СССР (включая расходы на здравоохранение и физическую культуру) составляли 76 млрд руб. (279 руб. на одного жителя страны), в США — 452 млрд долл. (свыше 1,9 тыс. долл. на одного жителя).

В 1990 г. Верховным Советом и Правительством СССР принят или намечен ряд решений, призванных коренным образом изменить сложившуюся ситуацию. Согласно заявлению председателя Госкомтруда СССР, "по предварительным расчетам, в будущей пятилетке на мероприятия по повышению уровня жизни народа, центральное место среди которых — усиление социальных гарантий, предусматривается примерно 57 млрд руб." [53]. В печати приводились и обосновывались и значительно более высокие оценки затрат на реализацию намечаемых мер по усилению социальной защищенности населения — 100 млрд руб. и более [12]. Если бы средства на покрытие намечаемых расходов действительно удалось изыскать в ближайшие годы, то по крайней мере по доле затрат на социальные нужды в национальном доходе мы приблизились бы к основным развитым странам.

В этом случае естественным становится и значительное увеличение расходов на семейные пособия, что также предусмотрено уже принятыми решениями. Если при действующей системе пособий на них расходуется в 1990 г. порядка 7 млрд руб. в год, то постановление Верховного Совета СССР от 10 апреля 1990 г. предусматривает их увеличение на 3,2 млрд, а постановление Совета Министров СССР — еще примерно на 10,5 млрд руб. [53, с.4]. Таким образом, расходы на социальную защиту семей с детьми одновременно увеличиваются примерно втрое — почти до 21 млрд руб.

Такое развитие событий можно было бы только приветствовать. Однако в какой мере оно возможно? Ведь оно означало бы почти мгновенное удвоение расходов на нужды социальной защиты. В 1988 г. на эти нужды расходовалось без учета здравоохранения и физической культуры 74,5 млрд руб., или 11,8% национального дохода, с их учетом — свыше 103 млрд руб. или 16,4% национального дохода. Между тем из табл.3.24 видно, что высокая доля расходов на социальную защиту в других странах сложилась далеко не сразу, она росла постепенно, по мере того как страны богатели и возможности национальных экономик расширялись. Сделать это одним рывком едва ли возможно, а при наших нынешних обстоятельствах и опасно — такой шаг может оказаться разорительным для экономики страны, ибо потребует отвлечения огромных средств с жизненно важных направлений экономического развития.

Система финансирования затрат на семейную политику. Время покажет, как правительство страны выйдет из создавшегося положения, однако сложившаяся ситуация указывает на существенные недостатки всей действующей системы ресурсного обеспечения семейной политики, как и других мероприятий по социальной защите населения. Она имеет государственно-патерналистский характер, ее действие основано на презумпции экономического всемогущества государства. Если прежде ее существование было в какой-то мере оправдано господством административно-командных методов управления, частью которых она была, то переход к рыночной экономике лишает эту систему какого бы то ни было серьезного оправдания.

Как уже отмечалось в печати [6, с. 19-2], проблема ресурсообеспечения мероприятий социальной политики должна, по-видимому, решаться не путем принятия единовременных решений, которые каждый раз требуют изыскания новых источников ресурсов (за их отсутствием дело нередко кончается печатным станком), а путем создания стабильной и достаточно автономной системы поступления, накопления и расходования ресурсов, основанной на учете действия объективных экономических и социальных законов.

Зачатки такой системы возникли по инициативе Бисмарка 100 лет назад, с тех пор она получила значительное развитие в странах с рыночной экономикой и доказала свою относительную эффективность. Одно из свидетельств этой эффективности — высокая доля расходов на социальные нужды, о чем говорилось выше.

Система, о которой идет речь, основана на принципе трехстороннего партнерства и трехсторонней ответственности за социальную защиту граждан и соответственно за ее финансирование. Три стороны — это, во-первых, имеющие доход граждане — потенциальные получатели пенсии, пособий и т.д., во-вторых, работодатели и, в-третьих, государство. Такая система сложилась не сразу, вначале во многих странах пытались, как и у нас, решать все вопросы социальной защиты посредством государственных вспомоществований, но постепенно стали все больше склоняться к трехсторонней схеме. Об этом наглядно свидетельствуют данные, приведенные в табл. 3.25.

Как видим, в мире существуют разные схемы финансирования мер социальной защиты, но в крупных промышленных странах достаточно определенно утвердилась трехсторонняя схема. Государство нигде не остается в стороне от участия в социальной защите своих граждан, но, как правило, его доля сопоставима с долями других партнеров. Наибольший вклад чаще всего вносят работодатели, но велико и участие самих "защищаемых".

Социальное партнерство обеспечивает "социальную защищенность", или "социальную безопасность", населения (по-английски *social security*, по-французски *securite sociale*, по-испански *seguridad social*). Считается, что этот термин впервые появился в США в 1935 г. и посте-

ленно распространился во всех западных странах для обозначения системы мер, защищающих любого гражданина и даже любого жителя страны от экономической и социальной деградации вследствие безработицы, потери или резкого сокращения дохода, болезни, рождения ребенка, производственной травмы или профессионального заболевания, инвалидности, старости, потери кормильца и т.п. Кроме того, к мерам социальной защиты относят обычно предоставление медицинских услуг и пособия семьям с детьми. Таким образом, семейная политика в узком смысле слова вполне вписывается в систему мер по социальной защите населения и на нее могут распространяться принципы их финансирования.

Таблица 3.25

Распределение поступлений на нужды социальной защиты по источникам финансирования в некоторых странах (1983 г. в % к общей сумме поступлений)

Страна	Потенциальные получатели	Работодатели	Государство	Прочие источники
СССР	-	-	97,2	2,8
Великобритания	17,9	23,9	49,8	8,4
Дания	3,3	8,1	53,3	35,3
Новая Зеландия	2,2	4,4	91,6	1,8
США	22,6	34,3	23,6	19,5
Франция	21,5	50,4	21,4	6,7
ФРГ (западные земли)	35,7	34,2	27,4	2,7
Швеция	1,0	43,8	19,6	35,6
Япония	26,3	28,9	26,2	18,6

Составлено по: [61, табл. 6]. Результаты выведены на основании информации, предоставленной правительственными органами соответствующих стран.

Функционирование трехсторонней схемы можно проиллюстрировать на примере Франции. Скажем, при выплате рабочему зарплаты в 5100 фр. в месяц работодатель платит намного — на 2300 фр., или на 45%, — больше. Эта разница предназначается на заранее известные социальные цели (643 фр. — на оплату пособий по болезни, 562 — в пенсионный фонд, 459 — на семейные пособия, 218 фр. на пособия по безработице и т.д.). В то же время и рабочий уже из своих 5100 фр. — делает взносы в пенсионный фонд, на пособия по болезни, по безработице и некоторые другие — всего 826 фр., или 16% своей зарплаты. Здесь приведены нормы платежей 1986 г., но они несколько меняются из года в год, отражая изменения экономической конъюнктуры.

За счет взносов работников и работодателей формируется большая часть — свыше 2/3 — бюджета социальной защиты. Так, в 1987 г. из общей суммы доходов этого бюджета в 1714 млрд фр. 797 млрд (46%) было внесено работодателями, 315 млрд (18,4%) — наемными работниками, 74 млрд фр. (4,3%) — самостоятельными работниками. Всего эти

взносы составили 1186 млрд фр. Остальное было покрыто за счет взносов государства и некоторых других источников.

Из общей суммы доходов 1987 г. 19 млрд фр. пошло на накопления, остальное было израсходовано, причем большая часть — 1257 млрд фр., или 73,3%, — на различные выплаты, поступившие в семьи. Из них собственно семейные пособия составили всего 171 млрд фр. Наиболее значительная статья расходов, как и у нас, — пенсии — 638 млрд фр. (хотя надо заметить, что у нас соотношение семейных пособий и пенсий примерно 1:10, тогда как во Франции — 1:4, при том что доля пожилых людей во Франции выше, чем в СССР). Затем идут расходы, связанные с болезнями, инвалидностью и производственным травматизмом (кстати, взносы на оплату расходов, вызванных производственными травмами, делают только работодатели), — 340 млрд фр. На четвертом месте — расходы, связанные с безработицей и профессиональной дезадаптацией — 94 млрд фр. [57, с.155].

Достоинства схемы трехстороннего партнерства заключаются не в том, что она позволяет аккумулировать больше средств на нужды социальной защиты, теоретически эту задачу можно решить и другим способом — как у нас. Но на практике она позволяет избежать нашей ситуации, при которой изъятие у населения средств, поступающих в бюджет социальной защиты, обезличено, а сколько-нибудь эффективного механизма влияния плательщиков как на поступление, так и на расходование средств, идущих на социальную защиту граждан, находящихся в распоряжении государства, не существует. Описанная же выше схема трехстороннего партнерства создает такой механизм. Она заведомо исключает монополизм в принятии решений. Государство не может единолично ни ввести, ни отменить какую-либо крупную меру социальной защиты, не может слишком многого дать, но не может и многого отобрать. Оно не выступает больше в качестве средневекового сюзерена, но и "простой человек" — уже не подданный, а гражданин, сам заботящийся о своей социальной защищенности, разделяющий ответственность за нее.

Психологически, да и политически, это очень важно. Нельзя идеализировать никакой "механизм", в том числе и механизм трехстороннего партнерства в финансировании мер социальной защиты. Сам по себе он ничего не гарантирует. Но его потенциальное преимущество перед все еще господствующей у нас системой административно-командных решений заключается в том, что он открывает каналы общественной активности, организованного политического действия, взаимного оппонирования политических сил, партий, профсоюзов, движений, выражающих различные интересы и находящих приемлемые для всех компромиссные решения. При этом затраты на социальную защиту нельзя или, во всяком случае, труднее сделать предметом политической игры. Все партнеры вынуждены считаться с объективными экономическими законами, которые требуют, чтобы увеличение расходов сопровождалось увеличением доходов, а значит, увеличением индивидуальных взносов на социальные нужды или ростом цен, обусловленным

соответствующим увеличением взносов предпринимателей. Здесь каждому нужно уметь считать, соизмерять затраты и результаты. Но именно это и требуется в условиях рыночной экономики.

Затраты на семейную политику в широком смысле. До сих пор речь шла о семейной политике в узком смысле слова, вопрос о ее ресурсном обеспечении мог рассматриваться в комплексе вопросов, общих для всех мер социальной защиты в классическом понимании термина social security. Однако принятая в настоящем докладе концепция семейной политики выходит за рамки этого узкого понимания, и неизбежно возникает вопрос о том, как должны финансироваться мероприятия, направленные на улучшение условий сочетания производственных и семейных функций, развитие служб планирования семьи, изменение "семейного климата" в обществе, научные исследования и т.п. Разнородный характер таких мероприятий, меньшая осязаемость и определенность их результатов, а иногда даже и неоднозначное отношение к ним разных групп населения затрудняют применение тех принципов аккумуляции средств для их проведения, на которые опирается трехсторонняя схема финансирования мер социальной защиты.

В порядке первого приближения представляется целесообразным создать централизованный фонд семейной политики для финансирования тех ее мер, которые не вписываются в обычную схему мер социальной защиты и адресованы непосредственно не семье, а предприятиям или каким-либо другим институтам. За счет этого фонда могут выплачиваться субсидии или премии работодателям, создающим предназначенные для семейных людей рабочие места, поощряться создание семейных производств, поддерживаться новые начинания в сфере семейных услуг, вестись научные исследования семейных проблем, издаваться литература по вопросам семьи и т.п.

Такой фонд мог бы быть государственно-общественным. Большая часть средств вносилась бы государством, возможно даже за счет специального налога или фиксированных отчислений от обычных налоговых поступлений, но какая-то часть складывалась бы из прямых взносов — обязательных или добровольных — государственных или общественных организаций и частных лиц.

Создание самостоятельного фонда семейной политики имело бы принципиальное значение. Оно не только поставило бы эту политику на надежную финансовую основу, но вообще способствовало бы ее институционализации, осознанию ее как самостоятельной важной сферы социальной политики, а тем самым и повышению общественного престижа семьи и семейных ценностей.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ

Демографические функции образуют вторую важнейшую группу функций семьи, больше любых других институтов ответственной за создание и сохранение человеческих жизней. Отсюда — две основные демографические функции семьи: прокреативная и жизнеохранительная.

4.1. Прокреативная функция.

На семье лежит главная ответственность за прокреацию, за поддержание уровня рождаемости, достаточного для обеспечения непрерывности человеческого рода. Выполнение семьей ее прокреативных функций характеризуется числом рожденных детей, интервалами между рождениями, здоровьем родившихся детей, репродуктивным здоровьем матери и т.п.

При обсуждении целей, а соответственно и мер семейной (в данном случае она совпадает с демографической) политики часто особое значение придается числу рожденных детей, которое рассматривается как главный показатель прокреативной деятельности семьи, и цели семейной политики формулируются именно в терминах числа детей. При таком подходе, имеющем серьезные демографические, экономические и социальные основания, в качестве дисфункциональных рассматриваются как крайняя малодетность, так и крайняя многодетность, оптимальной же чаще всего считается двух-трехдетная семья, хотя существуют и другие количественные оценки, на которые должна ориентироваться семейная (демографическая) политика.

В СССР существуют обе отмеченные крайние ситуации, требующие раздельного рассмотрения.

Регионы с низкой рождаемостью. Около 80% населения страны имеют уровень рождаемости, не обеспечивающий даже простого замещения поколений. Если взять поколения женщин, родившихся в 1951-1955 гг., то число детей, рожденных ими к возрасту 35 лет, составило (на 1000 женщин) [4, с.59-67]:

в РСФСР	1768	в Литве	1800
на Украине	1778	в Молдове	2138
в Белоруссии	1825	в Латвии	1717
в Грузии	2019	в Эстонии	1843

Так как во всех перечисленных республиках к 35 годам большинство женщин обычно заканчивает рождение детей, можно с уверенностью утверждать, что ни в одной из них (за исключением, может быть, Мол-

довы) поколения, родившиеся в первой половине 50-х годов, не воспроизводят себя в детях. В таком же, если не в худшем, положении находятся и все старшие поколения, начиная, по крайней мере, с поколений, родившихся в 30-е годы, а может быть и ранее.

За средними числами рождений, о которых шла речь до сих пор, стоят определенные распределения женщин по числу рожденных детей. Теоретически возможно множество распределений, при которых достигается необходимый уровень рождаемости. Приведем несколько примеров таких распределений (табл. 4.1).

Таблица 4.1

Примеры теоретических распределений замужних женщин по числу рожденных детей, при которых обеспечивается простое замещение поколений (230 рождений на 100 женщин)

Число рожденных детей	Варианты распределения женщин по числу рожденных детей, %				
	1	2	3	4	5
0	21,3	7,1	2,9	0,3	-
1	20,8	19,8	17,4	10,2	0,3
2	18,3	30,5	38,3	52,0	69,1
3	14,6	26,3	31,1	34,5	30,6
4	10,5	12,5	9,3	0,3	-
5 и более	14,5	3,8	0,1	-	-

Таким образом, нужное среднее число детей может достигаться как при относительно равномерном распределении замужних женщин по числу рожденных детей (вариант 1), так и при значительно неравномерном, когда подавляющее число женщин рождает двоих и троих детей. Анализ фактических распределений показывает, что в условиях низкой рождаемости преобладают неравномерные распределения, как правило, с сильно выраженным модальным числом двухдетных женщин. Приведем в качестве примера распределение замужних женщин некоторых национальностей (по данным выборочного опроса Госкомстата СССР 1978 г.) (табл.4.2).

Таблица 4.2

Распределение замужних женщин некоторых национальностей по ожидаемому числу детей, %

Национальность	Ожидаемое число детей					
	0	1	2	3	4	5 и более
Русские	3,9	24,3	50,6	14,5	3,7	3,0
Украинки	4,3	19,5	53,2	16,3	3,9	2,8
Латышки	4,7	21,2	49,8	17,4	3,7	3,3

Составлено по: [9, с.187].

Как видим, фактические распределения довольно близки к некоторым теоретическим в смысле явного преобладания модальной группы двухдетных женщин. Отличия же заключаются в том, что в фактических распределениях слишком велика доля однодетных и слишком низка доля трехдетных женщин. Если бы удалось добиться перераспределения общего числа замужних женщин по числу рожденных детей в сторону увеличения доли трехдетных и сокращения доли однодетных и, в меньшей степени, двухдетных (даже при сохранении двухдетной семьи как модальной), то вопрос о выполнении семьей ее прокреативных функций был бы снят с повестки дня. Пока до этого далеко, и актуален вопрос о том, какое отражение должна получить указанная ситуация в семейной политике.

Среди специалистов идут давние споры о том, как относиться к низкой рождаемости, хотя в общественном сознании явно преобладает тревожная нота. Падение рождаемости часто ставится в один ряд с другими кризисными явлениями наших дней. В какой мере это оправдано?

С чисто демографической точки зрения, здесь все представляется достаточно ясным. Уровень рождаемости, не обеспечивающий хотя бы простого возобновления поколений, оценивается как неблагоприятный. Исходя из такой оценки, следует проводить пронаталистскую семейную политику, включающую активные меры, направленные на повышение рождаемости. Однако вопрос значительно усложняется, как только он вписывается в более широкий социальный контекст.

Распространение малодетности свидетельствует о том, что массовый прокреативный выбор вступает в конфликт с коллективными интересами, оцениваемыми исходя из одних лишь демографических критериев. Это относится не только к СССР. Более того, с точки зрения таких критериев, уровень рождаемости во всех упомянутых республиках — один из немногих показателей, по которым мы находимся в лучшем положении, чем большинство развитых стран, ибо у них этот уровень значительно ниже.

Далеко не все специалисты, в том числе и демографы, оценивают ситуацию одинаково. Они относятся к указанному конфликту по-разному.

Часть из них, следуя традиции, заложенной еще в прошлом веке Ж.Бертильоном и другими французскими демографами, встревожены падением рождаемости, с которым Франция столкнулась прежде других стран, безоговорочно становятся на сторону коллективных интересов. Они подчеркивают негативные последствия низкой рождаемости, причем не только демографические, предупреждают о надвигающейся депопуляции, об угрозе вымирания целых народов, исчезновения их национальных культур, о тяжелых экономических последствиях, связанных с демографическим старением и необходимостью содержать все большее число пенсионеров, и т.д. Соответственно ставится и вопрос о поиске способов воздействия на демографическое поведение людей с целью побудить их рожать больше детей.

Но в последние десятилетия становится все больше демографов и социологов, которые отходят от "французской" традиции, пытаются защитить интересы и другой "конфликтующей стороны" — индивида или семьи. Ведь их прокреативный выбор не случаен, он диктуется изменившимися — и не обязательно к худшему — условиями и образом жизни, новой системой ценностей. Подчеркиваются, в частности, такие "постматериалистические" ценности, как свобода выбора, самореализация личности — мужчины, женщины, ребенка, гедонизм и т.п. Из такой позиции вытекает и неприятие каких-либо мер воздействия на прокреативное поведение людей.

Исходя из приоритета индивидуальных интересов, противники про-наталистских мер находят и контраргументы, касающиеся негативных общественных последствий низкой рождаемости. Они полагают, например, что в условиях мирной и интегрирующейся Европы численность отдельных народов не столь уж важна. С падением рождаемости каждому работнику действительно приходится содержать больше пожилых людей, зато меньшее число детей, общая же нагрузка одного работника (детьми и стариками) может и не увеличиваться или увеличивается незначительно. При этом немногочисленные дети получают больше внимания, оказываются лучше подготовленными к профессиональной деятельности, что способствует более быстрому росту благосостояния.

"Как правило, оппоненты пронаталистских мер считают себя сторонниками скорее социократического, нежели технократического понимания общества, отдают предпочтение постматериализму перед материализмом, прогрессизму перед консерватизмом, а в политике видят себя скорее слева, чем справа от центра" [73, с.49].

Сейчас доводы противников драматизации низкой рождаемости и мер, направленных на ее повышение, в целом находят понимание у представителей разных групп общественного мнения и политических сил во многих странах. Об этом свидетельствуют, в частности, официальные ответы правительств на вопросы Секретариата ООН об их позиции в отношении уровня рождаемости и приемлемости воздействия на него. Только некоторые правительства (Болгарии, Венгрии, ГДР, Греции, Израиля, Италии, Люксембурга, Румынии, Франции, ФРГ, Швейцарии) признали уровень рождаемости в своей стране слишком низким и высказались (кроме ФРГ) за проведение политики, направленной на повышение рождаемости. Еще несколько членов ООН (СССР, Украина, Белоруссия, Ирландия, Чехо-Словакия, Югославия) заявили, что удовлетворены уровнем рождаемости, но считают нужным поддерживать его с помощью специальных мер. Правительства же остальных развитых стран, имеющих, как правило, самый низкий уровень рождаемости, заявили, что удовлетворены этим уровнем и не считают нужным принимать какие-либо меры по его повышению [66]. При оценке ситуации низкой рождаемости все большую поддержку получает подход, согласно которому количественные прокреативные цели семейной политики, обосновываемые высшими интересами общества, вообще неправомер-

ны, их принятие означало бы вмешательство общества во внутренние дела семьи, давление на нее. (Подробнее об этом см.: [15, с.98-110].

Регионы с высокой рождаемостью. Наряду с регионами преобладающей низкой рождаемости в СССР имеются также регионы, где большинство населения находится еще на ранних стадиях демографического перехода и сохраняет высокий уровень рождаемости. Те же поколения женщин 1951-1955 гг. рождения, о которых говорилось выше, родили к 35 годам следующее число детей (на 1000 женщин) [4, с.59-67]:

Узбекистан	3990
Казахстан	2470
Азербайджан	2877
Кыргызстан	3275
Таджикистан	4423
Армения	2253
Туркмения	3912

В этих республиках рождение детей к 35-летнему возрасту матери, как правило, не заканчивается, так что окончательное число рождений на 1000 женщин на самом деле заметно превышает приведенные показатели. Высокая рождаемость в названных республиках создает серьезные проблемы экономического и социального характера, но свои прокреативные функции семья здесь выполняет. Тем не менее нередко возникает вопрос о несоответствии высокой рождаемости общественным потребностям и в этом смысле о ее дисфункциональности.

Одно из главных проявлений такого несоответствия — резкое ускорение роста численности населения рассматриваемых регионов после 1950 г., когда сохранение высокой рождаемости вошло в противоречие с значительно снизившейся смертностью (табл.4.3).

Таблица 4.3
Численность населения в регионах с высокой рождаемостью.

Республики	1939	1950	1989	1989 в % к 1950 г.
	тысяч человек			
Узбекистан	6347	6194	19906	321
Казахстан	6082	6592	16538	251
Азербайджан	3205	2859	7029	246
Кыргызстан	1458	1716	4291	250
Таджикистан	1485	1509	5112	339
Туркмения	1259	1197	3534	297

Увеличение численности населения за четыре десятилетия в 2,5-3 и более раз (и продолжающееся весьма высокими темпами) в пределах ограниченных территорий, как правило, бедных водными ресурсами, с недостаточно развитой экономической и социальной инфраструктурой чревато очень серьезными экономическими, экологическими, социальными и политическими осложнениями. Рано или поздно осознание про-

блем перенаселения начинает влиять и на семейную политику, побуждая ее к антинационалистским мерам.

Другое весьма важное несоответствие — между прокреативной и другими демографическими и недемографическими функциями самой семьи. Прежде всего, чрезмерная — по современным меркам, задаваемым относительно низкой смертностью, — прокреативная активность, изнуряющие многократные роды, нередко — с очень малым интервалом между ними, явно нерациональны, с точки зрения здоровья матери и ребенка. Специалисты постоянно указывают на связь высокой нерегулируемой рождаемости и высокой младенческой смертности. Сказываются и чрезмерная истощенность материнского организма, и невозможность для матери, имеющей одновременно несколько маленьких детей, уделить каждому из них достаточно внимания, и общие ценностные установки в отношении здоровья детей, сформировавшиеся в условиях традиционно высоких рождаемости и смертности и сохраняющиеся до сих пор.

Сохранение традиционного типа прокреативного поведения, обеспечивающего высокую рождаемость, препятствует также модернизации и других функций семьи: экономических, психологических, социализирующих. Оно тормозит эмансипацию женщин и детей, демократизацию семейных отношений, препятствует интегрированию семьи в современные экономические структуры, ограничивая тем самым рост ее потребительских возможностей да и самих потребностей.

По мере того, как эти и подобные им несоответствия осознаются все большим числом семей, осмысливаются общественным мнением, возникает проблема включения в семейную политику тех или иных антинационалистских мер. Однако и здесь количественный подход, постановка проблемы в терминах числа детей не встречают полной поддержки у специалистов, не говоря уже о том, что они не находят понимания у населения. Распространение практики планирования семьи часто тормозится общим отрицательным к нему отношением, сохраняющимися архаичными взглядами на семейную жизнь, недостаточно свободным положением женщины, ее фактической зависимостью от воли мужа, зависимостью решений молодой семьи от воли старших родственников и т.п. факторами.

Прокреативное поведение и задачи семейной политики. Таким образом, несмотря на огромные различия в самой природе проблем, которые возникают как в связи с низкой, так и в связи с высокой рождаемостью и должны каким-то образом учитываться при проведении семейной политики, в отношении общественного мнения к демографически ориентированным мерам такой политики просматриваются и общие черты. Они заключаются в усиливающемся неприятии "количественной" направленности политики, мотивируемой макросоциальными или макроэкономическими соображениями, в отстаивании права семьи самой решать, сколько детей ей иметь, действовать в привычных для нее социокультурных рамках.

Видимо, этот подход должен быть воспринят и разработчиками семейной политики, и теми, кто проводит ее в жизнь. Это может показаться уступкой "научной политики" массовому "обыденному сознанию". Но в таком повороте можно видеть и стремление проводить политику более реалистичную, а потому и имеющую больше шансов на успех. Новый подход не означает игнорирования общественных целей, а скорее говорит об их более глубоком осмыслении. Он расширяет задачи политики, воздействующей на выполнение семьей ее прокреативных функций. Ее количественные цели не исчезают, но утрачивают свой самодовлеющий характер, вписываются в общие цели модернизации семьи. На первый план выходит ориентация семейной политики на расширение свободы прокреативного выбора женщины или супружеской пары и на формирование системы семейных ценностей, соответствующих тем историческим условиям, в которых реально живет семья. При этом даже и в количественном плане выполнение семьей ее прокреативных функций оценивается по более широкому кругу параметров, включающих интервалы между рождениями, характеристики здоровья новорожденных, репродуктивного здоровья женщин и пр.

При таком подходе все меры экономического, правового или пропагандистского воздействия на прокреативное поведение должны быть нейтральны по отношению к модели семьи или числу детей и направлены в основном:

- на развитие демографического самосознания каждого человека, осмысление им своих демографических интересов, своего права на прокреативный выбор, на преодоление устаревших взглядов и предрассудков, запрещающих свободное волеизъявление человека в сфере прокреации, на ее десакрализацию;

- на избавление от всех форм давления на женщину или супружескую пару со стороны родителей или других родственников, более широкого соседского окружения, общественного мнения, религиозных или других идеологий, ограничивающего свободу их прокреативного выбора;

- на постоянное совершенствование средств планирования семьи, позволяющих избежать нежелательных беременностей, вытеснить аборт и другие неэффективные или опасные для здоровья женщины методы, родить только желанных детей, регулировать интервалы между беременностями, определять число детей в семье и выбирать время их рождения, а также на обеспечение повсеместной доступности этих средств.

"Количественная" нейтральность мер воздействия на прокреативное поведение не означает их абсолютной нейтральности по отношению к любым характеристикам этого поведения. Впрочем, и количественная нейтральность не должна доводиться до абсурда. Когда трехдетная семья получает дополнительные льготы по сравнению с одно- или двухдетной, это подчеркивает определенные общественные предпочтения, но едва ли может рассматриваться как недопустимое давление на прокреативный выбор. Важно не абсолютизировать число детей как единственный или основной критерий. Семейная политика может и должна поддерживать

модели семьи и образцы поведения, способствующие рождению и воспитанию здорового потомства, его успешной семейной социализации, сохранению семейного благополучия. Разумеется, это должно делаться такими методами, которые не ставят под сомнение принципа свободы прокреативного выбора и не ведут к дискриминации всех остальных моделей и типов семей.

Воздействие на выполнение семьей ее прокреативных функций может требовать самостоятельных мер, например, пропагандистских акций и т.п. Но оно может быть также основано на использовании комплексных мер, имеющих многоплановое назначение. В частности, демографическая составляющая может присутствовать в семейных пособиях, которые могут выполнять, как отмечалось, помимо "социальной" еще и стимулирующую функцию. При этом они должны быть увязаны с теми характеристиками прокреативного поведения, на которые имеется в виду воздействовать (это может быть отнюдь не только число детей, но и интервалы между рождениями, забота о здоровье будущего или родившегося ребенка и т.п.).

4.2. Жизнеохранительная функция

Сохранение здоровья и жизни родившихся детей, поддержание и восстановление здоровья всех членов семьи, забота о них в случае болезни также всегда была и остается одной из важнейших функций семьи. В ее выполнении семья все больше сотрудничает с другими социальными институтами (прежде всего с системой здравоохранения, но не только с ней), это — общемировая тенденция. Однако в СССР сотрудничество семьи и социальных институтов, охраняющих здоровье, приобрело неравноправный характер, семья попала в полную зависимость от органов здравоохранения. Одна из главных причин такого положения — так называемая бесплатность здравоохранения, точнее такая форма платности, при которой изъятие у населения средств, образующих бюджет здравоохранения, обезличено, эффективного механизма влияния плательщиков на формирование этого бюджета не существует, семья лишена всякого выбора и возможностей контроля во всех случаях ее соприкосновения с медицинскими учреждениями.

Проблема не только в том, что из-за отсутствия механизма обратной связи государственная медицина заведомо не может быть эффективной. В подобных условиях не может быть эффективной и жизнеохранительная деятельность самой семьи. Ее способность к такой деятельности развивается вместе с модернизацией семьи, тесно связана с ростом суверенитета семьи и свободы индивидуального выбора ее членов. Патерналистский характер якобы дарового здравоохранения тормозит это развитие, сковывает активность семьи в борьбе за здоровье и жизнь своих членов или придает ей уродливые формы. Развивается сфера теневой, подпольной медицины, которая находится под общественным контролем еще в меньшей степени, чем государственная.

Очевидно, что в задачи семейной политики должно входить преодоление неравноправных отношений между семьей и другими обществен-

ными институтами, призванными охранять здоровье и жизнь ее членов, на создание экономических и политических механизмов, максимизирующих вклад как семьи, так и внесемейных институтов в дело сохранения и восстановления здоровья.

Главное требование к таким механизмам — обеспечение обратной связи между усилиями, затрачиваемыми на охрану здоровья семьей и обществом, с одной стороны, и их результатами (состоянием здоровья и вытекающими из этого экономическими и другими последствиями), — с другой.

Если говорить об экономических механизмах, то здесь нужен отказ от тотальной бесплатности при одновременном усилении социальной защищенности всех категорий семей и всех граждан. По-видимому, это означает развитие в той или иной форме страховой медицины, при которой услуги медицинского учреждения оплачиваются в основном за счет средств социального страхования, но полностью или частично бесплатны для застрахованного. На таких условиях могут работать как государственные, так и кооперативные и частные клиники, частнопрактикующие врачи. Ликвидация монополии государств в сфере здравоохранения сделает более гибким само здравоохранение и в то же время создаст условия выбора медицинского учреждения или врача для пациента.

Во избежание недоразумений, следует отметить, что существуют разные толкования понятия "страховая медицина". В частности, можно считать, что элементы страховой медицины существуют и у нас, так как некоторые расходы по медицинскому обслуживанию или оплата больничных листов покрываются за счет средств социального страхования. Во многих странах существует также система добровольного страхования здоровья, которая обеспечивает оплату медицинского обслуживания застрахованных коммерческими и некоммерческими компаниями. Однако, когда со страховой медициной связывается будущее нашего здравоохранения, то имеется в виду система обязательного страхования, существующая в большинстве экономически развитых стран, где охрана здоровья финансируется за счет трех основных источников: государственного бюджета, отчислений от доходов предпринимателей и страховых взносов населения. Это не исключает введения в качестве дополнительного элемента системы добровольного страхования здоровья, что повышает степень ответственного участия семьи в охране здоровья своих членов.

Идеи страховой медицины прокладывают себе дорогу и у нас. Готовящийся проект "Основ законодательства СССР и союзных республик о финансировании здравоохранения" предусматривает, что каждый застрахованный гражданин получит документ, который будет содержать перечень видов медицинской помощи и медицинских услуг в соответствии со стандартами качества, а медицинская помощь и услуги станут оплачиваться страховым учреждением, в котором он застрахован [7, с.1]. Правда, разработчики проекта все еще с гордостью заявляют, что

"отчисления на страховой полис работающего человека будут идти не из кармана работника, как в других странах, а из доходов предприятия" [20, с.4], по традиции видя в опыте других стран только плохое. Однако, в конце концов, может быть и у нас утвердился принцип трехстороннего партнерства, о котором говорилось в разд. 3.2.3.

Коренные перемены в организации советского здравоохранения необходимы, но сами по себе они не решат всех проблем, которые возникают при взаимодействии семьи и общества в области охраны и восстановления здоровья. Нужны специальные государственные программы, направленные на защиту определенных категорий семей, образующих группы повышенного медицинского риска (семьи с маленькими детьми или престарелыми, многодетные, семьи, имеющие в своем составе инвалидов, нуждающиеся и т.п.).

Система здравоохранения — лишь одна из двух взаимодействующих сторон. Вторая сторона — сама семья. Требования к жизнеохранительной деятельности настолько повысились, что даже при резко возросшей роли здравоохранения и других внесемейных институтов общий объем этой деятельности в семье едва ли имеет тенденцию к сокращению. Между тем, когда речь идет об охране здоровья народа, семья крайне редко рассматривается как самостоятельный целостный объект, заслуживающий специального внимания. Наши учреждения здравоохранения очень слабо используют жизнеохранительный потенциал семьи, не стремятся к его наращиванию, плохо сотрудничают с семьей. Необходимы целенаправленные усилия по повышению жизнеохранительного потенциала семьи и эффективности его использования.

Особенно важна роль жизнеохранительной деятельности семьи, когда речь идет о детях. Вклад семьи в уход за заболевшими детьми, по-видимому, существенно превосходит усилия в этом направлении общественного здравоохранения. В 1987 г., например, в связи с уходом за больными (по преимуществу детьми) не работало 0,6 млн. человек, что сопоставимо с числом детей, могущих находиться на стационарном лечении в больничных учреждениях (623 тыс. на конец 1987 г.). Действительные же размеры вклада семьи в уход за больными детьми, вероятно, выше названной цифры, которая относится только к учтенным случаям нетрудоспособности вследствие ухода за больными детьми (в основном). В то же время остается неясным, достаточен ли этот вклад и, главное, достаточно ли он эффективен. Известно, что смертность детей всех возрастов у нас выше, чем в большинстве развитых стран. Конечно, в этом немалая вина здравоохранения, но нет сомнения и в том, что семья делит с ним ответственность за повышенную смертность детей, ибо далеко не всегда подготовлена — в смысле как общей, так и специфической санитарной культуры — к выполнению по отношению к ним своей жизнеохранительной функции на современном уровне.

Вероятно, в наибольшей мере это относится к заботе о новорожденных. Ежегодное рождение в стране примерно 5 млн. детей требует особых усилий со стороны семей по обеспечению здоровья младенцев на

первом году жизни, когда оно наиболее уязвимо. Уровень младенческой смертности в СССР, особенно в некоторых его регионах, структура этой смертности по причинам смерти указывают на неудовлетворительный уход за младенцами в семьях, на то, что семьи во многих случаях не справляются со своей жизнеохранительной функцией. Ведь система здравоохранения везде одна и та же, а различия в уровнях младенческой смертности в разных регионах или у разных этносов иногда достигают нескольких раз.

Большие потери здоровья и даже жизни связаны с особенностями прокреативного поведения многих семей, их отношением к регулированию этого поведения. В связи с объективно обусловленным изменением прокреативных целей семьи ее "планирование" (самой семьей, разумеется), "сознательное родительство" стало неотъемлемой чертой современного образа жизни и мышления населения всех развитых стран. Оно служит необходимым условием свободного и ответственного поведения родителей, направленного на рождение только желаемых детей и только в удобное для семьи время, благодаря ему реализуется свобода прокреативного выбора — одна из важных предпосылок и в то же время одно из следствий свободы личности в XX веке.

Однако на пути полной реализации этой свободы, на пути развития планирования семьи и его современных форм, давно получивших признание во всех развитых странах, у нас сохраняются значительные препятствия. Формы планирования семьи в СССР развивались стихийно, в условиях отсутствия в стране специальных служб, недоступности для населения необходимой информации, специализированной медицинской помощи и современных средств предупреждения нежеланных рождений. В результате в СССР основным эффективным и доступным методом планирования семьи все еще остается искусственный аборт. В 1985 г., например, в СССР было произведено 130,9 абортов на 100 родившихся живыми, в РСФСР — 191,7, тогда как во Франции соответствующий показатель составлял 22,6, в Великобритании — 20,3, в ФРГ — 14,2 [8, с.735]. Преобладание искусственного аборта в структуре методов планирования семьи не может не сказываться на общем и репродуктивном здоровье женщины, а косвенным образом — и на здоровье детей. В предыдущем разделе говорилось и о тех последствиях для здоровья, которые возникают при отсутствии любых форм планирования семьи и высокой рождаемости. Отставание с развитием планирования семьи в СССР превратилось в серьезный фактор, препятствующий семье выполнять ее жизнеохранительные функции.

Велико значение деятельности семьи по уходу за заболевшими или умирающими взрослыми ее членами, особенно престарелыми. Однако и здесь семья сталкивается с большими трудностями, потому что, как правило, не получает необходимой помощи и поддержки со стороны других социальных институтов. Отсутствие коек сестринского ухода в стационарах, патронажных служб, помогающих уходу за больным на дому, приводит к тому, что жизнеохранительные функции семьи и ее

членов вступают в конфликт с другими их функциями, приводят, например, к вынужденному увольнению с работы из-за необходимости ухода за тяжело больным членом семьи и т.д. Формальное понимание семьи как узкой группы совместно проживающих лиц нередко препятствует общественно санкционированному участию родственников в уходе за больными, даже за собственными престарелыми родителями, проживающими отдельно, хотя тенденции развития семьи с очевидностью ведут к тому, что такое раздельное проживание становится все более распространенным.

Имеется и много других препятствий тому, чтобы семья могла эффективно выполнять свои естественные жизнеохранительные функции, вносить существенный вклад в охрану и восстановление здоровья своих членов. В частности, не раз уже отмечалась необходимость введения института семейного врача общей практики, который бы наблюдал всех членов семьи и выступал бы в качестве ее постоянного консультанта по всем вопросам, касающимся здоровья, но пока таких врачей практически не существует. Нуждается семья и в оснащении пригодными для употребления в домашних условиях средствами контроля состояния здоровья и приспособлениями по уходу за больными, чем сейчас мы также практически не располагаем.

Разумеется, семейная политика — не единственный и даже далеко не главный вид социальной политики, призванный обеспечить успех борьбы за здоровье и жизнь людей. Но в той мере, в какой этот успех связан с эффективным выполнением семьей ее жизнеохранительных функций, семейная политика может внести и свой вклад.

Ее усилия должны быть направлены на поддержку реформ системы здравоохранения с тем, чтобы эта система как можно больше повернулась лицом к семье, нашла бы механизмы взаимодействия с ней, соответствующие новым условиям и новому типу семьи. В то же время семейная политика должна переориентировать семью на более активную роль в борьбе за здоровье и жизнь своих членов. Это предполагает:

- повышение санитарной культуры населения, чувства ответственности людей за свое здоровье и здоровье своих близких;

- разработку идеологии и создание организационных форм сотрудничества семьи с обслуживающими ее медицинскими учреждениями (создание института семейного врача, развитие патронажных служб, системы "дневных" стационаров и т.п.);

- переход к свободному выбору семьей медицинского учреждения, врача, развитие платных медицинских услуг;

- ликвидацию дефицита медикаментов, а также средств контроля состояния здоровья и предметов ухода за больными, пригодных для употребления в домашних условиях.

СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ

Семья — малая группа, в которой с наибольшей естественностью удовлетворяются многие важнейшие личностные потребности человека. Здесь он приобретает необходимые социальные навыки, осваивает базовые стереотипы поведения и культурные нормы, реализует свои эмоциональные предпочтения, получает психологическую поддержку и защиту, спасается от стрессов и перегрузок, возникающих при контактах с внешним миром. В удовлетворении всех таких потребностей и заключается смысл психологических и социально-культурных (социализирующих) функций семьи.

Как отмечалось в разделе 1.6, перегруппировка функций семьи в ходе ее модернизации повышает значение именно этих двух групп функций, что вызывает кардинальные перемены в образе жизни семей, их потребностях, характере взаимодействия с внешним миром, типе внутрисемейных отношений, положении в семье отдельных ее членов, семейной морали и т.д. и в конечном счете приводит к фундаментальным сдвигам в системе взаимодействия по всей цепочке личность-семья-общество. Соответственно меняются и сами психологические и социально-культурные функции.

5.1. Психологические функции

Когда речь идет о психологических аспектах функционирования семьи, она предстает не столько как институт, сколько как малая группа с характерными для этого образования особенностями группового взаимодействия. Следовательно, в основе психологического функционирования семьи лежат только такие индивидуальные потребности, удовлетворение которых невозможно или чрезвычайно затруднено *вне* семьи.

Во многих зарубежных работах психологические функции семьи обозначаются как "функции психотерапии" [1, 2, 3, 56, 58]. Семья способна одновременно обеспечивать своим членам чувство безопасности ("убежище"), принадлежности к группе, эмоциональные связи, возможность самоутверждения, т.е. в конечном счете создать базу для развития высшего типа потребностей (по Маслоу — см. [77]) в самоактуализации и реализации творческого потенциала.

Психологические функции семьи осуществляются через межличностные отношения. В процессе перехода к семье нового исторического типа в межличностных отношениях, а значит и в социально-психологическом функционировании семьи происходят

значительные изменения. (На отечественном материале этот процесс был исследован в работах С.И.Голода [13].

Традиционная модель семьи содействовала в основном удовлетворению первичных психологических потребностей: в безопасности, принадлежности, эмоциональных связях, отчасти (в основном для женщины) в самоутверждении и лишь в незначительной степени могла способствовать удовлетворению потребностей в самоактуализации. Таким образом, абсолютной прерогативой такой семьи были "низшие" психологические потребности, наиболее тесно связанные с ее экономическим функционированием.

С возрастом индивидуализации человека и "звездением" в современную семью принципа автономии личности как необходимого условия развития и удовлетворения высших психологических потребностей, а также в связи с параллельно идущими социальными процессами, ослабляющими внешние нормы семейного взаимодействия, удовлетворение всех видов базовых психологических потребностей индивида, включая и "высшие", усложняется, что создает угрозу дестабилизации семьи. Вследствие этого повышаются требования к выполнению семьей ее социально-психологических функций как в целом, так и на различных стадиях ее жизненного цикла.

В современных социально-психологических исследованиях семьи [5, 88] вычлениаются три основных компонента межличностных отношений, обеспечивающих психологическую солидарность: интимность (близость), кооперация (взаимопомощь), и когнитивное согласие (взаимопонимание). Разные элементы психологической солидарности имеют различный "удельный вес" на том или ином этапе жизненного цикла семьи. Так, в добрачный период и до рождения первого ребенка наибольшее значение имеет интимность. После рождения первого ребенка решающую роль начинает играть степень и характер кооперации: этим можно отчасти объяснить замеченную в исследованиях "традиционализацию" семейной жизни в этой фазе (муж на время становится основным кормильцем, и соответствующие изменения претерпевает весь характер семейного взаимодействия). В дальнейшем постоянно возрастает вклад в психологическую солидарность когнитивного согласия. Вообще же высокую степень психологической солидарности можно считать главным условием, обеспечивающим удовлетворение трех "низших" групп базовых личностных потребностей, а в сочетании с определенной автономией членов семьи, — и "высших" групп потребностей (в самоуважении, самореализации и самоактуализации).

Сравнение под таким углом "патриархальной" и "демократической" ("эгалитарной") семейных моделей приводит к предположению, что первая не уступает второй по степени психологической комфортности для индивида. Для традиционного брака характерна высокая степень кооперации (через ролевую взаимодополняемость), когнитивного согласия (следующего из общих социально заданных норм) и низкая

потребность в автономии. Недостаточная степень интимности в семьях этого типа не ведет к разрушению солидарности в целом.

Для "эгалитарного" брака в условиях размывания социально нормативного канона и возникновения относительно нового требования автономии как условия развития личности "нагрузка" на все элементы психологической солидарности очень высока. Не случайно некоторые исследования показывают, что удовлетворенность семейной жизнью и браком наиболее высока в "чисто" традиционных семьях, затем — в эгалитарных и наиболее низка в промежуточных вариантах. То же отражено и в данных о зависимости психического здоровья от типа семьи: наиболее психически стабильными оказались "последовательные традиционалисты", достаточно благополучными — "последовательные демократы" и маргинальными с точки зрения психической нормы — промежуточные типы.

В первом типе семьи ("патриархальном") основной "скрепой" психологической солидарности служит кооперация, во втором — интимность. В переходных же типах, по-видимому, ролевая несогласованность — скорее следствие, чем причина нарушения интимности и когнитивного согласия, (хотя часто считают, что она — результат действия рудиментарных традиционных норм как когнитивных образований).

Интимность — наименее "востребованный" элемент традиционной семейной модели и наиболее значимый для модели эгалитарной. Не удивительно, что именно он оказывается "слабым звеном" при переходе от первой ко второй. Такие "промежуточные" модели — вариант не традиционной, а напротив — современной семьи, но с нарушением в ее центральном звене — интимности, приводящим к "сбоям" в социально-психологическом функционировании. Примером может служить проблема нежеланных детей (по данным исследований [7, 26 с.143-146], они составляют группу риска в социальном плане), неоднократно отмечавшиеся зависимости между удовлетворенностью браком и производительностью труда, психическим и физическим здоровьем людей [46].

Широкая распространенность "промежуточного", маргинального типа семейных отношений, их переходный характер — пожалуй, важнейшая черта, объясняющая трудности, переживаемые семьей в СССР, главная причина неудовлетворенности семейной жизнью, которую испытывают миллионы людей. Одних тяготит непреодоленность традиционного авторитаризма внутрисемейных отношений, жесткая семейная дисциплина, зависимое положение женщин и детей, отсутствие свободы выбора. Отсюда самые разные виды протеста: от огромного числа разводов по инициативе женщин до сотен ежегодных самоубийств женщин и девушек в некоторых республиках Средней Азии. Другие страдают, напротив, от не сформировавшегося, незрелого внутрисемейного демократизма, не сопровождающегося адекват-

ной ответственностью и порождающего многочисленные неблагоприятные, конфликтные семьи.

5.2. Социально-культурные функции

Свойственная семье высокая степень психологической солидарности обеспечивает успешное выполнение ею задачи *социализации* детей и родителей, которая составляет основное содержание социокультурного функционирования семьи. Социализация включает в себя задачу воспитания, но не ограничивается ею. Она охватывает также разнообразную деятельность по формированию личности: усвоение ею норм и ценностей культуры, навыков поведения и общения, подготовку к выполнению важнейших социальных ролей. Таким образом, по аналогии с формированием базовых психологических потребностей личности, семья закладывает и базовые культурные ценности, регулирующие будущее поведение человека в разных сферах деятельности, формирует сценарии всех возможных ролей, которые предстоит человеку сыграть.

Социализация осуществляется через взаимодействие поколений, составляющих семью. В зависимости от изменений типа семьи, обусловленных историческими особенностями культуры и конкретного общества, меняется также тип и механизм этого взаимодействия. В современной нуклеарной семье речь идет прежде всего о *взаимовлиянии* родителей и детей [90, 91, 100].

Традиционная семья организована так, чтобы сохранить образ жизни старшего поколения, повторить родителей в детях. Дети здесь — объект социализации, задача которой состоит в том, чтобы "вписать" их в четко заданные рамки существующих ролей, норм и ценностей. Механизм социализации в семье традиционного типа действует, опираясь на безусловный авторитет старшего поколения, обычай, ритуал. Четко разграничиваются норма, опирающаяся на традиции, и отклонение от нормы, предполагающее строгие санкции [26, с.177-192; 28, с.48-49; 55, с.340-346].

Главной чертой социализации в семье нового типа (эгалитарной, демократической) является то, что каждый из ее членов стремится получить возможности для самореализации. Таким образом авторитет старших не "закрывает" собой мир, утверждая образец, которому предстоит следовать, а открывает возможности свободного развития. В общении старших и младших вырабатываются навыки критического отношения к противоречивым и конкурирующим нормам и ценностям, закладываются основы формирования самостоятельности, ответственности, осознанного отношения к своим поступкам [60, 84, с.322-342; 90].

В реальной практике социализации эти типы "перемешаны", можно говорить лишь о преимущественном тяготении к тому или другому полюсу. При этом механизмы социализации, характерные для разных этапов исторической эволюции семьи, не только сосуществуют в современных семьях, но и "включаются" по мере прохождения отдельной

семьей основных этапов ее жизненного цикла. В начале его — если принять за основу периодизации возраст детей — действуют в основном механизмы традиционной социализации, а безусловность родительского авторитета служит предпосылкой усвоения главных ценностей данной культуры. В дальнейшем идет процесс "либерализации" традиционной семьи: социализирующие воздействия транслируются не только от родителей к детям, но и от детей к родителям.

Одновременно повышается степень автономии членов семьи, увеличивается разнообразие их связей с миром. Включаются механизмы других типов социализации, "дети и взрослые учатся у своих сверстников и взрослые учатся также у своих детей" (М.Мид). Это период включения в процесс социализации наряду с семьей подростковых и молодежных субкультур, усиления влияния других социализирующих институтов, возникновения ситуаций конкуренции образов жизни (с одной стороны, семья, с другой, — сверстники или референтная группа). Здесь возникают сложности и конфликты, острота которых зависит от того, какой характер общения принят в семье. Он определяется типом семьи, типом социального взаимодействия в ней, типом организации отношений.

Традиционная семья будет по-прежнему требовать подчинения, послушания и это может привести к конфликту и разрыву. "Демократическая" семья будет стремиться к взаимопониманию, диалогу, на основе которого возникает новый, более зрелый, хотя и более сложный стиль отношений между родителями и детьми. Именно в этот период (переходный для семьи и совпадающий по времени с подростковым возрастом детей) решается одна из самых важных в социокультурной деятельности семьи задач: формирование основ стиля общения, стиля межличностных отношений, которым будет следовать человек. При этом необходимо подчеркнуть неразрывную связь социально-психологической и социально-культурной функций семьи, поскольку успешная социально-культурная деятельность по формированию навыков общения осуществляется на основе полноценного социально-психологического функционирования семьи.

Это не означает, что социализация в традиционной семье обязательно чревата конфликтом, а механизмы социализации в "демократической" семье предполагают только согласие и гармонию. Скорее наоборот, поскольку в традиционной семье основной акцент в воспитании делается на послушании, родительский авторитет часто "срабатывает" в напряженной ситуации, что позволяет избежать открытого конфликта. Но если такой конфликт все же происходит, то в силу отмеченных особенностей социализации в традиционной семье он становится бунтом, чреват разрывом отношений. В "демократической" же семье конфликт — не форма разрыва отношений, а поиск решения в кризисной ситуации. Вывод состоит не в том, что "демократическая" семья бесконфликтна, а в том, что она более, чем традиционная, способна сформировать у личности основу культуры разрешения конф-

ликтов, культуры общения, которая предполагает гибкость, открытость, умение вести диалог и слушать собеседника. Наряду с общей образованностью, информированностью, навыками культуры труда, которые вполне способна воспитать традиционная семья, перечисленные качества становятся важнейшими социально-культурными характеристиками личности, обеспечивающими возможности ее успешной деятельности в современном обществе.

Задачи социализации стоят, как известно, не только перед семьей, но и перед другими социальными институтами (дошкольные учреждения, школа, общественные организации, средства массовой информации и т.д.). Таким образом, первая проблема, с которой сталкивается социальная политика в этой области, состоит в том, как обеспечить взаимодействие этих институтов. Если вопрос заострить, то он будет звучать так: кто из агентов социализации должен выполнять главную роль в формировании человека — семья или институты общественного воспитания? От того или иного ответа на этот вопрос зависит, в конечном счете, культурная политика государства по отношению к семье, которая выражается, во-первых, в формировании определенной семейной идеологии, во-вторых, в системе конкретных мероприятий.

Эти мероприятия должны быть направлены как на развитие системы общественного воспитания, так и на создание оптимальных условий для выполнения семьей ее психологических и культурных функций. Но соотношение обоих направлений может быть разным. Это обусловлено тем, что семья может занимать по отношению к обществу по меньшей мере три разные позиции, каждая из которых будет иметь свой "социализирующий выход".

Семья может быть максимально "вписана" в общество, нормы и ценности которого подразумеваются правильными и само собой разумеющимися. Тогда они не осознаются, критически не осмысливаются и более или менее успешно усваиваются в процессе семейной социализации. Семья при этом не вступает в конфликт с другими социализирующими институтами.

В случае, когда нормы и ценности семьи расходятся с ценностно-нормативными образцами, принятыми в обществе, результатом социализации может быть сознательное неприятие господствующей идеологии, активное противостояние в форме инакомыслия или революционной деятельности или же выработка критического отношения к действительности, которое находит выражение в реформаторской или просветительской деятельности. В обоих случаях речь идет о семьях, имеющих достаточно высокий культурный уровень и "сильный" воспитательный потенциал.

Наконец, семья может не выполнять свою социализирующую, социокультурную функцию в силу очень низкого культурного уровня или нарушения каких-то жизненно важных внутрисемейных связей. Основы неблагополучия могут быть различны: материальная необеспечен-

ность, алкоголизм, наркомания, преступность, отчуждение, "нелюбовь" и т.д.

Переходное общество, в котором мы живем, характеризуется тем, что в нем численно увеличивается число семей второго и третьего типов, причем реальную проблему для семейной политики представляют собой прежде всего семьи, не выполняющие своей социокультурной функции, т.е. семьи третьего типа. Они в наибольшей степени нуждаются в специальной помощи — материальной, правовой, социально-психологической и медицинской.

Описанную ситуацию необходимо учитывать при рассмотрении проблемы соотношения семьи со внесемейными институтами социализации. Долгие годы в нашей стране признавался безусловный приоритет общественного воспитания. Это было особенно характерно для первых послереволюционных лет, когда шел процесс разрушения прежних форм организации семьи. Идеология, формировавшаяся в эти годы, была, по сути, антисемейной — отрицающей семейную ответственность, наследство, быт, стабильность отношений.

Начиная с середины 30-х годов, а особенно после окончания Великой Отечественной войны, предпринимались законодательные и другие меры, направленные на укрепление семьи. Но при этом подчеркивалось, что советская семья основывается на совершенно новых принципах, исповедует новую мораль, имеет совершенно иную природу, чем семья в любом другом обществе. Одной из черт этой новой семейной идеологии, дожившей до наших дней, по-прежнему было признание безусловного приоритета внесемейного воспитания детей.

Сейчас все единодушно в отношении необходимости укрепления семьи, но само понимание того, что такое прочная семья, благополучная семья, не остается неизменным. Оно отражает объективные тенденции семейной эволюции, социально-экономические особенности общества и особенности семейной идеологии. В одном случае упрочение семьи означает усложнение и даже фактическое запрещение разводов, нетерпимость к новым, нетрадиционным формам организации семейных отношений, запрещение аборт. В другом — это предоставление максимальных возможностей выбора стиля семейной жизни, обеспечение реального равенства, предоставление женщинам возможности работать, приобретать профессиональную квалификацию и т.д.

То одна, то другая крайние позиции, которые находят выражение в официальной семейной идеологии и семейном законодательстве, преобладали в разные периоды советской истории [29, 76]. К тому же новая семейная идеология распространялась в стране, имевшей и сохранявшей глубокие патриархальные традиции. Эти традиции неуклонно разрушались — исчезала объективная социально-экономическая основа их существования, но и новые "демократические" традиции только провозглашались, поскольку социально-экономическая основа их существования тоже была разрушена — и более "успешно", чем корни

патриархальных отношений. Это связано с тем, что традиции "демократической" семьи (например, в среде городской интеллигенции) развивались на основе определенного уровня культуры и известного материального благосостояния, что было недостижимо для большинства семей в 20-40-е годы. Кроме того, традиции демократической семьи разрушались, поскольку истреблялись семьи — их носители.

Сейчас элементы различных взглядов на семью, усвоенных разными поколениями людей, сосуществуют, высказываются средствами массовой информации, "накладываются" на стихийно формирующуюся семейную идеологию, которая всегда присутствует в обществе. Ее источником являются социально-исторические, национальные и религиозные традиции, субкультурные особенности. Эта стихийно складывающаяся семейная идеология отражает противоречивую реальность жизни современной советской семьи, в которой, как показывают многочисленные этнографические, социологические и психологические исследования, глубоко укоренены патриархальные элементы. Такая семья при выполнении своих социализирующих функций встречается с фундаментальными трудностями. Они вытекают из неизбежного конфликта между культурными образцами, на которые семья объективно способна ориентировать социализируемых ею людей, и требованиями, которые предъявляет к человеку современная жизнь. Если в семье человека воспитывают в духе беспрекословного послушания, а ему приходится жить в мире, где постоянно надо принимать самостоятельные решения, основанные на внутренней ответственности, то он может легко превратиться в преступника. Это и значит, что семья оказывается неспособной к выполнению своих социализирующих функций, с чем сейчас достаточно часто сталкивается наше общество.

5.3. Меры практической помощи семьям

Как уже отмечалось в разделе 2.6, достижение общественного согласия или, по крайней мере, сближение различных семейных идеологий — необходимая предпосылка изменения всего "семейного климата" общества, задача первостепенного значения. Но она не отменяет и более скромных, но тоже очень важных задач, порождаемых повседневной жизнью семей и возникающих даже при самом благоприятном семейном климате.

Как уже отмечалось, функционирование семьи как института современного общества тесно связано с успешностью ее функционирования как малой группы. Одно из существенных различий семей разного типа состоит в следующем. Традиционная семья при условии соблюдения общесоциальных норм могла справляться со своими функциями почти независимо от характера внутрисемейного взаимодействия и отношений, в современной же семье решающее значение имеют психологические особенности ее внутренней организации. В то же время современная семья больше зависит и от внешних факторов, которые могут деформировать важнейшие элементы психологической

солидарности: кооперацию, интимность, теплоту эмоциональных связей. Перечислим важнейшие из этих факторов:

материально-бытовые перегрузки, повышающие требования к внутрисемейной кооперации;

жилищный дефицит, в результате которого искусственно сокращается дистанция между членами семьи, увеличивается нагрузка на автономию;

труднодоступность и малое разнообразие различных форм рекреации, снижающие психотерапевтические возможности семьи;

низкое качество других социализирующих институтов (детские сады, школы и т.д.), от чего страдают все элементы психологической солидарности;

низкое качество здравоохранения, полового просвещения, недостаточная обеспеченность контрацептивами и медикаментами, что обуславливает нарушение интимных связей.

Концентрация действия этих и подобных факторов может приводить к переходу семьей определенного "порога стрессоустойчивости". Еще Дюркгеймом было отмечено возрастание не только самоубийств, но и насилия в условиях социальной аномии. Во всех исследованиях насилия в семье продемонстрировано, что наиболее типичный "носитель насилия" — человек, которому слишком много пришлось бороться с трудностями. А в целом ряде исследований показано, что одним из главных факторов плохого обращения с детьми является стресс, вызванный низким экономическим уровнем семьи [2]. При этом наиболее уязвимым оказывается, по-видимому, переходный тип семей — наиболее массовый — в силу его меньшей детерминированности целостной системой ценностей, а потому и большей зависимости от внешних обстоятельств и конкретной ситуации.

В то же время, подобно тому, как болезни, вызванные внешними факторами, легче лечить, чем те, которые обусловлены внутренними причинами, так и психологические дисфункции, обусловленные внешними обстоятельствами, поддаются определенной корректровке за счет изменения этих обстоятельств, либо адаптации к ним в большей мере, чем те, которые вызваны разбалансированностью системы ценностей. С этим связаны конкретные меры, которые могут осуществляться в рамках семейной политики и которые отчасти уже упоминались ранее в несколько иной связи.

1. Первое место, пожалуй, следует отвести уже обсуждавшемуся вопросу о мерах, позволяющих женщине оптимально сочетать семейные и профессиональные роли. Он находится в центре дискуссий по семейной политике в разных странах и, по мнению многих исследователей, приобретает особую остроту в связи с появлением "второй модели женской эмансипации". В отличие от "первой модели", акцент делается не столько на вовлечении женщин в профессиональную и общественную жизнь, борьбе за равные с мужчинами права, сколько на достижении оптимального баланса между "традиционно женским"

(семьей) и "традиционно мужским" (работой). Опросы, проведенные в нашей стране и за рубежом, показали, что большинство женщин не готовы полностью отказаться от работы даже при наличии высоких заработков мужа.

В подавляющем большинстве развитых стран господствует "трех-фазовая модель" жизненного пути женщины: работа — семейная фаза, связанная с появлением ребенка — работа [74; 82]. Этот цикл различается в зависимости от числа детей в семье, но общая тенденция сохраняется: с распространением ценностей самореализации и экономической независимости женщине все труднее становится "осуществлять себя" в рамках семьи. Поэтому не вполне обоснованы надежды на то, что продление отпуска по уходу за детьми, увеличение его оплаты и подобные меры могут снизить потребность в дошкольных учреждениях или "вернуть женщину в семью". Связь между обеспеченностью детскими учреждениями и количеством работающих женщин неоднозначна, во многом зависит от особенностей культуры и традиций разных стран. Например, по данным европейских исследований, в Голландии и Англии работают только 4-8% матерей с детьми до 5 лет полное время и 17-21% частично; во Франции и Дании, напротив, эти цифры составляют 38-45% и 12-28% соответственно [78].

Следует выделить еще одну сторону вопроса о детских дошкольных учреждениях: они дают возможность женщине не только работать, способствуя таким образом распространению "первой модели женской эмансипации", но и являются важным звеном в системе мер семейной политики "четвертого типа" (см. выше), как раз и соответствующей изменившейся модели женской эмансипации. Современные детские учреждения высокого качества, с квалифицированным персоналом служат целям индивидуального развития как самой матери (предоставляя ей свободное время), так и ребенка (расширяя круг его общения и возможности образования).

Задача создания детских учреждений высокого качества требует реорганизации всей их системы в целях предоставления родителям возможности выбора не только конкретного учреждения, но и желаемого типа ухода за ребенком. Предложение возможностей ухода за детьми дошкольного возраста и их воспитания должно стать намного более разнообразным, чем сейчас, и включать в себя:

детские учреждения, альтернативные по типу собственности: муниципальные, кооперативные (на паюх родителей и воспитателей), церковные, частных организаций и частных лиц; детские учреждения, альтернативные по продолжительности пребывания в них детей, т.е. рассчитанные на свободное посещение в зависимости от потребностей родителей (несколько часов или дней в неделю) с пропорциональной оплатой. В развитых странах доля таких детских садов составляет более половины;

службу единовременного вызова няни на дом (baby-sitting);
другие формы ухода и присмотра за детьми и их воспитания.

Необходима государственная поддержка, в частности, предоставление догадий детским учреждениям, обеспечивающим гибкие формы функционирования независимо от формы собственности.

При частичном сохранении системы государственных догадий для всех видов детских учреждений основная сумма на содержание детей в них должна выплачиваться непосредственно семье, которая распоряжается ими в интересах ребенка по своему усмотрению, оплачивая пребывание ребенка в детском саду или воспитывая его дома. В последнем случае эта сумма является компенсацией за неиспользованные вычеты на социальное обеспечение.

В условиях крайней неоднородности регионов нашей страны одна и та же форма (скажем, детские сады), может иметь разное функциональное содержание, с одной стороны, расширяя социализирующие возможности семьи, с другой — компенсируя явные недостатки ухода, питания, заботы о здоровье и воспитании ребенка в семьях с низким экономическим и социально-культурным статусом.

2. Далее следует остановиться на мероприятиях, направленных на восполнение дефицита семейного общения, структурирование семейного досуга и личностный рост членов семьи с помощью разного рода семейных клубов, соседских объединений и т.п. форм.

В частности, важную роль в преодолении стресса, когорый, по данным исследований, вызывается у матерей с маленькими детьми длительным отрывом от общественной и профессиональной жизни, могут сыграть уже завоевавшие признание в других странах "материнские центры". Эти центры, по мнению специалистов по семейной политике в ФРГ, являются одним из принципиально новых и перспективных направлений, соответствующих "новой социальной идеологии". Сейчас в ФРГ насчитывается 160 таких центров. Они объединяют работающих (полностью или частично), а также временно или постоянно неработающих матерей. Центры представляют собой по форме своей организации материнские кооперативы по месту жительства. "Услуги в центрах, включающие занятия с детьми, библиотеку, кафе, различные формы бытового обслуживания, — платные. Эти деньги образуют мост через пропасть, разделяющую семейную жизнь и общественную, профессиональную деятельность в современном обществе. В материнских центрах матери сами являются экспертами. Все услуги организуются и развиваются ими самими. Профессионалы привлекаются со стороны для ведения семинаров и оценки опыта центра" [63; 71]. В фокусе внимания в центре не столько дети, сколько сами матери, которые получают здесь поддержку своих стремлений к самообразованию, профессиональному совершенствованию, общественной деятельности. "Здесь встречаются женщины из разных социальных групп и слоев, они учатся здесь понимать людей, живущих и думающих по-разному, имеющих различные жизненные стили и разные взгляды на воспитание детей. Здесь развивается культура приватности и общественной терпимости" [7, с.3].

Опыт "материнских центров" и других подобных форм соседского общения требует внимательного изучения и адаптации к нашим условиям. При бытовой неустроенности наших женщин и трудностях, с которыми сталкивается, с одной стороны, работающая мать, действительно "разрывающаяся" между домом и работой, а с другой стороны, неработающая мать, оторванная от всякой культурной и общественной жизни, определенным образом организованные и институционализированные соседские контакты и основанные на них формы взаимодействия могут оказаться очень важными. Впрочем, здесь может оказаться полезным не только новейший зарубежный опыт, но и опыт традиционных форм соседского общения (например, среднеазиатской махали).

Одновременно необходимо развивать все формы обслуживания, которые способствуют проведению семейного досуга. По данным многих социологических исследований, существует прямая связь между удовлетворенностью браком и совместным проведением свободного времени. Нужно как можно больше возможностей для семейного досуга: специальные залы в театрах и кинотеатрах, где дети могли бы играть или смотреть фильмы во время сеанса или спектакля, приспособление кафе и ресторанов к потребностям семей, поощрение продажи семейных путевок и снятие всяких ограничений для проживания детей вместе с родителями в домах отдыха и пансионатах и т.п.

3. Компенсаторная функция семейной политики выражается в мерах по коррекции семейных отношений, помощи семье по преодолению кризисных состояний, помощи членам семьи в стрессовых ситуациях. У нас сейчас формируется сеть психологических консультаций, хотя спрос на них значительно опережает предложение. Так, по данным опроса супружеских пар в г.Волгодонске, кабинет медико-психологической помощи не удовлетворял спрос, по меньшей мере, 40% молодых супружеских пар [19, с.128]. В большинстве же городов вообще отсутствуют какие бы то ни было формы квалифицированной психологической помощи. Остро необходимо не просто увеличение численности, но и расширение профиля психологических консультаций, решение проблем подготовки квалифицированных специалистов-психологов и социальных работников [19, с.120].

Если обратиться к зарубежному опыту, то прежде всего обращает на себя внимание огромное разнообразие существующих видов консультативной и психотерапевтической помощи, как бы пытающейся предупредить все возможные виды нарушений социально-психологической функции в семье. Например, список агентств, оказывающих помощь английским подросткам, включает в себя следующие тематические подразделения: анорексия (расстройство питания), контрацепция (тесты беременности, советы и помощь по производству аборта), смерть (совет и помощь всякому в связи с потерей близкого человека), депрессия, одиночество, самоубийство, советы гомосексуалистам (помогает, в частности, обсудить эту проблему с

родителями), общие семейные проблемы (ими занимаются пять общенациональных агентств), помощь убежавшим из дома (в том числе, обеспечение их жильем), проблемы семьи с одним родителем, права ребенка и общие юридические вопросы, сексуальная агрессия, проблемы насилия в семье ("горячая линия", работающая круглосуточно) [83].

Мы привели этот список не столько для того, чтобы продемонстрировать степень обеспеченности психологической помощью в Англии, но, главным образом, чтобы показать на этом примере, сколь многочисленны внутренние причины, приводящие к психологической дисфункции семьи. Нерешенность ее социально-экономических проблем не должна хотя бы на время ослабить внимание к этим глубоко скрытым проблемам, без решения которых невозможна полноценная человеческая жизнь. Наряду с общесоциальными мероприятиями, направленными на повышение качества жизни, нужны и специализированные меры, учитывающие специфику функционирования как "старой", так и "новой" семьи, нужны службы и учреждения ее психологической и моральной поддержки. Такие меры, будучи отнюдь не главными, могут тем не менее дать заметный эффект. К их числу относятся:

создание продуманной и всеохватывающей системы полового воспитания молодежи и и подготовки ее к семейной жизни;

развитие службы знакомств, брачных контор, разного рода клубов, облегчающих контакты между потенциальными брачными партнерами в тех случаях, когда естественные контакты, по тем или иным причинам, оказываются нарушенными;

развитие служб психологического и сексологического консультирования;

а) платного — для семей с конфликтными ситуациями;

б) бесплатного — для детей и подростков, обратившихся по собственной инициативе;

в) бесплатного обязательного — для беременных, наряду с медицинским наблюдением;

создание анонимных бесплатных (или очень дешевых) "контрацептивных кабинетов" для подростков и молодежи, где обратившийся мог бы получить не только сексологическую, но и психологическую помощь.

Следовало бы серьезно продумать возможности создания и варианты организации службы *социального патронирования* неблагополучных семей, которая заменила бы беспомощные сейчас инспекции по охране детства.

Еще раз подчеркнем, что как задачи, так и меры политики, направленной на оптимизацию социально-психологических и социально-культурных функций семьи, должны самым тщательным образом учитывать национальную, культурную и религиозную специфику населения и корректироваться в соответствии с этой спецификой.

НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ

Для того чтобы семейная политика стала реальностью и принесла ощутимые результаты, недостаточно наметить определенные меры и даже приступить к их осуществлению. Такая политика может быть успешной, если она будет воспринята как нечто целостное, привлечет внимание общества и окажется под его контролем. А это возможно лишь при наличии постоянной и доступной информации обо всем, что касается проведения семейной политики. Поэтому одновременно с разработкой стратегии и тактики семейной политики, ее конкретных целей и мероприятий, необходимо задуматься и над системой статистических показателей, с помощью которых эти мероприятия и их результаты будут описываться.

Конечно, отделить меры собственно семейной политики от других мер социальной политики нелегко, и часто такое отделение может быть в значительной мере условным. Но с этой условностью приходится мириться, потому что в противном случае пришлось бы вообще отказаться от попыток изучать целенаправленные воздействия общества на семью и условия ее жизнедеятельности.

В самом общем виде можно сказать, что статистическое изучение семейной политики сводится, с одной стороны, к изучению *мер* этой политики, к тому, чтобы дать им какое-то по возможности единообразное количественное выражение, с другой же стороны, — к тому, чтобы оценить и замерить *реакции* на эти меры со стороны семьи.

Важно, чтобы система статистических показателей была более или менее универсальной и позволяла сравнивать изучаемые характеристики семейной политики в разных странах и в разные периоды. Конечно, конкретные инструменты такой политики могут существенно различаться, но если говорить об основных ее направлениях, то при всех возможных различиях имеется и много общего, что делает возможной выработку более или менее унифицированной методологии измерения, построение сопоставимых показателей и т.п. Назовем эти основные направления, которые должны получить отражение в статистической информации.

Политика, влияющая на выполнение семьей ее производственной функции, на возможности трудоспособных членов семьи участвовать в производительной деятельности общества, и сочетать такое участие с выполнением своих семейных функций. Индикаторы, которые могут быть использованы для оценки этих возможностей и их использова-

сами по себе, как правило, не имеют какой-то особой "семейной" специфики, но приобретают ее, если детализируются по полу, возрасту, семейному состоянию, числу детей и т.д.

Например, очень важно знать, как складывается рынок женского труда, какие возможности он предоставляет женщине вообще, но также женщине-матери с одним или несколькими детьми, с учетом возраста детей и т.п. Будучи один раз поставленными, эти вопросы постепенно углубляются и перерастают в более общие вопросы экономической активности людей в зависимости от их семейного состояния и этапов цикла семейной жизни. Изучение этих вопросов, сопоставление способов их решения в разных странах предполагает использование системы статистических показателей, дифференцированных по полу, возрасту, семейному состоянию, в некоторых случаях — по продолжительности брака, составу и размеру семьи, числу и возрасту детей. Такие показатели должны характеризовать:

уровень занятости;

соотношение занятости в семейном и внесемейном секторах экономики;

уровень безработицы;

уровень частичной занятости, использование неполного рабочего дня и неполной рабочей недели, фактическую продолжительность рабочей недели;

сравнительную профессиональную подготовленность мужчин и женщин;

доступность одних и тех же рабочих мест для мужчин и женщин;

соотношение оплаты труда мужчин и женщин;

использование детского труда;

число добровольно работающих на льготных условиях (при меньшем вознаграждении);

число добровольно работающих сверхурочно, по совместительству и т.п. (при большем вознаграждении).

Политика в области доходов и благосостояния семей. Благосостояние большинства семей и уровень их потребления чувствительны не только к величине получаемых трудовых доходов, но и к составу и размеру самих семей, а также к величине доходов, непосредственно не связанных с трудовой деятельностью (пенсии, пособия, стипендии и пр.). При проведении семейной политики могут получить выражение различные подходы к воздействию на благосостояние семей, однако с точки зрения статистического анализа и возможности статистических сопоставлений, важны в первую очередь, реальные поддающиеся изменению результаты. В этом смысле важно иметь систему показателей, дифференцированных по видам семей, в зависимости от их состава и размера, а также в зависимости от этапа жизненного цикла семьи и характеризующих:

величину совокупного дохода семьи и душевого дохода на одного ее члена;

соотношение трудовых и прочих доходов семьи и составляющие их компоненты (без специфических "семейных" пособий и других видов помощи в рамках собственно семейной политики);

распределение семей каждого типа по величине совокупного и душевого дохода;

прожиточный минимум семей разного состава и размера; долю семей, живущих ниже порога бедности.

Кроме того, надо знать, какие категории семей рассматриваются как нуждающиеся в тех или иных видах экономической помощи в рамках собственно семейной политики, какие ресурсы на это выделяются и как они расходуются.

Один из наиболее распространенных видов экономической помощи семьям — прямые выплаты, увеличивающие денежный доход семьи. Поскольку они поддаются прямому учету, было бы полезно регулярно оценивать:

долю валового национального продукта или национального дохода, расходующую на непосредственную помощь семьям через финансовую систему;

структуру этой помощи по видам (пособия по беременности и родам, в связи с рождением ребенка, в связи с болезнью ребенка, ежемесячные пособия на детей, пособия одиноким матерям, налоговые льготы, льготные цены на детские товары, кредиты и ссуды на льготных условиях и пр.).

величину предоставляемых семьям пособий и льгот в пригодном для международных сопоставлений виде (например, по отношению к средней зарплате);

число (долю) семей, получающих те или иные пособия.

Предоставление бесплатных, оплачиваемых на льготных условиях или полноплатных услуг учреждений здравоохранения, просвещения, бытового обслуживания и некоторых других, облегчающих семье выполнение ряда ее неотъемлемых функций, которые возникают на определенных этапах жизненного цикла семьи, также может рассматриваться как одно из основных направлений семейной политики, хотя оно отнюдь не сводится к ней. Во многих случаях мы имеем дело с другими направлениями социальной политики. Скажем, едва ли можно считать элементом семейной политики обязательное бесплатное среднее образование — здесь речь идет о функции, которую в современных условиях массовая семья в принципе не могла бы выполнить, но без выполнения которой современное общество не могло бы существовать. Однако такие услуги, как родовспоможение, патронирование новорожденных, воспитание детей в дошкольных учреждениях, помощь в уходе за больным или престарелыми, многие бытовые услуги и т.п., могут выполняться членами семьи. Развитие же специальных вспомогательных учреждений и служб вытекает из оправданного разделения труда между семьей и обществом, повышающего его эффективность и позволяющего людям полноценно сочетать

выполнение своих семейных и внесемейных ролей. Поэтому развитие подобных услуг становится важным направлением семейной политики, а статистические показатели этого развития должны рассматриваться как часть всей системы характеризующих ее показателей. В их число входят:

показатели развития сетей медицинских или воспитательных учреждений и численности их персонала в расчете на единицу соответствующего контингента (например, на тысячу новорожденных, детей определенного возраста, престарелых и т.п.);

показатели удельных затрат, обеспечивающих работу таких учреждений (например, затрат на оборудование одной койки в больнице, на ежедневное содержание одного больного или одного ребенка в детском учреждении и т.д.);

показатели, характеризующие профессионально-квалификационный состав кадров соответствующих учреждений;

показатели фактического охвата семей услугами, облегчающими повседневную жизнь и расширяющими возможности сочетания семейных и внесемейных ролей;

показатели, характеризующие обращаемость семей различных типов к услугам соответствующих учреждений;

показатели удовлетворенности населения их работой;

показатели бюджета времени семьи.

Развитие служб и практики планирования семьи. Семейная политика может по-разному влиять на осведомленность людей о методах регулирования деторождения, доступность этих методов и т.д. В конечном счете все это находит свое выражение в ряде количественных показателей, по которым и можно судить как о направленности политики, так и о ее эффективности. К их числу относятся:

число искусственных аборт, дифференцированное по возрасту и брачному состоянию женщины, а также по числу уже рожденных детей (в расчете на 100 женщин соответствующей группы или на 100 родившихся у них детей);

структура контрацепции по видам используемых методов и средств предупреждения беременности, также дифференцировано по возрасту, брачному состоянию женщин и числу уже рожденных ими детей;

показатели надежности и безвредности различных противозачаточных средств;

показатели доступности различных методов и средств предупреждения беременности (цены, наличие в свободной продаже или в соответствующих медицинских учреждениях, степень удовлетворенности спроса, условия доступа к ним для разных категорий потребителей — состоящих и не состоящих в браке мужчин и женщин, подростков и т.д.).

Задача выявления и измерения *реакции* семей на меры семейно-политики не менее, а может быть даже более сложна, чем задача изучения мер и условий, вызывающих эту реакцию. Здесь также требуется

решение целого комплекса вопросов, связанных с поиском адекватных индикаторов. Но главная трудность заключается в установлении того, действительно ли те или иные изменения в поведении семей представляют собой реакции на те или иные меры политики.

Что касается собственно индикаторов, то здесь могут быть использованы хорошо известные показатели демографической статистики, с помощью которых изучается процесс образования, развития и распада семей. К ним относятся показатели, характеризующие:

Формирование брачных пар. Есть несколько основных индикаторов, характеризующих этот процесс. Важнейшие из них:

средний возраст вступления в первый брак мужчин и женщин;

доля мужчин и женщин, не вступивших в первый брак к определенному возрасту (например, к 20 или 25 годам);

доля мужчин и женщин, никогда (или до достижения какого-либо фиксированного возраста, например, 50 лет) не вступивших в первый брак;

доля мужчин и женщин, вступивших в повторный брак (из числа тех, чей первый брак прекратился). Полезно также знать распределение этих лиц по возрасту, причине распада предыдущего брака и числу детей от предыдущих браков.

Прекращение браков вследствие развода или овдовения. Наиболее важными количественными характеристиками этого процесса служат:

интенсивность прекращения браков от каждой из указанных причин в зависимости от продолжительности брака;

доля браков, распадающихся от названных причин по истечении той или иной продолжительности брака (например, 5 или 10 лет);

средняя продолжительность жизни в браке для каждой брачной когорты (если возможно, раздельно для первого и повторных браков);

распределение разводящихся по числу и возрасту имеющих детей.

В дополнение к этим чисто статистическим характеристикам полезно также иметь оценки распределения разводов (в сочетании с возрастом, продолжительностью брака, числом детей и т.п.):

по субъективно оцениваемым мотивам развода (может быть, следует выработать стандартный перечень таких мотивов, который может затем адаптироваться к местным условиям);

по субъектам, инициирующим развод (муж или жена).

Изучение формирования и прекращения браков в настоящее время затрудняется тем, что во многих странах, в том числе и в СССР, нарастает распространенность "свободных", незарегистрированных союзов, сведения о которых нельзя получить традиционными для демографической статистики методами, основанными на использовании актов регистрации гражданского состояния. Поэтому возникает проблема использования нетрадиционных методов, в частности специальных вопросов при проведении переписей населения или выборочных демографических обследований, позволяющих получать

данные о существующих незарегистрированных браках и дате их возникновения на основе самоопределения опрашиваемых. Косвенную информацию о незарегистрированных браках можно получить при регистрации детей, рожденных вне зарегистрированного брака. В советской статистике среди всех родившихся выделяется категория детей, зарегистрированных по совместному заявлению родителей, не состоящих в зарегистрированном браке.

Рождение детей. Если в качестве одной из задач семейной политики рассматривается воздействие на прокреативное поведение супругов, то важно знать, как меняются под воздействием такой политики:

среднее число рожденных детей в расчете на одну женщину или на один брак в каждом поколении женщин или в брачной когорте;

распределение женщин или браков по числу рожденных детей;

доля детей, рожденных вне зарегистрированного брака;

"календарь" рождений — средний возраст начала и окончания деторождения, средняя длина протогенетических и интергенетических интервалов;

степень управляемости прокреации, доля нежеланных детей, методы планирования семьи (об этом говорилось выше).

Изменения состава и размера семей и домохозяйств, не связанные с брачностью и рождаемостью, процессы их разделения и слияния на разных этапах жизненного цикла семьи. Эти процессы обусловлены исторической эволюцией семьи, но в них есть и компонент, зависящий от той или иной направленности социальной политики и ее "семейной" составляющей. Скажем, ускорение или замедление нуклеаризации семей, более позднее или более раннее отделение детей от родителей, совместное или раздельное проживание престарелых людей со своими детьми во многом зависит от ориентаций жилищной политики, способов наследований жилья, систем пенсионного обеспечения и пр. Для того чтобы можно было судить о влиянии семейной политики на эти процессы, нужны ряды характеризующих их показателей:

общее число семей и домохозяйств, включая домохозяйства, состоящие из одного человека;

распределение семей и домохозяйств по числу членов;

распределение семей (домохозяйств) по типам, для чего нужна стандартная типология, строящаяся в зависимости от состава семьи (домохозяйства), числа образующих их поколений, степени родства;

распределение домохозяйств, состоящих из одного человека, по полу и возрасту;

доля лиц, не имеющих собственных домохозяйств (живущих в общежитиях и т.п.).

Большинство приведенных выше показателей, отражающих процессы формирования и прекращения браков, рождение детей, изменения состава и размера семей и домохозяйств, дают фундаментальные характеристики этих процессов, которые далеко не всегда могут быть оперативно получены методами текущего наблюдения. С помощью

таких показателей можно оценить реакцию матримониального, прокреативного или миграционного поведения людей на изменение (в том числе и под влиянием специальной политики) условий их семейного существования только по прошествии времени, иногда довольно значительного. Те же показатели, которые могут быть оценены немедленно, например, годовые коэффициенты рождаемости, брачности или разводимости либо производные от них, хотя и несут информацию о непосредственной реакции на вводимые меры, не дают оснований для того, чтобы судить об их конечных результатах.

Имеется множество примеров того, как меры, призванные повлиять на рождаемость, действительно оказывали такое влияние в том смысле, что они несколько изменяли "календарь" рождения детей у тех или иных поколений женщин. Это фиксировалось как повышение текущих показателей, например коэффициентов рождаемости, на протяжении одного или нескольких лет. Но конечное число детей, рождающихся у этих поколений (фундаментальная характеристика процесса), при этом могло и не увеличиваться, могло даже снижаться, так что использование текущих показателей (характеристик фиктивных поколений) лишь вводило в заблуждение.

Поэтому одна из главных задач количественного изучения последствий мер семейной политики заключается в том, чтобы научиться разделять конъюнктурный и фундаментальный результаты этих мер и предсказывать далеко идущие последствия на основе анализа текущих показателей.

В то же время не следует недооценивать значение ретроспективных исследований эффекта мер семейной политики, которые проводятся много времени спустя после введения этих мер, когда уже имеются достоверные когортные оценки. Серьезные обобщения, касающиеся возможностей семейной политики, полезности и эффективности ее различных мер, возможны только на основе таких исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Семья — основная форма человеческого общежития, один из краеугольных камней общества. Нельзя всерьез проводить социальную политику, направленную на изменение, совершенствование качественного состояния общества, не имея при этом целостной политики в отношении семьи. Какие бы решения ни принимались в экономической, социальной, культурной, военной или других областях, они обязательно должны учитывать глубинные интересы семьи. Без этого все общественные процессы будут однобокими, деформированными, а их последствия — непредсказуемыми. Отсюда — необходимость разработки и проведения семейной политики — достаточно самостоятельной и в то же время рассматриваемой как неотъемлемая часть всей широко понимаемой социальной политики.

Между тем, хотя отдельные элементы семейной политики у нас существовали всегда, они никогда не осознавались как нечто единое, целостное. Данное исследование — первая, по-видимому, еще несовершенная попытка переосмыслить подходы к семейной политике и выработать ее общую концепцию. Если попытаться кратко обобщить полученные результаты, то они сводятся к следующему.

В СССР уже на протяжении длительного времени идет процесс смены *исторического типа семьи*. Бывшая некогда преобладающей патриархальная, сельская, крестьянская, сложная по составу, много-рождающая семья все более уступает место семье городской, малой, нуклеарной, эгалитарной. Кардинально меняются образ жизни семей, их потребности, характер их взаимодействия с внешним миром, тип внутрисемейных отношений, положение в семье отдельных ее членов, семейная мораль и т.д.

В силу известных исторических и культурных различий переход к новому типу семьи у разных групп населения СССР, у разных его народов начался неодновременно, и сейчас они находятся на разных его этапах, что предопределяет многообразие реально существующих в стране моделей семьи. Другое основание этого многообразия — плюрализм семейных моделей, в которых может реализоваться новый тип семьи у тех групп населения, у которых переход к нему в основном произошел.

В основе всех переживаемых семьями перемен лежит изменение ее основополагающих функций — экономических, демографических, социально-психологических и социально-культурных, а также соотношения между ними. Меняются все условия функционирования семьи, ее взаимодействия с другими общественными институтами. Отсюда ее главные проблемы, а значит и главные направления и задачи семей-

ной политики. Эта политика, стало быть, не может ограничиваться относительно узким кругом вопросов помощи семье, в основном патерналистской, имеющей смысл социальной благотворительности, и к тому же недостаточной по своим масштабам, как это было до сих пор. Она должна включить в сферу своего влияния даже такие, казалось бы, далекие от семьи и обычно решаемые без оглядки на нее вопросы, как организационная и отраслевая структура народного хозяйства, отношения собственности, распределительная политика и политика занятости, культурная политика, национальные отношения и многое другое.

В монографии намечены некоторые основные направления такого воздействия с целью оптимизации условий участия семьи в производственной деятельности общества, организации семейного потребления, выполнения семьей ее демографических, социально-психологических, социализирующих функций. Авторы полагают, что эти наброски уже сейчас могут быть использованы при выработке и обосновании конкретных мер семейной политики на ближайшее время.

В то же время работа над монографией показала, что в наших знаниях о реальных процессах жизнедеятельности советской семьи, особенно с учетом существующего в СССР огромного социально-культурного и национально-культурного разнообразия, имеются большие пробелы. Нет достаточной информации об уровне жизни и образе жизни семей, принадлежащих к различным социальным и этническим группам и находящихся на разных стадиях перехода к новому типу семьи. Слабо изучены экономические и неэкономические интересы и запросы семей на разных этапах их жизненного цикла, в ряде случаев пока не удается подняться выше простой констатации очевидных трудностей, с которыми сталкивается большинство семей, и понять глубинные основания сбоев в их функционировании. Дальнейшая работа над концепцией семейной политики требует реализации специальной научной программы. Она нужна, чтобы обобщить весь уже накопленный к настоящему времени как отечественными, так и зарубежными исследователями материал, касающийся функционирования семьи в современных условиях, а также получить новую информацию, необходимую для формулирования более глубоких и в то же время более конкретных предложений по проведению семейной политики в СССР. Представляется, что настоящая монография дает основу для разработки такой программы.

Дело, однако, не только в недостаточной изученности фактической стороны реальных процессов. Не меньшее, а может быть даже и большее значение имеют неразработанность принципиальных идей, касающихся взаимодействия семьи и общества, меры разумного вмешательства последнего в жизнь семьи, соотношения сегодняшних, порой вынужденных мер семейной политики и ее "идеала", к которому следует стремиться в стратегической перспективе. Наука может и дол-

жна внести свой вклад в разработку таких идей, но здесь большая роль принадлежит также широкому общественному мнению, общественным движениям, включающим вопрос о семье и семейной политике в свою общую политическую программу и делающим его тем самым предметом всеобщего обсуждения. Лишь в ходе такого обсуждения, а в какой-то мере и опробования на практике самых разных идейных подходов — от популистских требований неограниченного расширения государственной помощи семье до элитарного неприятия всякого государственного влияния на семейные дела — может сформироваться не только научно, но и политически обоснованная концепция семейной политики. Возможно, настоящая монография дает некоторый исходный материал и для начала подобного обсуждения. Во всяком случае, авторы считали бы весьма полезным ознакомление с ним как научных, так и практических работников, занимающихся проблемами семьи, и надеются, что их критика будет способствовать успеху дальнейших исследований проблем семейной политики.

Литература

1. *Астринский Д.А.* Вопросы статистики потребления. М., 1966.
2. *Белова В.А., Бондарская Г.А., Дарский Л.Е.* Современные проблемы и перспективы рождаемости // Методология демографического прогноза. М., 1988.
3. *Васильева Э.К.* Семья и ее функции. М., 1975.
4. *Вишневский А.Г., Щербов С.Я., Аничкин А.Б. и др.* Новейшие тенденции рождаемости в СССР // Социол. исслед. 1988. №6.
5. *Вишневский А.Г., Толья М.С.* Эволюция брачности и рождаемости в советский период // Население СССР за 70 лет. М., 1988.
6. *Вишневский А.Г.* Социальная защита или государственное благоденствие? // Коммунист. 1990. №14. С. 14-24.
7. В коллегии Минздрава // Медгаз. 1990. 12 авг. С.71.
8. *Волков А.Г.* Семья — объект демографии. М., 1986.
9. Воспроизводство населения СССР. М., 1983.
10. Всемирная конференция "Религия и мир": Ассамблея 21-27 мая 1989 г. в г. Мельбурне // Журн. Моск. патриархии. 1989. №7. С. 43-49.
11. Всесоюзная перепись населения 1989 г.: Число семей и группировка их по размеру по союзным республикам // Вест. статистики. 1990. №6 С.78-79.
12. *Гайдар Е.* О благих намерениях // Правда. 1990. 25 июля. С.2.
13. *Голод С.И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л., 1984.
14. *Готлобер В.М., Горелко А.И.* Налоги в условиях интенсификации общественного производства // Финансы СССР. 1988. №12.
15. Демографическая политика в современном мире. М., 1989.
16. Демографический ежегодник СССР. 1990. М., 1991.
17. Демографическое развитие Украинской ССР. Киев, 1977.
18. Занятость и безработица в странах развитого капитализма. М., 1982.
19. *Заикина Г.А.* Основные направления и методы регулирования брачно-семейных отношений: Диссертация канд. филос. наук. М., 1988. С.120
20. *Ивченко Л.* Страховая медицина: что даст она народу? // Известия. 1990. 9 сент. С.4.
21. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР: (Сводный том). М., 1962.
22. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т.7. М., 1974.
23. *Каплун С.* Женский труд и охрана его в Советской России. М., 1921.
24. *Комаров В.Е., Чернявский У.Г.* Доходы и потребление населения СССР. М., 1973.
25. Концепция семейной политики: Проект, подготовленный Науч.-исслед. ин-том социального развития и труда / Отв. ред. И.Алан. Прага, 1989. (Рукопись).
26. *Лангмейер И., Матейчик З.* Психическая депривация в детском возрасте. Прага, 1984.
27. *Маршева В., Исаяв А., Штейнвах Е.* Женский труд в промышленности. М., 1933.
28. *Мацковский М.С.* Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. М., 1989.
29. *Мид М.* Культура и мир детства. М., 1988.
30. Население СССР: Стат. сб. М., 1988.
31. Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юб. стат. ежегодник. М., 1987.
32. Народное хозяйство СССР в 1988 г. М., 1989.
33. Народное хозяйство РСФСР в 1988 г. М., 1989.
34. Ночной труд. Докл. 4. 77 сессия МБТ. Женева, 1990.
35. *Пресса Р.* Народонаселение и его изучение. М., 1966.
36. *Райцин В.Я.* Математические методы и модели планирования уровня жизни. М., 1970.
37. Руководство по изучению питания и здоровья населения. М., 1964.

38. Рутгайзер В.М., Саенко О.П., Петров Т.Б., Малов А.Л. Вопросы методологии и практики разработки эталонов потребления населения // Стат. методы в исследованиях труда, доходов и потребления: Учен. зап. по статистике. М., 1981. Т. 42.
39. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе. М., 1985.
40. Сенчагов В.К. Монолог про налог // Правительство. вестн. 1989. N 22.
41. Совершенствование занятости женщин в промышленности РСФСР: Науч. отчет ЦНИЛТР. М., 1984.
42. Совершенствование организационных (нестандартных) форм занятости населения: Науч. отчет ЦНИЛТР. М., 1988.
43. Сови А. Общая теория населения. М., 1977. Т.1,2.
44. Социальное развитие и уровень жизни населения СССР: Стат. сб. М., 1989.
45. Статистический пресс-бюллетень. Госкомстат СССР, 1990. №13.
46. Сысенко В.А. Устойчивость брака. Проблемы, факторы, условия. М., 1981.
47. Труд в СССР: Стат. сб. М., 1988.
48. Худякова Т. Женщина в политике и бизнесе // Известия. 1990. 16 июля.
49. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство // Чаянов А.В. Избранные труды. М., 1989.
50. Численность и состав населения СССР: По данным Всесоюз. переписи населения 1979 г. М., 1984.
51. Швырков В.В. Закономерности потребления промышленных и продовольственных товаров. М., 1965.
52. Шпэт Х. Старое слово "ремесло" // Известия. 1990. 17 июля.
52. Щербаков В.И. Меры социальной защиты в условиях рынка // Известия. 1990. 8 авг.
53. Энгель Э. Ценность человека. М., 1988.
54. Adorno T. a.o. Authoritarian personality. L.; Wash., 1950.
55. Albrecht S.D. e.a. Divorce and remarriage: Problems, adaptations and adjustment. Connecticut, 1983.
57. Annuaire statistique de la France, 1988.
58. Behind closed door. L., 1985.
59. Bloch L., Claude M. Une approche du cout de l'enfant // Economie et Statistique. 1983. №155.
60. Caesar B. Autoritat und Familie. Peinbeck. 1972.
61. The cost of social security: Twelfth international inquiry, 1981-1983. Geneva, 1988.
62. Dix-septieme rapport sur la situation demographique de la France // Population. 1988. №4-5.
63. Ein Getto fur Mutter? // DJI Bulletin. 1989. №11.
64. Ekert O. Consommation et cycle de vie des menages // Population. 1980. №3.
65. Espenshade T. Investing in children: New estimates of parental expenditures. Wash. (D.C.), 1984.
66. Global population policy data base 1989: NY, 1990. Population policy paper №28. UN.
67. Hecht J. La politique familiale francaise // Natalite et famille: Dialogue sovieto-francais. M. 1989.
68. Hulkko J. Parental responsibilities. Manuscript.
69. Hulkko J. Family policy in Western Europe // Yearbook of population research in Finland. Helsinki, 1990. Vol. 28.
70. Joshi H. The changing form of women's economic dependency // The changing population of Britain. Blakwell. 1989.
71. Jaeckel M. Family policy and neighbourhood: Support system in the FRG // The mothers and neighbourhood centres. Munchen. 1990.
72. Yearbook of labour statistik. Geneva, 1988.
73. Van de Kaa D.J. Europe's second demographic transition // Population Bulletin. 1987. Vol.42, №1.
74. Kind? Beruf? Oder Beides? Bericht. Munchen, 1988.
75. Labour market policy for the 1990s: OESD Publ. 1990.

76. Lane D. Soviet economy and society. Oxford, 1985.
77. Maslow A.H., Abraham H. Toward a psychology of being. 2nd ed. NY., 1968.
78. Moss P. Childcare and equality of opportunity: Consolidated report to the European commission. Brussel, 1989.
79. The politics and programs of family policy. Ed. J. Aldous, F.Dumon. Notre Dame (Ind.), 1980.
80. Presvelou C. Sociologie de la consommation familiale. Bruxelles, 1968.
81. Problematika soucasne rodiny: Vyzkumny ustav socialniho rozvoje a prace. Br.; Pr., 1988.
82. Sharpe S. Double identity: The lifes of working mothers. 1984.
83. Sharpe S. Voices from home. L., 1990.
84. Sozialisationsforschung. Kosel, 1985.
85. Tax policy: How do families fare? Wash. (D.C.), 1985.
86. Tax return in Hungary. Budapest, 1987.
87. Tharp O., Otis T. Towards a theory for therapewtic intervention in family // Families in crisis. NY., 1970.
88. Valkovics E. Magtarorszag nepessegenek gazdasagi korfai — Экономические возрастные пирамиды населения Венгрии. Budapest, 1967.
89. World labour report. Geneva, 1984 Vol.1.
90. Wie gehtes der Familie? Ein Handbuch zur Situation der Familien heute Kosel, 1988.
- 91 Zur Veranderung im Eltern-Kind-Verhaltnis seit Nachkriegszeit. Stuttgart, 1988.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
Глава первая	
ОБЩИЕ ПРИНЦИПЫ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЬИ В СССР	6
Глава вторая	
СУЩНОСТЬ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ, ЕЕ ЦЕЛИ, ЗАДАЧИ И ПРИНЦИПЫ	25
Глава третья	
СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ	42
Глава четвертая	
СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА И ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ	102
Глава пятая	
СЕМЕЙНАЯ ПОЛИТИКА, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ФУНКЦИИ СЕМЬИ	114
Глава шестая	
НАБЛЮДЕНИЕ ЗА РЕАЛИЗАЦИЕЙ СЕМЕЙНОЙ ПОЛИТИКИ	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	134
ЛИТЕРАТУРА	137